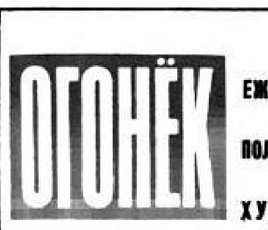
ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 25 (2034)

19 ИЮНЯ 1966

Москва строится. Проспект Калинина. **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

москва, 1966...

Проспект Калинина — одна из крупнейших магистралей столицы. Здесь будет жилой и административный центр города. Поднялись первые этажи, но недалеко время, когда засверкают на солнце корпуса двадцатипятиэтажных административных зданий, вытянутся в ряд жилые дома-башни, будет окончен комплекс зданий СЭВ, откроются специализированные магазины, кафе, рестораны и кинотеатр.

КРЕПНУТ ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ

Дружба в отношениях между Советским Союзом и Финляндией стала доброй традицией послевоенных лет. Эти июньские дни стали новым проявлением советско-финской дружбы: Хельсинки тепло встретили Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, прибывшего с официальным визитом в Финляндию. На снимке: визит А. Н. Косыгина к Президенту Финляндии У. Кекконену.

Фото спецкора ТАСС В. Савостьянова.

СЕГОДНЯ ДЕНЬ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

НЕСУЩАЯ СВЕТ

Полковник Христо Янев Христов, заместитель главного хирурга Болгарской народной армии, спокойный, выдержанный человек, на этот раз не мог сдержать волнения. Впервые за шесть лет полковник смотрел кинофильм. И оттого, что картина была цветная, брызжущая яркими красками, он особенно остро почувствовал радость. Совсем недавно кругом была вязкая темнота. Христо Янев перенес две операции, но исцеление не наступало. И тогда Христов приехал в Москву, в Главный военный госпиталь, и стал пациентом Валентины Александровны Розиной.

Потом была операция, и наконец... Полковник открыл глаза, и первое, что он увидал, было милое внимательное лицо, склонившееся над ним, светлые добрые глаза.

— Такой я и представлял вас, Валентина Александровна,— сказал полковник.

Недавно Христо Янев Христов уехал на родину. Уехал со стопроцентным зрением...

Валентина Александровна Розина — врач-ординатор глазного отделения Главного военного госпиталя имени академика Н. Н. Бурденко. Мы ходили с ней по отделению, она рассказывала о больных, об операции, которую делала сегодня, и совсем мало о себе:

— У меня все обычно. Родилась на Урале. Школа. Институт в Курске. Война. Работа в госпиталях. Потом здесь, в глазном... Время пролетело так быстро, что я и не заметила. Теперь вот уже сын Юрка инженером стал... Одно могу сказать: никогда не раскаиваюсь, что выбрала эту профессию...

У Валентины Александровны лечатся и солдаты и генералы, люди из разных стран. И каждый говорит на прощание:

— Вы должны приехать к нам. Приедете, и я всем скажу, какой замечательный человек мой советский доктор! Приезжайте, обязательно приезжайте!

Военные — люди, как правило, сдержанные, суровые. Но в письме, которое они прислали в редакцию «Огонька», было очень много теплых слов о враче Розиной и просьба — рассказать о женщине, у которой золотые руки, доброе сердце, о женщине, несущей людям свет. Эту просьбу я постарался выполнить.

В. БРЕЖНЕВ

ВРЕМЯ НАДЕЖД

После долгой и холодной весны Франция попала в объятия жаркого лета. Обычно в такие июньские дни главной заботой парижан, задыхающихся в автомобильном и прочем чаду, бывают приготовления к близким каникулам. Рекламы уже подготавливают глав семейств, торопя их обзавестись «самым необходимым». Газеты меняют тон, давая на своих полосах место главной теме — лету и каникулам. Но сейчас парижские газеты, похоже, отложили летние темы на более поздний срок. Они полны политических статей, размышляющих о путях и роли Франции в Европе и мире. Газетные издатели бумагу зря не переводят,— значит, именно эти проблемы вызывают сейчас интерес читателей. Одна газета на днях заметила: «Взоры Европы обращены к Парижу»,— и никто не упрекнул ее в преувеличении.

Да, на Париж внимательно смотрят из многих европейских столиц. Он оказался в центре событий, которые ломают отжившие свой век догмы «холодной войны», рождают надежды на новые отношения европейских государств, на разумную политику сотрудничества и обеспечения безопасности континента. Франция сделала важный шаг, выйдя из военных организаций Атлантического блока, она подала пример, решительно пересмотрев старую «атлантическую» концепцию пресловутой «угрозы с Востока», пошла на развитие широких и нормальных связей со своими восточными соседями.

В любой беседе с французами разных положений и мнений так или иначе сейчас заходит разговор о визите президента Франции генерала де Голля в СССР, о новом повороте во франко-советских отношениях. Сейчас, пожалуй, характерно в этих беседах то, что, какими бы ни были собеседники, какие бы взгляды ни выражали, они одобряют улучшение и благоприятное развитие франко-советских отношений. Определяя значение визита генерала де Голля в СССР, один из лидеров правящей партии ЮНР — ЮДТ Лео Амон говорил на днях:

— Генерал де Голль направляется в Москву от имени всей Франции. И вся наша нация желает наибольшего успеха этой поездке. Ее цель — укрепить мир и взаимопонимание в Европе. Не может быть безопасности и разрядки в Европе иначе, как путем откровенного и сердечного сотрудничества государств с разными политическими режимами. Поскольку Советский Союз могуч и влиятелен, Франция нуждается в нем в поисках мира в Европе. Но и Советский Союз не менее заинтересован в сильной и независимой Франции, чтобы создать единственно приемлемое равновесие на нашем континенте. Поэтому франко-советские отношения являются одним из основных условий утверждения процветающей и миролюбивой Европы.

Депутат Национального собрания Франции Раймон Шмитлен, в свою очередь, рассказывает:

— Я вспоминаю, что еще в декабре 1944 года генерал де Голль говорил, что Франция и Россия всегда были сильны, когда объединяли свои усилия. Эти слова продиктованы опытом: в войне, от которой зависело будущее нашей страны, мы вместе боролись против общего врага и побеждали. Нелегко и не просто было, конечно, улучшить отношения наших стран после «холодной войны». Последним и, пожалуй, самым крупным препятствием было наше участие в НАТО, которое ставило нас в положение противников Востока по военным блокам. Сегодня эта преграда преодолена. Мы обрели подлинную независимость и самостоятельно проводим политическую линию, направленную на улучшение отношений в Европе.

Визит нашего президента, сказал далее Р. Шмитлен, служит как бы завершением одного этапа франко-советских отношений и началом нового.

О перспективах этого нового этапа размышляют сегодня и французские торгово-промышлен-

Президент Французской Республики генерал де Голль в рабочем кабинете.

Фото В. Генде-Роте. (ТАСС).

ЗА КОММУНИЗМ!

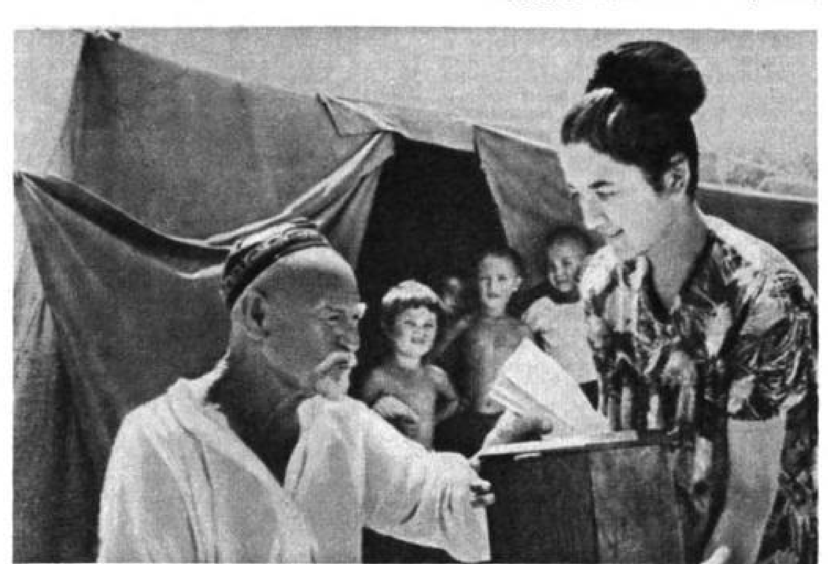
ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ. ВСЕ КАНДИДАТЫ, ВНЕСЕННЫЕ В БЮЛЛЕТЕНИ, ИЗБРАНЫ В ВЫСШИЙ ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

Вертолет доставил избирательные бюллетени геологам Верхоянья.

Фото В. Тетерина (ТАСС).

Ташкент. Дом пенсионера Хакули Самандарова разрушило землетрясение. Пока он живет в палатке. Сюда пришла член участковой избирательной комиссии Наима Махмудова с урной для голосования.

Фото В. Кожевникова (ТАСС).



12 июня — день выборов в Верховный Совет СССР — страна отметила как большой всенародный праздник. 143 917 031 избиратель голосовал в этот день за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Полярники дрейфующей станции «СП-15» и исследователи Антарктиды, рыбаки Клайпеды и оленеводы самой восточной точки России — поселка Уэлен, их соотечественники на Волге, Урале, в Сибири, в горах Кавказа и степях Казахстана единодушно отдали свои голоса за кандидатов народа. В избирательных округах по выборам в Совет Союза за кандидатов в депутаты голосовало 99,76 процента избирателей, принявших участие в выборах, и в избирательных округах по выборам в Совет Национальностей — 99,80 процента.

Итоги выборов продемонстрировали нерушимое единство партии и народа, полную поддержку советскими людьми избирательной платформы нашей партии — решений XXIII съезда КПСС. Каждый, кто отдал свой голос за кандидатов народа, голосовал за подъем нашей экономики и культуры, за мир, за коммунизм!

ные круги. Улучшение климата франко-советских отношений благоприятствует их стремлению к установлению более широких и тесных связей со странами Восточной Европы, в том числе с Советским Союзом. Для этих связей есть уже хорошая основа — долгосрочное торговое соглашение между Францией и СССР. Но только основа. Ибо на пути подлинного экономического сотрудничества сделаны лишь первые шаги. Хотя за последние 10 лет советский экспорт во Францию возрос в полтора раза, а импорт — в 2,3 раза, общая доля Советского Союза во французском внешнеторговом балансе остается еще незначительной. А возможности ее увеличения огромны. Несложный подсчет показывает, что если бы Франция закупала у нас только 5 процентов ввозимого ею ежегодно промышленного оборудования, то она вышла бы на первое место в торговле СССР со странами Запада.

Для этого необходимы усилия и поиски, изучение взаимных потребностей и возможностей. Французские деловые круги уже сейчас убеждаются, что никаких объективных препятствий для развития широкого торгового обмена с нашей страной не существует, а поиски взаимовыгодных форм экономического обмена двух стран, несомненно, окупятся сторицей.

Франко-советские отношения сегодня тема № 1 в политической жизни Франции. Здесь много примет, показывающих глубокие изменения в общественной жизни Франции, растущую заинтересованность умножать и укреплять связи со своим великим восточным соседом.

На днях состоялся внеочередной съезд общества дружбы «Франция — СССР», объединяющего десятки тысяч людей. Это общество приветствовало предстоящий визит президента де Голля в СССР и выразило надежду, что франко-советские переговоры приведут к плодотворному сотрудничеству двух стран. Съезд еще раз подтвердил, что идея дружбы с советским народом завоевывает все более прочную позицию всего французского общественного мнения. В общество «Франция — СССР» вступил ряд видных политических и общественных деятелей Франции, расширился состав его руководства. В предсъездовский совет вошли представители социалистической партии, которая долгие годы официально не принимала участия в работе общества. В него вошел также один из лидеров крупной Федерации христианских профсоюзов.

Таков дух времени. Идея франко-советского сближения и сотрудничества побеждает умы, обретает реальные формы. Она рождена жизненной необходимостью европейских стран — обеспечить мирное будущее континента, его безопасность, добрососедские и плодотворные отношения в Европе.

В этом миллионы французов видят смысл визита президента де Голля в Советский Союз и надеются, что он послужит не только укреплению традиционной дружбы двух стран, но и улучшению международного климата в Европе и во всем мире.

Л. ВОЛОДИН

Париж, по телефону.

ПАТРИАРХ РУССКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

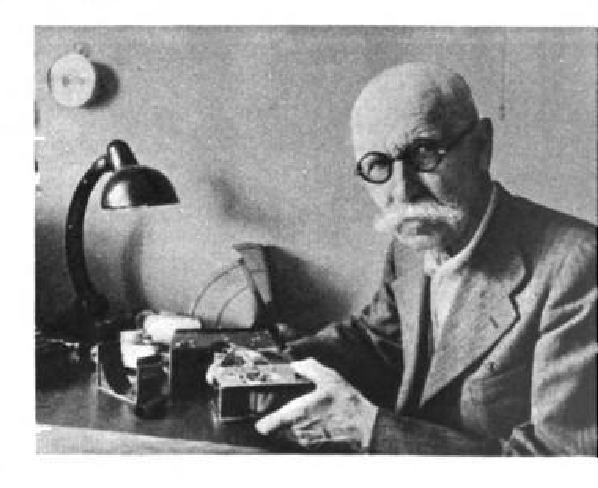
Федору Васильевичу Токареву исполнилось 95 лет.

— Кто такой Токарев?— этот вопрос сейчас может задать только тот, кто не знал войны или не читал о ней.

Назовите эту фамилию бывшему фронтовику, и он скажет очень много хороших слов в адрес Федора Васильевича, хотя самого Токарева, вероятно, ни разу в жизни не видел. Ф. В. Токарев — талантливый конструктор, создавший прекрасные образцы отечественного пехотного оружия. Офицеры всегда держали при себе надежного друга — пистолет «ТТ», солдаты шли в атаку с ручным пулеметом «М-Т» и с самозарядной винтовкой «СВТ». Токаревские «Т» послужили нашей победе над фашизмом так же, как ильюшинские «ИЛы» и яковлевские «ЯКи».

За большие заслуги перед народом Ф. В. Токарев награжден многими орденами и медалями, он удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии, без защиты диссертации ему присвоено звание доктора технических наук. 14 июня к наградам Ф. В. Токарева прибавилась еще одна — орден Ленина.

Вот кто такой Федор Васильевич Токарев. Любители фотографии могут добавить: Токарев еще и конструктор фотоаппаратов. Знаменитая буква «Т» вошла составной частью в название не только оружия, но и фотокамер. Одна из них — «ФТ-2» — пользуется большой популярностью.



Ф. В. Токарев.

Фото О. Кнорринга

И. ВЕРШИНИНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК МУЗЫКИ

Хорошо радиорепортерам. Им не надо ничего угадывать: сыграл сегодня музыкант хорошо — вечером его передали в эфир; завтра три других отличились — и с ними знакомят тут же. Весь остальной корпус аккредитованных на конкурсе Чайковского корреспондентов — а численность его немалая: 170 человек — гадает на кофейной гуще и мечется по залам, гостиницам, кулуарам, тщетно пытаясь построить верные прогнозы и взять интервью у будущих лауреатов.

Прогнозы строят все: слушатели, журналисты, сами участники. Не строит только жюри. Знаменитые музыканты, маститые педагоги, опытные судьи — они знают, как преждевременно и легкомысленно заниматься предсказаниями. Тем более, когда впереди III тур — выступление с оркестром — показатель зрелости музыканта. Мы помним, как на предыдущем конкурсе Чайковского, казалось бы, верные претенденты — Помье, Бийо, Богас — в финале спутали карты предсказателей. А ведь на III конкурсе состав исполнителей много моложе. Правда, о нем не скажешь — зеленее. Чуть ли не у каждого из 17—18-летних в биографии победы на международных конкурсах, лауреатства, медали, дипломы, блестящие рецензии, выступления в лучших концертных залах мира, грамзаписи... Смотришь на выставленные фотографии участников — смокинги, манишки, вечерние туалеты и прически, драгоценности — звезды! Знаменитости! А встречаешься с ними — и видишь, что все это очень милые, очень симпатичные, простые парни и девушки, веселые и озабоченные, шумные и любознательные, смешливые и сосредоточенные, целеустремленные и доброжелательные, одержимые и объективные, хотя в большинстве своем действительно звезды. Когда на III туре скрипачей играл Витя Третьяков, в Большом зале консерватории в ложе для участников собралась, наверное, вся соревнующаяся молодежь. В этот вечер пустовали классы. Надписи на раскрытых дверях напрасно предупреждали: «Не входить. Здесь занимается участник конкурса». Участники не занимались, они слушали. Слушали музыку. Настоящую. Светлую и человечную. Прекрасную и глубокую. Вспоминались слова Чернышевского, сравнившего скрипку с человеческим голосом. 20-летний юноша, первокурсник сумел передать в «Меланхолической серенаде» Чайковского такое богатство чувств, переживаний, что озадачил даже жюри, прослушавшее на конкурсе серенаду раз двадцать. Любителям пересказывать музыку своими словами здесь предоставляется необозримый простор для фантазии. Сам же Витя об этом говорил мне, смущенно улыбаясь:

— Вы понимаете, конечно, что никаких подобных мук любви, расставаний, разлуки я в своей жизни не испытал еще, конечно! Я думал только о музыке и просто играл.

Просто играл!

— Это что-то невероятное!

— Феноменально! Первая премия!

Нет, пока это еще не решение жюри. Когда писался репортаж, до решения было далеко, только начинался III тур. Это — мнение сидевших рядом со мною двух молодых скрипачей, талантливых музыкантов, серьезных соперников — американца Каслмэна и Николаса Чумаченко из Аргентины. А ведь для них лавры конкурса — это не просто премия, украшение биографии, радость признания, для них это — будущее, возможность заниматься дальше у хороших педагогов, контракты, концерты, гастроли...

Широко известный в США и Европе очень талантливый американский скрипач Эрик Фридман (он сам уже заседал в жюри — конкурс Жака Тибо во Франции), когда я спросила его о дальнейших планах, сказал:

— Это целиком зависит от конкурса.

С первого тура вдохновенное и артистическое исполнение Фридмана вызывает удивление и споры. Одни восхищены, другие не приемлют. Сам же Фридман немного растерян.

— Мне очень трудно,— искренне признается он.— Это ведь первый экзамен в моей жизни. Понимаете, я никогда, никогда в жизни не держал экзаменов. Я не учился в консерваториях, я занимался всегда у знаменитых маэстро, в том числе последние годы у самого Яши Хейфеца. Но это все были частные уроки, а не систематические школьные занятия, поэтому обстановка экзамена для меня непривычна и выбивает из колеи. Когда я вижу перед собой не только лица, а карандаши, папки, записи, я утрачиваю все то самообладание, что приобрел за десять лет на концертной эстраде. И завидую вашим скрипачам. У них очень надежная школа, которая их защищает от любых неожиданностей; на конкурсе это очень много значит.

Да, конкурс — это не только состязание юных дарований, это проверка методов воспитания, это смотр школ. И то, что все больше и больше на всех международных форумах искусства побеждает советская молодежь, симптоматично.

Поэтому, когда после успешного выступления японского виолончелиста Ясуда, великолепно исполнившего концерт Кабалевского и удостоенного высокого признания самого автора (а мы знаем, какой строгий и взыскательный судья Дмитрий Борисович), я спросила у счастливого музыканта о его заветном желании, он, не задумываясь, перебивая переводчика, воскликнул: «Учиться у Ростроповича!» Потом он рассказывал нам о своей школьной подруге — любимице предыдущего конкурса Йоко Кубо. Лауреатство на конкурсе Чайковского сделало ее знаменитой. Успешно концертирует и другой лауреат — виолончелист Хираи, удостоенный специальной премии за лучшее исполнение произведений советских композиторов,— он стал ярым пропагандистом советской музыки.

На конкурсе Ясуду волнует и судьба его соотечественниц. Обе скрипачки — и Масуко Усиода и Екко Сато — выступают блистательно, принося этим славу не только японской, но и советской музыкальной школе. Масуко старше, увереннней, совершенней. Екко всего 17 лет, и она такая маленькая, что даже скрипка у нее специальная — меньше обычной. Но, когда Екко держит эту скрипку, она себя чувствует, очевидно, очень большой и очень сильной. Решительный жест, волевой, энергичный звук — он разрастается, становится все громче, полнее, насыщеннее, кажется, что не маленькая эта рука, а огромная воля музыканта вызывает его к жизни... Екко играет с наслаждением, с восторгом, упиваясь музыкой, и слушатель вместе с ней отдается этой атмосфере радости, праздника... Да, смело можно сказать, что конкурс Чайковского превратился в большой праздник музыки!

III тур конкурса — это концерты первоклассных музыкантов. На снимке вы видите, как играют виолончелисты: Каринэ Георгиан — СССР, Лоренц Лессер — США, Марко Скано — Италия, Кен-Итиро Ясуда — Япония, Стефен Кейтс — США — и скрипачи: Рубен Агаронян — СССР, Олег Каган — СССР, Масуко Усиода — Япония, Эрик Фридман — США, Виктор Третьяков — СССР.

В состязание вступили вокалисты и пианисты. Поет Тереса Войташек-Кубяк — Польша.

Форум пианистов открыл 18-летний ливанец, ученик ЦМШ Валид Ража Хаурани.

Виолончельный олимп во главе с Мстиславом Ростроповичем.

Среди многочисленных иностранных туристов, прибывших на конкурс, и родители участников.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО НА РАССВЕТЕ

Владимир ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Знал ли я, как начнется война? С обычной для молодости самонадеянностью считал, знаю.

Мне было девятнадцать. Я окончил десять классов. Поступил в институт. Служил действительную в 214-й воздушнодесантной бригаде. Был сержантом.

В памяти были еще свежи перестрелки патрулей, обмен дипломатическими нотами, взаимные претензии, ультиматумы, предшествовавшие началу второй мировой. Вот так и начнется...

Плыл июнь, жаркий, с грозами, с росами по утрам. Из лесов и полей, что подступали к самому нашему военному городку, неслись густо замешенные на цветах и хвое призывные запахи. Бередили сердца бойцов девичьи письма. Шла служба. Летели прочь дни. Где-то впереди замаячило долгожданное увольнение в запас, домой...

Правда, шепотом поговаривали, будто километрах в семидесяти от нас, неподалеку от Минска, летчики соседнего истребительного полка посадили немецкий самолет-нарушитель, будто немецкие диверсанты то тут, то там пересекают тайно нашу государственную границу.

Ну и что? От веку в нашу страну перебрасывал враг диверсантов и шпионов. Сколько фильмов мы об этом пересмотрели, сколько книг перечитали. Знаем, всех переловят!

Даже когда из штаба ЗапОВО [1] пришел приказ затемнить фары машин и соблюдать светомаскировку, мы не придали этому значения. Ну да, правильно, нужна бдительность. А как же?

В четверг девятнадцатого июня на командирских занятиях по тактике наш ротный, старший лейтенант Хотеенков, внушительно помолчав, сказал:

— Кое-какие паникеры и трусы распускают враждебные слухи... Заявление ТАСС [2] читали? Германия на нас нападать не собирается. Но если нападет,— враг будет разгромлен одним ударом, малой кровью, на его же территории. Ясно?

Мы стояли перед старшим лейтенантом, потные, вымазанные землей, и тяжело переводили дух. Захват «вражеского штаба», который мы только что завершили,— задача, конечно, учебная, но выполнить ее нелегко. У Хотеенкова не посачкуешь. Попробуй сделай перебежку, коль приказано ползти по-пластунски,— командир роты враз заметит, даже ежели он спиной к тебе стоит. И заставит вернуться на исходный рубеж и ползти всю дистанцию сначала. А если разморит тебя солнцем, запьянит голову теплым, ласковым ветерком и смежишь ты на минуту глаза,— не посмотрит на сержантские треугольники, насидишься на губе.

Все молчали. Я искоса оглядел строй. Молодые, здоровенные, тренированные парни. Летные шлемы, комбинезоны. Голубые петлицы с золотыми птичками в верхних углах. Поблескивают сине-белой эмалью парашютные значки — символы мужества. Не всякому достанет смелости оторваться от самолета и ринуться в бездонную голубую пропасть! Кому недостанет, кто вернется на взлетное поле «пассажиром»— не бывать тому в нашей десантной бригаде!

Всего около двух лет прошло с тех пор, как я был призван. А как изменился! Давным-давно уже нет того юноши, который впервые переступил когда-то порог воинской части. Куда девалась мешкотная штатская неторопливость, книжная мечтательность?

Конечно, мне еще далеко до бригадных «старичков», до таких, как младший сержант Белицкий или сержант Пылайкин. Каждый из них по меньшей мере раз по двадцать отделялся от самолета и раскрывал парашют. И тот и другой уже понюхали пороху в Финляндии, совершали боевые высадки. Они умеют и знают все по части службы. А меня полушутя называют «скубентом». Называют за то, что, случается, опаздываю в строй, не умею как следует подшить воротничок, заправить койку, за мое пристрастие порассуждать и еще за то, что не знаю чего-то неуловимого армейского и, как ни бьюсь, не могу научиться...

Но и у меня тоже есть парашютный значок с самодельной алюминиевой подвеской, на которой выбита цифра шесть — число прыжков. И у меня голубые петлицы с птичками и сержантские треугольники... Я очень хорошо представляю себе, как вернусь домой в десантной форме, с этими петлицами и значком на груди. Как зайду в родную школу, к товарищам и еще к одной знакомой, от которой получаю письма...

— Ясно, значит? — переспросил старший лейтенант.— Так и будете разъяснять бойцам. А теперь нале-е-во! С места с песней... шаго-о-ом... марш!

Школа младших командиров
Комсостав стране лихой кует.
Смело в бой идти готовы
За трудящийся народ!

Песня бодрила, снимала усталость. На груди у каждого из нас в такт шагам, с грозной размеренностью колыхались вороненые стволы автоматов ППД. Мягкая луговая земля глухо гудела под кирзовыми сапогами. И встречные провожали нас восторженными взглядами.

Наступала суббота — двадцать первое июня. Я договорился, что сразу после уборки помещений сбегаю на почту, получу посылку. Но не управился: старшине не понравилось, как мы вымыли пол, заставил перемыть, а когда кончили, было уже поздно.

Грустно, протяжно пропел рожок сигналиста. Отбой.

«Завтра схожу,— подумал я, укладываясь спать.— Письма отправлю. Может, домой, в Москву, позвоню...»

Сквозь сон я еще слышал, как мерно постукивают ходики над тумбочкой дневального...

Это был последний звук, который я слышал в мирное время. И я, и мои товарищи, что лежали рядом в казарме, на железных армейских койках, и тысячи и тысячи других солдат и командиров в частях и войсковых соединениях на всем огромном протяжении от Баренцова до Черного моря, и все жители нашей страны спокойно отошли в эту ночь ко сну. Засыпая, думали мы о своих домах, о матерях и любимых, о школах, о пашнях, о заводах, на которые собирались вернуться, отслужив службу. Мы думали, засыпая в эту ночь, о нашем светлом будущем...

Мы не знали, что там, за Бугом, за демаркационной линией, за государственной границей, немецкие артиллеристы уже расчехляют орудия и загоняют в казенники боевые снаряды. Не знали, что немецкие танкисты убирают маскировочные сетки, натянутые над машинами с черно-белыми крестами на стальных боковинах, что летчики люфтваффе уже прогревают моторы перед вылетом на восток...

Ходики у входа в казарму над тумбочкой дневального отстукивали последние мирные часы.

Я уснул.

Наступил рассвет двадцать второго июня.

На границе гремели первые залпы. Уже насмерть бились пограничники у своих застав. Уже отразил первые атаки геройский гарнизон Брестской крепости. А наша бригада, хоть и была неподалеку от границы, еще спала.

Ходики показывали пять, когда дежурный по роте сержант Пылайкин объявил тревогу. Но мне, да и никому из нас, не пришло в голову, что́ она означала, эта тревога...

Заслышав привычный возглас «В ружье! Подымайсь!», я вскочил. Птицами взлетели вокруг меня одеяла. Сон еще не прошел, он еще мутил разум, но руки автоматически делали свое дело: натягивали брюки, сапоги, гимнастерку, надевали ремень. Теперь — к пирамиде, за оружием.

— Выходи строиться на улицу! — прогремела новая команда. «Значит, опять прыжки! — недовольно подумал я.— Да, видать, еще и тактика. Вот и сходил на почту!»

На бегу к дверям я не забыл продублировать приказ:

— Второе отделение! Выходи!..

Главное — не опоздать в строй. На дворе-то уж, наверное, ждет комбат, капитан Анторшенков, с секундомером в руке. И, наверное, похаживает, нервно заложив руки за спину, командир роты Хотеенков. А если учебная тревога объявлена по всей бригаде, то и сам комбриг, полковник Левашов, тоже пришел. Опоздаешь — худо будет. Да еще и Лабецкому достанется.

Командира нашего взвода младшего лейтенанта Лабецкого у нас в роте, да и во всем батальоне обожали немой, но беззаветной любовью. Лабецкого никак нельзя подвести.

Наконец я на улице. Белицкий и Пылайкин уже построили своих подчиненных. Но и я не последний.

— Отделение! Становись!..

Все. Теперь можно перевести дух и осмотреться.

Что это? Ни комбата, ни ротного, ни даже Лабецкого! Вот они еще только бегут, натягивая на ходу шинели. И зачем шинели? Тепло!.. Впервые что-то тревожное коснулось сердца. Строй притих.

— Сержант! — еще издали крикнул мне Лабецкий.— Взять

---

[1] ЗапОВО — Западный особый военный округ.

[2] Имеется в виду заявление ТАСС от 14 июня 1941 года.

машину — и на склад боепитания! За патронами!..

— Есть!.. Что случилось, товарищ младший лейтенант?

— Крупная провокация на границе, сержант,— серьезно сказал Лабецкий.— Наверное, война...

По дороге, что вилась далеко в поле, безмятежной стайкой шли на работу девчата-колхозницы. Утренний ветерок доносил звонкую песню. Они-то, эти девчата, конечно, ничего еще не знали.

Но для меня, да и для всех нас все окружающее в ту же минуту изменило свой вид, приобрело новое, грозное и тревожное значение. И лес. И поле. И дорога. И девчата на ней...

И утреннее голубое небо, усыпанное празднично-белыми облаками, меж которыми двумя темными черточками мелькали истребители, совершавшие уже не учебный, а боевой полет, стало с этой минуты для нас небом войны...

ВПЕРЕД, СЕРЖАНТ!

Прошло три дня, а мы все еще сидели в лесу, который окружал наш аэродром, ожидали приказа на высадку.

Утром и вечером, аккуратно в одно и то же время прилетали немецкие самолеты. Струи пулевых трасс зенитных пулеметов прикрытия (орудий на нашем аэродроме не было) на наших глазах упирались в животы «юнкерсов», идущих в четком, как на параде, строю, но не приносили им видимого вреда.

«Юнкерсы» неторопливо разворачивались, поочередно с оглушительным воем пикировали. Над взлетным полем вставали столбы разрывов.

Мы разбегались по щелям, вжимались в землю, с непривычки прикрывая головы руками. А после отбоя воздушной тревоги шли зарывать воронки.

Перед самым заходом солнца на старт выруливали наши «тэбэшки» — тяжелые бомбардировщики «ТБ-3». Подпрыгивая на перепаханном бомбами поле и тяжело набирая высоту, уходили они на Запад. Рассказывали, к самому Берлину. А перед рассветом возвращались назад, устало подрагивая иссеченными осколками крыльями. Улетали шесть, возвращались два...

— А о нас что? Забыли? — ворчали «старички» Белицкий и Пылайкин.— Эдак мы без выстрела и войну кончим!

Потом пришел приказ отходить к Березине...

Незадолго до вечера мы вышли на шоссе. Армия отступала. Громыхала по булыжнику тяжелая артиллерия. Устало, вразнобой переставляя ноги, брела пехота. Обочинами пешком, с мешками и тачками, на повозках, утыканных для маскировки увядшими березовыми ветками, тянулись на восток беженцы. Гром, лязг, топот, цокот копыт, плач детей, крики команды — все смешалось в один нестройный гул. По сторонам от шоссе, меж оспин-воронок, еще не успевших заполниться болотной водой, там и сям лежали тела убитых. Мертво чернели под откосом остовы сожженных и разбитых грузовиков. Горели села...

То и дело проносились немецкие самолеты. Они выскакивали из-за леса со стороны солнца, и

Идет война народная... **Фото А. Шайхет.**

1942 г. Тыл — фронту. Так было в Ленинграде, так было и на Урале и в Сибири... **Фото Б. Кудоярова.**

их черные тени мчались по шоссе, как бритвой срезая все живое... Бешено стучали пулеметы, визжали пули, хлопали разрывы мелких бомб...

Шоссе замирало. Останавливались машины, повозки, орудия. А люди опрометью сбегали с насыпи в спасительную тень леса.

Вместе с армией некоторое время двигались мы на восток, все более и более проникаясь всем ужасом происходящего. Наши войска отступали по всему фронту. Немцы шли неудержимо, захватили Брест, Барановичи, Гродно, Слоним, Молодечно, их танки приближались к Минску... Но еще страшнее этих черных вестей были недоуменные мысли, что роились в голове. «Почему отступаем? Где же наши прославленные соколы — летчики-истребители? Почему не бьем врага малой кровью, на его территории? Неужели гитлеровская армия сильнее нас?»

Видно, не один я спрашивал себя об этом. Примолкли разговоры. Нахмурились командиры. И даже Пылайкин и Белицкий не беспокоились более, что мы не успеем вступить в бой до конца войны, что о нас забыли.

Нет, о нас не забыли. Когда до Березины оставалось рукой подать, пришел приказ: двум батальонам бригады перейти линию фронта и действовать в тылу врага... В те дни пройти и даже просто проехать во вражеский тыл было вполне возможно. Сплошного фронта не было. Немцы наступали вдоль шоссе. Все, что лежало по сторонам, оказалось «ничейным» пространством. Мы получили «энзэ» — по две банки мясных консервов, гороховый концентрат, сухари, таблетки хлороцида, чтоб обеззараживать воду. Потом погрузились на машины приданного нам автобата и проселками, глухими дорогами, минуя обезлюдевшие села и местечки, помчались обратно, на запад, навстречу первому бою в тылу врага.

Первый бой! Для солдата и партизана им определяется вся жизнь на войне. Первый бой дает новичку ответ на жгучий вопрос: трус ты или не трус? Будешь ты равным среди равных или станешь всеобщим посмешищем?

А мне и моим товарищам не терпелось поскорее увидеть врага поближе, посмотреть ему в лицо. Узнать: каковы же они, хваленые гитлеровские солдаты, покорившие всю Европу и теперь победоносно шагающие по нашей земле? Каковы они, те, кто сидит за стальной броней страшных немецких танков, за рулями самолетов, от которых мы до сих пор лишь беспомощно прятались по щелям и за стволами деревьев?..

Мы ждали первого боя и страшились его. Для кого-то он будет первым, а для кого и последним. Для кого?

Но прежде чем вступить в первый бой, я пошел в разведку. Не знаю, почему Лабецкий взял с собой именно мое отделение. Почему не предпочел кого-нибудь из «старичков» — Пылайкина или Белицкого? Быть может, потому, что относился ко всем ровно, любимчиков не терпел.

Лабецкий повел нас по азимуту, напрямик, болотом и лесом. У нас еще не было опыта войны в тылу врага, и мы не знали, что карте не всегда можно доверять и что азимут хоть и самая кратчайшая, но не самая близкая дорога к цели.

Позже, когда появился партизанский опыт, мы стали ходить тропами, с проводниками, знающими местность как свои пять пальцев, научились рассчитывать время и приходить к сроку.

А в тот первый раз мы ломились напрямик через чащу, вязли в болоте и лишь к вечеру, усталые, вымокшие, исцарапанные, вымазанные густой болотной жижей, добрались наконец до большого села (если не ошибаюсь, Рудни), в котором расположилась немецкая часть.

Когда сквозь густую листву кустов, росших на опушке, блеснул просвет, Лабецкий знаком приказал нам лечь и раздвинул ветки. Тут-то я и увидел первого в своей жизни вражеского солдата. Как дома, в Берлине, закинув за спину черный автомат и заложив руки в карманы, беспечно насвистывая песенку, он медленно прогуливался по временному деревянному мосту, наведенному вместо взорванного, обломки которого уродливыми челюстями торчали из воды рядом. Он был очень молод, этот белобрысый немецкий солдат. Наверное, одного возраста со мной. Наверное, и у него были где-то дом, старая мать, брат, сестренка. И в кармане своего зеленого мундира он хранил, наверное, фотографию любимой девушки и ее письма... Я представил себе, как сейчас, если прикажет комвзвода, выползу на шоссе и прикончу этого молодого парня ударом десантной финки... От этой мысли мне стало почему-то не по себе. Но Лабецкий не отдал приказа. В селе был штаб дивизии, крупные склады. Не стоило рисковать предстоящей операцией...

Вдруг рядом кто-то неосторожно хрустнул веткой. Часовой насторожился, лицо его исказилось, глаза сузились, губы сжались в плотную ниточку. Он сорвал из-за спины автомат и крикнул:

— Хальт! Ком цу мир, руссиш швайн!..

Автомат в руках немца задергался, в черном зрачке дула блеснул огонь. Над нашими головами просвистела очередь, защелкали о ветки разрывные пули.

Я ощутил прилив ярости.

«А-а, ты так! Вот ты какой добродушный парень! Враг, фашист!.. Ну, погоди!»

— Не отвечать! — шепотом скомандовал Лабецкий, мгновенно определив мои намерения.— Тихо!

Стрельба прекратилась. Снова послышалась песенка. Немец, видимо, решил, что ему померещилось...

На другой день наш батальон получил приказ напасть на село, уничтожить склады и штаб. Мы получили задачу, которую десятки раз отрабатывали еще в мирное время. Но тогда это была игра... Теперь предстояло все повторить по-настоящему, под вражескими пулями.

Чуть забрезжил рассвет, когда мы вновь подошли к селу. Кричали первые петухи. Где-то в центре сонно побрехивали собаки... Сквозь легкий утренний туман меж поредевшими деревьями темнели хаты. На их фоне ближе к нам яркими белыми треугольниками выделялись палатки, смутно поблескивали стекла в кабинах выстроенных ровным рядом грузовиков. Чуть подальше серело что-то огромное, укрытое брезентом, из-под которого остро выпирали углы и ребра. Склады!..

Все это я в одно мгновение охватил взглядом. «Но часовые? — пронеслось у меня в голове.— Где же часовые? Ведь до складов и палаток оставалось всего каких-нибудь два десятка метров! Эх, непуганые еще...»

В этот момент прямо передо мной из-за дерева отделилась темная фигура. Наверное, часовой проспал и не слышал нашего приближения.

— Хальт! — крикнул он.— Вер ист дас?

Я хотел выстрелить, но не успел. Из-за моей спины коротко прогремела автоматная очередь. Часовой упал.

— Гранаты! — закричал Лабецкий.

В палатки полетели гранаты. Огромные полотнища окутались черным дымом и медленно, как погашенные парашюты, одна за другой осели на землю. Из-под них с воплями, в одном белье, отчетливо выделявшемся в утреннем сумраке, на четвереньках поползли немцы. Мы посылали в них очередь за очередью. Но вот на чердаке крайнего дома вспыхнула багровая звездочка вражеского пулемета. Я почувствовал, как у меня на спине резко подпрыгнула противогазная сумка. Сквозь гром стрельбы и грохот взрывов донеслись отрывистые слова немецкой команды. За плетнями, за хатами, за деревьями забегали вспышки. Немцы постепенно приходили в себя. Но было поздно. Горели, чадя черным дымом, грузовики. Полыхал склад, разбрасывая струи искр от рвущихся патронов, ревело пламя над бочками с горючим, и десятки вражьих тел в белье и в ненавистных зеленых мундирах лежали недвижимо, уткнувшись головами в землю, которую они хотели так легко покорить...

Над лесом одна за другой взвились три красные ракеты.

— Отход! — закричал Лабецкий.

Перебегая от дерева к дереву, мы начали отходить в лес.

Мы уже отошли довольно далеко от села, уже встретились с другой нашей ротой, которая разгромила штаб и захватила штабные документы. Уже перевязали двух раненых десантников, укушенных пулями, и перезарядили диски автоматов. А стрельба позади все не утихала.

Меня догнал Лабецкий.

— Ишь, разворошили осиное гнездо!..— улыбаясь, сказал он.— Ты что это дорогу метишь?

Я оглянулся. Из коробки противогаза, развороченной разрывной пулей, на росистую траву сыпался мелкий порошок активированного угля.

— Выбрось! Все одно тут, в тылу, не пригодится... А ты в рубашке родился...

Он слегка подтолкнул меня в бок, чего никогда б не позволил себе в мирное время, и повернул ко мне возбужденное боем и всем пережитым лицо.

— Ну как?.. Видал, и они умеют бегать, когда их возьмешь за мягкое место!.. Так-то, сержант!

Я шел лесом вместе со всеми, равный среди равных, и все во мне пело. Я чувствовал себя счастливым. Я знал, был уверен: мы непременно придем к Победе!..

СИРЕНЕВЫМ САДАМ ЦВЕСТИ!

Сирень приятна всегда. Даже дикорастущая, с невзрачными, блеклыми цветками. Но как далеки они от той, что благоухает в саду Леонида Алексеевича Колесникова! Хозяин, человек семидесяти трех лет, с крепким загаром и сединой цвета, как говорят англичане, «перца с солью», охотно показывает гостям диковинный питомник. Как в калейдоскопе, тут в небывалом разнообразии удивительные однорядные и густомахровые соцветия.

Неутомимый селекционер положил много трудов на то, чтобы собрать в своем саду почти со всего мира лучшие образцы сирени и попытаться превзойти их. Его уникальные сорта вошли в коллекцию Главного ботанического сада Академии наук СССР, получили заслуженное и всеобщее признание.

Однако Леонида Алексеевича одолевает серьезная тревога. Нынешняя весна застала его врасплох: неожиданно рано и дружно расцвела сирень, и тут же возобновились «налеты» на его сад. Любители спиртного, живущие по-соседству, прямо-таки рвались сюда не только ночью, но и днем. Как же! Драгоценную сирень можно продать, на вырученные деньги выпить и снова лезть в сад.

Только поведал о своем горе Колесников, как донесся до нас какой-то шум. Что такое? На этот раз появился такой пропойца, что от одного только вида его бросило садовода в жар. Завзятый вымогатель не уйдет, пока не дадут ему несколько веток сирени. Колесников вызывает милиционера, а через полчаса — час все начинается сначала. Я поинтересовался, кто этот профессиональный попрошайка. Оказывается, старший инженер Института по проектированию предприятий деревообрабатывающей промышленности В. Д. Каширин, 36 лет от роду. Неоднократно задерживался местным отделением милиции. Его тут знают. А один проходимец ударил камнем Колесникова и сумел все же скрыться...

Может быть, комсомольцы Ленинградского района Москвы — а их около семидесяти тысяч — заинтересовались уникальным питомником Колесникова и пришли к нему на помощь?

— А что мы можем сделать? — удивился секретарь райкома комсомола Олег Виричев.— Будем мы еще интересоваться каждой цветочной клумбой...

Конечно, сиреневый сад Колесникова не клумба, но и клумбой стоит иногда поинтересоваться. Вскоре после моего разговора с Виричевым был пойман прохожими и доставлен в сто девятое отделение милиции шестнадцатилетний комсомолец Владимир Кусков. Днем в пьяном виде он воровал цветы с клумбы около кинотеатра «Ленинград». Будь райком комсомола дальновиднее, он бы сумел найти среди молодежи друзей сада. Им помогло бы Общество охраны природы, за ними пошли бы пионеры и школьники района.

Управление лесопаркового хозяйства столицы готово прийти на помощь Колесникову.

— Мы рады,— сказал П. П. Волков, начальник этого управления,— сделать все возможное. Сад надо перенести за город, на большой и хороший участок, возвести там соответствующие постройки и создать условия для творческой работы селекционера. Надо, чтобы Московский Совет поддержал это предложение, и тогда Леонид Алексеевич будет иметь большой простор для своих опытов. А Москва получит новые кусты прекрасной сирени.

В эти минуты я вспомнил, как уходил от Колесникова с подаренными им четырьмя душистыми ветками. Девушки останавливали меня, спрашивали, откуда такое диво. В метро, в вагоне возник настоящий митинг — о сирени. Много радости приносят цветы, и их надо беречь.

П. ЧУМАК

«Василиса Прекрасная». Один из сортов сирени, созданных Л. А. Колесниковым.

Фото С. Кравеца.

Коробейник

Игорь МИНУТКО
Фото А. УЗЛЯНА.

Сейчас начнем торговать.

А вот и первые покупатели.

Рано, с первыми петухами, начинается рабочий день Николая Яковлевича Житова. Еще туман над Волгой, и большое оранжевое солнце совсем недавно выкатилось из-за горизонта, а он уже хлопочет у своей автолавки: проверяет мотор, сортирует товары. Вот сейчас последняя сигарета — и в путь. Ждут его механизаторы, хлеборобы на полевых станах, хозяйки в далеких селах. Через колхозы и совхозы Марксовского района, Саратовской области, пролегают его маршруты. Уже много лет работает Николай Яковлевич шофером-продавцом автолавки Подлесновского сельпо, этаким современным коробейником.

А шофер он — каких поискать Экстра-класс! Надо не просто проехать, например, по раскисшей после дождя дороге, но и довезти в целости товары. А они у него самые разные: и верхняя одежда, и трикотаж, и обувь, и продукты, и посуда, и книги; нередко везет по заказу телевизор, мотоцикл, радиолу.

Но основная профессия Николая Яковлевича — это торговля. С первого взгляда легкая профессия. Ан нет! Сельский покупатель сегодня мало чем отличается от городского: люди хотят модно, со вкусом одеваться, иметь холодильник, телевизор, пианино. И в то же время есть у сельского покупателя спрос на сельские товары: сапоги, скобянку, удобную спецодежду. Все это должен знать продавец автолавки, должен уметь ориентироваться и в спросе и во вкусах, понимать своих покупателей. Вот такой он и есть, коммунист Николай Яковлевич Житов. Беспокойный, трудолюбивый, улыбчивый.

Сегодня первая остановка (а их еще будет семь) на околице села Подлесное. Покупатели уже тут как тут.

Первая задача — показать товар лицом, разложить его на прилавке. Одна беда — кое-что в пути потеряло свой вид. Убежден Николай Яковлевич, что устарела конструкция автолавки: нет холодильника, нет вентиляции; надо бы изотермическое покрытие, витрины необходимы. Подумали бы об этом конструкторы. Польза бы получилась двойная — и продавцам автолавок и покупателям. Вот хотя бы холодильник. Как хорошо привезти в летний зной на полевой стан холодное, свежее ситро! Нерешенных проблем у современных коробейников, пожалуй, слишком много.

Коляска по заказу.

◄Теперь в Подлесном будет еще один музыкант — Слава Ручкин. Нина Кардемон и Вера Сазанова уже попробовали, как звучат частушки под аккордеон. Не хуже, чем под саратовскую гармонику!

С обновками!

…Начинается торговля. Теперь Николай Яковлевич — и продавец и консультант.

Павел Фролович Варламов, ветеран колхоза «Победа», был тут председателем многие годы. Рыбак заядлый. Все они тут рыбаки. Село Подлесное на Волге стоит. А рыбаку без соломенной шляпы труба! Вот и выбирает, меряет: купить, так уж чтоб была вещь.

Очень распространенная форма торговли автолавок — по заказам. Приехал в село — собирает заявки на те товары, которых сейчас нет. Больше всего заказывают дорогие вещи: телевизоры, ковры, радиоприемники.

Вот и сегодня привез Николай Яковлевич семейству врачей Павловых детскую коляску. Правда, как будто не очень нравится. Похоже — устаревшая модель. Что же, право покупателя — выбирать. В следующий раз привезет другую.

Не повезло Фаине Скворок: думала, одна купила цветастый, яркий платок. Оказывается, подружки опередили. И теперь все пятеро — как сестры-близнецы. Ничего! Все равно красиво. Сразу парни заметят. Правда, перепутать могут своих подруг…

Давно шофер Слава Пучкин подумывает приобрести баян. Играет он пока неважно. Но ведь научиться можно. Главное — был бы баян. Может, сегодня решиться и купить?..

Подходят все новые и новые покупатели. И с каждым поговорит Николай Яковлевич, посоветует, поможет выбрать, если надо, примет заказ.

Солнце все выше поднимается над селом. Пора в дорогу. Ждут Николая Яковлевича и в других местах. Хоть и долог весенний день, а времени все равно не хватает.

И снова пылит дорога, петляет по берегу Волги. Автолавка Николая Яковлевича — одна из двухсот колесящих по степным дорогам Саратовщины, и везет она людям большие и маленькие радости.

А покупатели все подходят.

Сельские модницы.

СТОЙКОСТЬ ЧУВСТВ

Эта книга рождена любовью. Любовью не шумливой, но глубокой, живущей в сердце очень цельного и зрелого человека. Через войны, через все испытания, выпавшие на долю его поколения, идет человек навстречу утру, никогда — даже раненный, изнуренный — не теряя чувства радости и полноты жизни. Это любовь к Родине, где все родное — природа и люди.

Об этой беспредельной любви и рассказывают герои книги В. Астафьева «Окопы поросли травой». Составляющие книгу новеллы и миниатюры — как бы листки биографии простого русского человека, выдержавшего все мыслимые испытания на духовную прочность, героически защитившего собой человечество и, несмотря на все раны, страдания и заслуги, оставшегося очень простым, скромным, милым нашим соотечественником, верным и непритязательным.

И оттого-то, что таким ощущается в книге характер ее героя, с особенным доверием воспринимаются в ней задушевная откровенность, лирические признания, зоркие наблюдения. Как бы на наших глазах растет, раскрывается из маленького, трогательного деревенского мальчишки зрелый, суровый человек-солдат, щедро делящийся с нами трудно накопленной душевной мудростью.

Доброта людей входила в жизнь героя и с искусством скрипача Васи-поляка, горькая судьба которого волновала односельчан, и с уважением к верности солдатки Фаины, только через двадцать лет решившейся продать ружье своего погибшего мужа. И покупатель-односельчанин вместе с ней «горевал по-мужицки обстоятельно и по-русски шумливо, как будто обидел кого или его обидели».

А на войне юный солдат Глазов узнал силу самоотверженной солдатской дружбы, когда Сашка, тяжело раненный в грудь, нашел силы, чтобы поддержать, подбодрить товарищей!

И через всю книгу проходят образы прекрасных сердцем русских женщин. Беречь их, ценить их доверчивую самоотверженность учился герой.

Каким щемящим укором явилась судьба скромной девчушки Фисы, которая была «так мила, так застенчива, что вся красота, подаренная ей природой, до капельки объявилась и ничего не осталось про запас». Поздно понял герой, что «такая красота может держаться, если беречь ее. Очень уж хрупкая, очень уж вешняя: дунь холодный ветер — и ничего не останется, все облетит, осыплется, завянет». Не увядает только чуткость, беспредельная отзывчивость этих женщин, как не увяли достоинство и чистота Фисы ни от эгоистической черствости Арсения, ни от грубости пьяницы мужа. Но зато каким удивительным гимном женской любви прозвучала история Степана Творогова и его жены Надежды!

Пришла к человеку зрелость, настала пора поделиться всем тем добрым, что дали герою люди. И эта книга вобрала, впитала в себя суровый человеческий опыт, чтобы щедро одарить нас волей к первооткрыванию человечности («Низкий поклон вам от бывшего солдата российского, который знает, как трудно быть первым»). В книге нет громких слов, ее гражданственность тихая, сосредоточенная, как негромок человек наедине с самим собой, в раздумьях о самом заветном. И при всем том это подлинная гражданственность, потому что она активна, потому что она борется, потому что она доказала свой воинствующий партийный гуманизм в тяжких боях за человека. И потому, что сегодня она учит бескомпромиссности, чистоте и стойкости в чувствах.

Лариса КРЯЧКО

В. Астафьев «Окопы поросли травой». «Советская Россия». 1965 год.

Гремите, колокола!

Анатолий КАЛИНИН **РОМАН** **Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.**

В сущности, ничего необычного не произошло. Рано или поздно удар этого колокола звучит в каждом доме, хотя родителям почти всегда и кажется, что он звучит слишком рано. И дело было не в самом отъезде Наташи, а в том, что ее отъезд из дома был скорее похож на бегство.

Еще вчера вечером, когда она ходила с матерью на Дон купаться, и потом, когда все сидели во дворе за столом, отбиваясь от комаров дымом костра, сложенного из старой травы, об этом не было и речи,— и вдруг утром она вышла из своей летней комнаты на веранде и объявила, что уезжает. Куда? Конечно, в Москву. И раз ехать, то только завтра, чтобы успеть на консультации в институте,— у нее и так уже пропало лето.

Она принимала решения так же, как обычно бросалась с кормы лодки или с бакена возле острова в воду. Кто за нею гнался и кто ее мог ожидать там, в Москве? Наверняка можно было сказать, что никто, за исключением старшей сестры, которая после защиты диплома и сама должна была уехать на два года в Монголию. А учиться английскому с не меньшим успехом можно было и в Ростове: всего сто километров от дома и не придется, как Любочке, пять лет скитаться по углам. Полно родственников.

Но при этом напоминании Наташа взглянула на мать так, что мать тут же и отвела свой взгляд. Последнее время что-то появилось во взгляде у Наташи такое, что мать уже перестала вступать с нею в споры.

Возвращались из города вечером. За всю дорогу не нарушили молчания ни Луговой, ни его жена, еще никогда, казалось, так не поглощенная своими обязанностями шофера. И надо сказать, справлялась она с ними сегодня даже лучше, чем всегда, безошибочно нащупывая фарами в ночной степи все повороты среди чернеющих под безлунным небом скирд, лесных полос и курганов. На подъезде к хутору, как всегда, открылся из-под горы Дон. И тут вдруг Луговой впервые остро ощутил, что привычного успокоения, испытываемого им при возвращении из поездок домой, на этот раз нет, не будет.

И в ее комнате, такой же темно-зеленой, как и листья клена, прилипшие снаружи к стеклам веранды, все могло навести на мысль о внезапности ее отъезда. Возможно, и для нее самой. Как если бы она и сама, ложась вечером спать, еще не знала, что проснется с твердым решением ехать. Все оставалось в таком виде, в каком оно обычно оставалось, когда она ненадолго отлучалась на Дон, на остров, в Сибирьковую балку. Ночная сетка от комаров откинута так, чтобы можно было кратчайшим путем спрыгнуть из окна в сад и дальше — под яр. Книги все в том же порядке полнейшего беспорядка — на деревянной скамеечке у изголовья раскладушки и прямо на полу. С диска проигрывателя так и не снята та самая пластинка, которую в это лето она слушала особенно часто. Иногда на самом раннем рассвете, а иногда и в полночь Луговой слышал пластинку из своей комнаты, с беспокойством думая о том, что спать Наташа стала теперь совсем мало. И это несмотря на всеобъемлющую тишину хуторских ночей и зорь, единственно и нарушаемую, а скорее смягчаемую почмокиванием набегающего на кромку берега Дона.

Стоило всего лишь дотронуться до рычажка проигрывателя — и вот уже обернулась вокруг оси надпись на голубовато-зеленом поле: «Апрелевский завод грампластинок». А вот уже пластинка закружилась и так, что надпись совсем растворилась, утонула в этой голубизне, как в колодце,— тридцать три оборота в минуту. Сейчас протрубит вступление оркестр и тут же как бы расступится, открывая дорогу роялю.

Он никогда не считал себя сведущим в музыке настолько, чтобы до конца понимать ее язык, но этот техасский пианист, завоевавший четыре года назад Москву, кажется, сумел бы разбудить эту способность и в самом бесчувственном сердце. И Первый концерт Чайковского действительно звучит у него так, будто он родился среди этих берез, выбегающих из глубины русских лесов и полей на берега весенних потоков. Если сравнивать это с чем-нибудь, то, может быть, только с Доном, когда он, затопив прибрежные сады, бурлит среди деревьев и когда потом, успокаиваясь среди крутых яров, почти неслышно вымывает из-под них пурпурную глину.

А ему-то казалось, что он знает свою дочь. Не избежал и он обычной участи родителей, самоуверенно думающих, что ничто не может быть скрыто от них из жизни их детей, и за это теперь наказан той тревогой, которая все больше охватывает его душу. Оказалось, что он знает ее очень мало, а если не увиливать от истины, то и совсем не знает. И как бы теперь ни оправдываться тем, что с его профессией агронома он давно уже не принадлежит себе и что в то время, когда вокруг него в повседневной жизни людей еще так много самого элементарного неблагополучия, у него просто не оставалось времени для своей семьи, о которой он знал, что в ней все благополучно,— оправдаться невозможно. И перед кем же оправдываться, перед собой? Но самоутешение — ненадежный союзник, и тревога не станет меньше.

Березы поодиночке и толпами выбегают на береговую кромку и застывают в молчаливом удивлении перед этим половодьем звуков. И раньше, еще до отъезда Наташи, когда они доносились из ее комнаты, он всегда думал, что руки у этого техасца, как два голоса. И вот на самой ранней заре, когда только смутно зеленеет небо, один из них уговаривает ту, что еще продолжает спать, что час пробуждения уже настал и никак нельзя пропустить этого часа. Но на рассвете же и снятся в детстве лучшие сны, и, не открывая глаз, она просит его не прерывать ее сновидений. Ей кажется, что и его голос она слышит во сне и, если проснуться, он тоже умолкнет. А то, о чем он ей говорит, она слышит впервые в жизни. Он говорит, что детство уже позади и то, что ее ожидает после пробуждения, прекраснее всяких сновидений. Спроси у этих берез и потоков... И в подтверждение опять трубит оркестр.

Но на этом пластинка на диске отнюдь не заканчивает своего вращения — тридцать три оборота в минуту. Окончилась только первая часть концерта. «Аллегро нон троппо э мольто маэстозо...» — успел прочитать он надпись, прежде чем она растворилась в этой голубизне посредине черного круга. С отъездом Наташи не у кого спросить, как это перевести с языка музыки на язык, который понятен всем людям.

И все это она слушала так много раз: и засыпая вечером у себя на веранде под шорохи Дона и листвы и просыпаясь рано утром от тех же шорохов, к которым прибавлялось первое перепархивание птиц в листве клена, красной от пробивающих ее и падающих в Наташину комнату рассеянным дождем лучей солнца. Прямо перед домом переливается сквозь ветви клена и уцепившейся корнями за яр акации Дон, а если взглянуть налево, поверх кудрявой кровли виноградных садов, сразу за хутором встает, заслоняя собой степь, весь окутанный лилово-сизой мглой чебреца и полыни Володин курган.

Собственно, он и знает о ней только то, что росла она, как все хуторские дети: среди вербовых сох с раскинутыми на них донской чашей лозами в казачьих виноградных садах; в Сибирьковой балке и на склонах Володина кургана, где раньше всего проглядывали весной из бурьяна желтые пахарьки и фиалки, а потом зацветали и дикие алые розочки; на острове в ветвях тютины и терна; а в самом раннем детстве — под двумя громадными кустами смородины за домом, где всегда, даже когда задувал суховей, было тихо, пахло прелью прошлогодних листьев и в сумраке таинственно мерцали ее цветные стеклышки, ракушки, донская галька. Едва только смородина одевалась первым зеленым пухом, она забивалась туда со своей единственной подружкой Валей. И вытащить ее оттуда можно было только на Дон.

Не доискаться ему самому и смысла этих слов на обороте пластинки: 2-я часть — Андантино семпличе; 3-я часть — Аллегро кон фуоко. И это теперь тоже в наказание ему за то, что он так ни разу и не поинтересовался этим, когда она была дома. Если ничего не утаивать от себя, ему иногда даже казалось блажью, что она может по целым дням вслушиваться в одни и те же звуки. Да и вообще, не сводилась ли вся его заинтересованность в ее жизни лишь к тому, чтобы она была сыта, одета и могла учиться без помех? Как будто, кроме его виноградников, ничего другого и не существовало в окружающем мире. И как будто бы эта корундовая игла, извлекающая из пластмассового круга звуки, и этот заокеанский пианист смогут теперь рассказать ему больше, чем он сам должен знать о своей дочери.

Только что она вполне счастлива была радужным блеском своих стеклышек. Только что, безутешно рыдая, требовала, чтобы внесли обратно в дом ее елку, с которой давно уже осыпались все иглы. Кажется, только что и под лед на Дону чуть не ушла, когда ходила из хутора в станичную школу и как-то весной спустилась на окраинцы помыть сапоги,— и ушла бы, если бы пальто не надулось пузырем.

Не так ли уже сколько раз за свою жизнь приходилось ему замечать, как тот самый побег на виноградной лозе, который вчера вечером еще только проклевывался своим желтым клювиком из коричневой почки, сегодня утром сразу стал зеленым чубучком и сам уже тянется вверх, цепляясь усиками за надставку. И вот так же еще не удавалось уследить, когда произошла с ним эта перемена.

За стеклами, в которые клен впечатал свои листья, ночь, а флейты и скрипки, раздвигая темноту, все громче настаивают на том, что уже утро. Но они же и навевают эти безоблачные сны, приглашая еще и еще раз побывать во владениях детства. Пробежаться с кургана на курган. Покружиться на одной ноге под дождем. И после того как опять просияет солнце, полежать у тихой воды, унесясь взором туда, где ее синева впадает в синеву неба.

А Наташа с подружкой Валей после дождя могли по полдня простаивать с удочками под береговыми вербами по колено в воде. И тут же, неподалеку от них, безбоязненно собирали свой улов такие же голенастые цапли.

Опять забурлили под корундовой иглой потоки, подобные тем, что низвергаются весной из степи в Дон по всем балкам. В этом концерте Чайковского и вообще много водопадов, шумят реки. Но откуда же и у техасского пианиста это чувство русского в музыке? И вот уже его руки опять вступили в свой разговор — как два голоса. В одном — и обещание и нежность, а в другом — и мольба и тревога. Вот и скрипки не могут от нее скрыть, что возврата в страну безоблачных снов уже не будет. Утро само по себе прекрасно, но этого еще мало, чтобы возместить ее потерю.

— А это? — спрашивает он и начинает свое восхождение с нею с порога на порог. На такой высоте она еще никогда не была — и все-таки ей хочется узнать еще больше. Тем более что в томящих ее предчувствиях многое для нее еще совсем непонятно. Ожидание счастья уживается в них с грустью.

И это! Они поднимаются выше. Ей хорошо и страшно, но и это еще не все счастье. Должно быть и еще что-то такое, о чем, наверное, знает этот колокольчик, зазвеневший у нее в сердце.

И тогда таким же колокольным звоном рассыпается под руками пианиста из Техаса та самая песня, которой, вероятно, его и сумели заманить эти березы из его страны сюда, на берега русского половодья:

> Выйди, выйди, Иванку,
> Заспивай нам веснянку,
> Зимовалы — не спивалы,
> Весну дожидалы.

От этого колокольного звона, возвещавшего о наступлении для нее поры любви, она и пробуждается от сновидений своего детства.

Теперь уже пластинка совсем закончила свой бег под корундовой иглой, и в Наташиной комнате на веранде стало тихо. И опять можно услышать, как сосет из-под яра глину Дон, а ветер, ударяясь грудью о грудь воды, издает вздохи, как эхо оркестра.

И гудки самоходных барж, теплоходов и катеров, бороздивших Дон вверх и вниз, вечно будили, куда-то звали. В густой туман они часто бросали якорь перед островом, прямо против дома, и по воде далеко расстилался звон сигнального колокола. В годы раннего Наташиного детства самым большим из ходивших в этих местах судном считалась двухпалубная колесная «Москва», окрашенная в цвет июньского неба, а потом, когда появилась у Цимлы плотина, из Волги по шлюзовой лестнице спустились еще невиданные здесь теплоходы и дизель-электроходы. Ночами блуждающие по Дону в поисках фарватера судовые прожекторы выхватывали из темноты унизанные капельками росы береговые талы, обремененные гроздьями лозы в придонских виноградных садах, изломанные улочки хуторов и станиц. Забирались и внутрь домиков, пробегая по затейливой резьбе старинных комодов и по зеркалам новомодных шифоньеров, по большим фотографическим портретам не вернувшихся с войны солдат и по спящим лицам их вдовствующих жен и взрослеющих детей.

Наташа внезапно просыпалась в своем углу на веранде. Вихрь света, сдернувший с нее покрывало сна, уже убежал вперед и блуждал где-то среди верб островного леса. Проплыли мимо огни — и вот уже заглох за островом у станицы Раздорской звук судовой машины. И вновь обступала тишина, нарушаемая лишь гулкими толчками сердца.

Если долго вслушиваться в эту ночную тишину, она начинает звенеть все громче и громче. И вскоре уже все гремит: и Дон, и остров посредине Дона, и всходящая из-за ветвей островного леса багровая луна, и сама ночь, как огромный, опрокинувшийся над землей звездный колокол, в стенку которого с необъяснимой испуганной радостью ударяет сердце.

Весной и летом над Доном часто бушевали грозы. С утра небо чистое, как и вода в Дону, сквозь которую у берега можно пересчитать на его дне обросшие лохматой зеленью ракушки, солнце такое, что на песчаную косу нельзя смотреть,— и вдруг сразу поднимается низовка, вздымает на Дону бугры волн и срывает с них пену, из-за горы надвигается мрачная туча и над самым хутором лопается, разрешаясь бурным ливнем. Матери зовут с Дона детей исступленными голосами. Лодки с доярками и огородницами, застигнутые грозой на переправе через Дон, пляшут на гребнях волн. И Наташа прибегает с берега домой, уже вся исхлестанная дождем, с платьицем в руке.

Весь день гудит Сибирьковая балка, по которой вода из степи рвется через хутор к Дону. И прямо через двор бушует ерик, несет вниз вымытые из-под Володина кургана глыбы ракушечника, окатыши красной глины. Вода у берега Дона, разбавленная глиняной жижей, становится ярко-оранжевой.

Луговой, если он дома, вооружившись лопатой, старается не дать потоку прорваться в подвалы. Сбегающая из степи вода пахнет полынью и пшеничным полем. Деревянный дом на яру сотрясается от ударов, а если гроза продолжается и ночью, в нем все время светло от вспышек молнии. При этих вспышках задонский лес со стогами лугового сена на прибрежной опушке и с широкой просекой, уходящей к займищу, встает как нарисованный.

Наташа, которая в детстве страшно боялась грозы, а с недавних пор уже совсем не боится ее, или стоит под навесом крыльца и смотрит в ярко озаряемый грозой затопленный двор и сад, или, босая, помогает матери собирать во все кадушки, корыта и ведра дождевую воду, или же так и засыпает у себя на веранде под канонаду грома.

А утром она опять проснется от тишины. Вымыт, выкупан каждый листик, прилипший к стеклам веранды. Дон опять такой же синий, как и утреннее небо. И во дворе, в саду, куда Наташа перебирается своим наикратчайшим путем через окно, кусты винограда, кусты смородины — все окутано запахами теплых испарений, всюду капли дождя.

— Куда же ты? Завтракать! — кричит ей вдогонку мать.

Наташа и не оглянется. Конечно, на Дон, смыть остатки сна. Оттуда с Валей на старые колхозные базы за червями для рыбалки. А может быть, и прямо в степь, на бахчу, где сторож выставит циркулем из своей халабуды ноги и по целым дням спит, а двустволка висит у него над головой на сучке. По хорошему арбузу съесть — и весь завтрак.

Ну и мало ли еще куда, когда солнце еще только выкатывается из-за Дона!

Но и к повзрослевшему чубуку нельзя опоздать с помощью, когда его отрывает ветром. Иначе он может надломиться... И, пожалуй, жена права, что впервые подуло этим ветром у них в доме не день и не год назад, а гораздо раньше. Но дальше жена умолкает, то ли сама недостаточно уверенная в своих догадках, то ли как будто боясь их. И он не вправе рассчитывать на ее откровенность после того, как однажды, когда, может быть, еще не поздно было подвязать чубук, она сама попыталась поделиться с ним своими тревогами и наткнулась на его иронию, как на стенку.

Не день и не год назад, а скорее всего с того самого лета, когда последний раз приезжала из Москвы на каникулы Любочка. И за это время он так и не собрался подумать, что у него уже взрослая дочь, целиком поглощенный своей войной из-за этих склонов, краснеющих сквозь полынь глиной. И войне за то, чтобы засадить их виноградной лозой, не видно конца, и еще неизвестно, не опоздал ли он уже со своей помощью дочери. Он даже не знает, какая ей нужна помощь.

Конечно, где-нибудь на задворках памяти можно найти доказательства, что и он был для нее отцом если не лучше, то и не хуже, чем для своих детей другие. Из своей памяти человек всегда властен извлечь только то, что ему нужно. И сразу же появятся такие подробности, что впору будет и самому поверить в свою безгрешность. И то, как, несмотря на занятость, он все же находил время, чтобы спеть ей песню о казаке, которая потом так и сделалась ее колыбельной песней; и то, как ходил с нею за руку по бахче в конце двора, объясняя, где арбуз, где дыня, которые вскоре так и объединились у нее под одним названием абузыня; и многое другое.

— Казака! — требовала она, едва успев обхватить своей ручонкой его жесткую шею, и не закрывала глаза уже вплоть до той самой поры, пока весенняя птаха не поселялась в калине у изголовья этого умершего на далекой чужбине казака. Но часто Луговому и не надо было петь, а только прислушиваться вместе с нею к этой же песне, доносившейся из старых виноградных садов — из бригады Дарьи Сошниковой.

...А на самом краю бахчи они обычно усаживались на больших белых тыквах, нагретых солнцем. Пахла агудина, и кузнечики стрекотали в дерезе, буйно зеленой волной перехлестнувшей из двора, через забор, через кромку яра... Сколько ни вырубали ее тяпкой, а то и топором, росла — и даже сиреневo, весело зацветала в самом конце лета, когда все остальное уже чернело и вяло.

Да и вообще-то отцовская любовь стыдлива. А то, что она уехала, еще не причина, чтобы теперь взваливать на себя какую-то вину. Все дети уезжают. Странно было бы, если бы она решила навсегда привязать

себя к дому. Не для того ли у птенцов и отрастают крылья, чтобы они могли покидать гнезда!

Да, уезжают все дети, но как?!

И вот уже выясняется, что у той же самой памяти есть про запас и другое. Притом совсем противоположное тому, что она только что нашептывала на ухо. И теперь уже от нее не приходится ждать пощады. На эшафоте собственной памяти пощады не бывает. Всходи, всходи на этот эшафот, не оступайся!

Конечно, не хуже других родителей, но в том числе и таких, которые любят не столько самих детей, сколько свою любовь к детям. И забавляются ею, как игрушкой, вплоть до того самого часа, пока не грянет над ними колокол. Заигралась своими стекляшками, довольствуется теми ответами на свои «почему» и «зачем», которые у всех родителей всегда наготове,— и хорошо. И она не усомнится ни в едином твоем слове, заглядывая снизу вверх глазами, зелеными, как вода под вербами под яром в полуденном Дону, и тебе спокойно...

Но заглянул ли он хоть раз поглубже в это зеленое зеркало, когда уже чем-то замутилось оно — как будто под яром забили ключи — и что-то поселилось там новое: то ли недоумение, то ли ожидание, то ли боль?! И обратил ли внимание, что с некоторых пор она уже не радуется воскресным разговорам с отцом и с матерью, а как будто даже избегает их — чуть только все сойдутся за столом — и уже спешит ускользнуть к себе на веранду, а то и вовсе исчезнуть из дома. Благо, пятилетняя соседская Верка так и околачивается внизу под верандой и, чуть только свет, уже тянет: «Наташа, пойдем на бугор», «Наташа, поедем на остров...»

Да, да, с некоторых пор Наташа уже не столько со своей всегдашней подружкой Валей лазает по балкам и буграм и ездит на остров, сколько с этой толстощекой, похожей на матрешку Веркой. Как будто стыдится Вали или боится, что по праву подруги та вдруг может задать какой-то опасный вопрос. А Веркину пятилетнюю душу еще не смущают никакие подобные вопросы. Нет, и старая дружба с Валей не порвалась — ее уже не порвать,— но встречаются они все-таки реже и, когда Валя приходит, сразу же спешат уйти куда-нибудь в глубь сада или же на одну из приткнувшихся к берегу лодок. И там они уже не купаются подолгу, как всегда, не лежат рядом на горячем песке, а больше сидят поодаль друг от друга на лодке. Одна на носу, а другая на корме. Даже издали можно понять — между ними ни слова.

Вот и посмейся теперь над переизбытком родительских чувств. Вчуже все так объяснимо. При случае не отказывался посмеяться и Луговой. Особенно когда наведывался к нему из соседней станицы Раздорской его товарищ по кавкорпусу, отставной майор, и за стаканом пухляковского затевал свой обычный разговор, что о н и теперь не знают никакой ч у р ы потому, что не знали ни нужды, ни лиха. Если бы они пощеголяли в детстве с латками на заду, как мы, на них бы теперь не нападала эта п л е с е н ь...

И никто бы тогда не смог заставить Лугового поверить, что наступит день, когда и он, оглянув с порога эти пустынные стены, вдруг нечаянно обнаружит, что глаза его мокры.

Теперь можно было самооправдываться или казнить себя сколько угодно. Тем более, что и эти два сторожа памяти никак не могут договориться между собой, перейти от вражды к миру. Может быть, еще и потому, что один из них несет свою службу днем, а другой ночью. Из-за того же самого куста, который при солнечном свете радует взор, ночью ползет опасность. Недаром же и в совхозном саду у Андрея Сошникова ружье все время так и стоит в сторожке в углу, а Стефан Демин то и дело открывает по ночам беспорядочную пальбу, будит хутор.

При ярком свете дня все начинает выглядеть не так мрачно. ...Все, что только ты мог дать своей дочери, ты ей дал, а может, и чуточку больше. С учетом опять-таки того, что время твое принадлежит не только твоей семье. И теперь только радоваться нужно, что все это не пошло впустую. Не какая-нибудь никудышная оказалась у тебя дочь. Значит, удочки удочками, стекляшки стекляшками, а в голове у нее оставалось место и для другого. И когда наступило время, она выбросила все это под яр и, уезжая, даже не оглянулась на все, что оставалось у нее за спиной: на этот берег, Дон с островом, сады и все остальное, где прошла ее детская жизнь. Нет, оглянулась, но только один раз и уже на аэродроме в Ростове, когда, поднимаясь по лесенке в самолет, уже на самой верхней ступеньке коротко повернула голову и взмахнула рукой. И тут же, нагибаясь, скрылась в жерле люка.

И Луговой тем охотнее готов был порадоваться, что и взгрустнувшая было после ее отъезда жена тоже повеселела.

— Этого, признаться, и я от нее не ожидала,— говорила она.— Впервые в жизни сесть в самолет, прилететь в Москву — и сразу сдать экзамены. И не куда-нибудь еще, а в иностранный. Молодец, Наташка!

И, поддаваясь ее настроению, он тоже начинал испытывать тщеславную родительскую гордость. Еще бы! Какой бы отец не порадовался на его месте. Сняться, поехать и поступить в институт. Прямо из станичной школы. И притом совсем не прибегая к чьей бы то ни было помощи, если не считать этих пластинок с уроками по английскому языку, прокручиваемых ею на веранде вперемежку с Чайковским, Рахманиновым, Листом. Со временем и Луговой уже знал, что нужно отвечать на вопросы, задаваемые

англичанкой, обладательницей вкрадчивого баса, своему мужу, всегда полусонному Джону:

— Are you in the garden, John?

— Yes.

— What are you doing there?

— I'm reading a newspaper.

— Come here, or we'll be late for the theatre [1].

И при этом им вторят скворцы, облюбовавшие крону клена над верандой. Антрацитово-черный скворец, спрыгнув из-под застрехи на самую нижнюю ветку и склонив набок головку, долго ждет, что ответит этот самый Джон на настойчивые вопросы своей супруги:

— Are you ready, John? Are you sleeping? [2]

И, не дождавшись, вдруг хрипловато выпаливает:

— Are you ready, John? Are you sleeping?

Но тут же над ним из-под застрехи крыши его вечно голодные птенцы поднимают такой гвалт, что он, вспомнив о своих обязанностях, стремительно летит в совхозные сады за червями. Скворчата в ожидании затихают. И тотчас же становится слышно, как снизу, с тропки под яром тянет скучающая в одиночестве из-за этого английского языка соседская Верка:

— Наташа, а на острове уже тютина поспела.

— Вот я тебе сейчас надаю по шее, будешь знать!

— Are you ready, John?

— Ах, ты еще дразниться!

И окно на веранде откидывалось так, что створка хлопала об стенку, как выстрел. Прыжок на землю — и вот уже четыре босых пятки залопотали под яром, удаляясь по стежке, натоптанной женщинами садовой бригады.

— Ай-яй! — с нарочитым испугом кричит Верка.

Ей только того и нужно. И теперь уже жди возвращения Наташи домой под самый вечер — с исцарапанными руками и ногами и с губами, черными от тютины и большими, как у негритянки. На лилово измазанном лице белеют одни глаза и улыбка.

Но все это только доказывало, что своей дочери он так и не знал, как должен бы знать отец, иначе бы теперь не открывалось его взору то, что до сих пор от него было скрыто. Конечно, еще и сейчас ему не поздно было укрыться за тем спасительным щитом, что обычно девочки бывают более откровенны с матерями. И разве действительно уже не наступила для нее та самая пора, когда на душу нападают и задумчивость и тоска, а внезапные бурные рыдания сменяются столь же бурными приступами смеха?

Но вот здесь-то и подстерегал его этот ночной страж. Андрей Сошников его памяти сдавал пост Стефану Демину. А тому достаточно было напомнить Луговому лишь о том, чем закончилась одна-единственная попытка его жены поделиться с ним своими опасениями о Наташе,— и сразу же то, что только что было залито ярким светом, снова затягивалось непроглядной тьмой. И робкий росток радости, едва проклюнувшись из зерна родительского тщеславия, тут же свертывался, как сгорал под жестоким суховеем.

Ночью, особенно если это долгая осенняя ночь и дождь с ветром скребутся в окно, как когтями, шарящий в потемках своей памяти человек обязательно должен наткнуться грудью на что-нибудь острое. Тревога и стыд ползут из-за каждого куста. Дорого дал бы теперь Луговой, чтобы совсем не было этого его разговора с женой, не были сказаны им в этом снисходительно-небрежном тоне слова в ответ на ее слова, что с Наташей что-то творится.

— А что особенное творится? Возраст есть возраст.

И когда жена попыталась осторожно пояснить:

— Да, но у нее все это происходит как-то иначе...

Он не нашел ничего лучшего, как совсем уже по-мужски отрубить:

— Не она первая, не она последняя. Молодое вино побродит и перестанет.

Но кому же еще, если не ему, и знать, что как раз молодое вино и рвет чаще всего обручи... И в душе у Лугового поднималась такая пальба, что тому же Демину в ночном совхозном саду и не снилась. За осеннюю, длинную ночь можно успеть снова прожить всю свою жизнь. И человеку даже может начать казаться, что он чуть ли не враг своей дочери.

Иначе бы ты никогда не пропустил тот самый момент, когда ей особенно необходима была твоя помощь. Тот самый перелом, за которым вдруг и появилась совсем другая Наташа. И по меньшей мере нечестно было бы теперь перекладывать на чьи бы то ни было плечи свою собственную вину.

Запрокидывая на подушке голову, Луговой освещал язычком спички циферблат пристегнутых к спинке кровати часов—двенадцать, половина первого, час, два часа—ох, и много же еще оставалось до рассвета, когда снова приходит в старый виноградный сад на дежурство Андрей Сошников! А пока Демин палит и палит, пугая воров, а больше подбадривая себя. После каждого выстрела из конца в конец хутора катится собачий брех. Утром Луговой скажет в совхозе кладовщику, чтобы поменьше сторожам выдавали пороху,—чтобы не будоражили по ночам людей.

Но перед самым утром и у Демина, должно быть, иссякает весь его огневой запас—тишина поселяется в садах. А в душе у Лугового все еще продолжается пальба. И, несмотря на ее беспорядочность, все выстрелы ложатся прямо в цель. Ни за каким щитом нельзя укрыться от самого себя.

И все больше он склонен был согласиться с женой, что если бы теперь начинать искать, с чего это началось, то, пожалуй, с последнего приезда Любаши.

Нет, ее, конечно, ни в чем нельзя было упрекнуть, и, если бы она могла знать, на какую почву упадут ее семена, она бы, не взвесив, не обронила в своих разговорах с младшей сестрой ни слова. Тем более что вряд ли еще где-нибудь можно было найти — по крайней мере Луговой не встречал,— чтобы сестры вот так же любили друг друга.

Тем, должно быть, сильнее, что жили они не вместе: Любочка в городе с дедушкой и бабушкой, которые взяли ее к себе сразу же после смерти в роддоме ее матери—первой жены Лугового. Долгие разлуки подстегивали их любовь, а после того, как Любочка уехала учиться дальше музыке в Москву, они стали видеться еще реже. И каждый ее приезд всегда ожидался Наташей, как праздник. За месяц она уже начинала срывать с календаря числа.

И потом уже никого, кроме Абастика, для нее не существовало. По целым дням сидит и слушает ее рассказы, как у них педагог требует от своих учеников, чтобы они играли не требухой, и как другой знаменитый профессор из их музыкального института сидит на концертах своего сына и отстукивает счет палкой.

И, вооружившись каким-нибудь байдиком, Любочка показывает, как стучит этот профессор, которого она запросто называет Генрихом. Оказывается, в ее устах это не больше, не меньше, как свидетельство высочайшего уважения и любви. Хохот стоит у них под кленом такой, что голова бабки Лущилихи в соломенной шляпе показывается из-за плетня за проулком. Это вызывает новый взрыв смеха, и Лущилиха перевешивается через плетень, обнаруживая, что она спасается от жары у себя во дворе в красном лифчике и в желтых рейтузах.

Кажется, они только и дожидались весь год, чтобы вместе посмеяться. Тем более что горючего материала за год у них набирается в избытке. И они наперебой подбрасывают его в костер своего веселья. И то, как Генрих, если его сын за роялем начинает мазать, демонстративно достает из кармана конфеты, шуршит обертками и вступает в разговор с соседними дамами. И то, как Михаил Рублев, которого Лущилиха допекала своими лекциями о вреде алкоголя, однажды явился к ней в отсутствие ее деда на взводе и целый час муштровал ее во дворе, заставляя ложиться и вставать под палящим солнцем.

У Любочки омытые слезами глаза еще больше чернеют, и Наташа никогда так не бывает похожа на нее. Общее у них не в глазах и улыбках, а в том, чем вдруг могут засветиться их глаза и улыбки. А потухнет этот свет — и опять никто бы не догадался, что они сестры. У одной волосы черные до синевы, а у другой — почти как та же красная глина, просвечивающая сквозь полынь на придонских склонах.

И пока не отсмеются, не выговорятся до конца, не отойдет от Абастика ни на шаг, ловит каждое слово. Из дома — в сад, из сада — в дом, как нитка за иголкой. Как и в тот последний ее приезд, когда у них на все лето хватило разговоров о конкурсе Чайковского. И даже не столько о самом конкурсе, сколько об этом парне, который едва смог наскрести денег на поездку в Москву, а вернулся домой...

— Уже не фортепианной Золушкой, которая никак не могла найти своего принца — менеджера,— заявляла Любочка.— Теперь-то уже никто не посмеет отрицать...

И в глазах у нее появлялся угрожающий блеск. Она, конечно, не пропустила ни одного тура, хотя достать билеты было совсем невозможно и конная милиция охраняла все подступы к Залу Чайковского и к Большому залу. И, конечно, при этом больше всего Наташе нравилось как раз то, от чего начинала ахать мать и даже отец покачивал головой, не подозревавший до этого, какие таланты водились за его старшей дочерью.

— Надо было только иметь такого же цвета билет на другой концерт, стереть число и резиновой печаткой проставить новое. Печатки? Пожалуйста, продаются в каждом ларьке.

И вот уже Наташа спрашивала у нее:

— Ну, а что сказал о нем Генрих?

— А вы здесь разве не читали в «Совкультуре»?

Наташа пристыженно признавалась, что не читали. У Любочки в глазах мелькал ужас, но тут же его опять смывало волной обожания.

— Генрих уже после первого тура грозно стучал по фойе своей палкой и у каждого спрашивал: «Вы слышали?» Кто же еще первый и мог сказать, что это гений!

— И он тоже об этом знает?

— Мальчик буквально потерял дар речи. Еще бы, это больше, чем первая премия. Вы по крайней мере хоть его интервью-то в «Совкультуре» читали?

— Нет.

— Вы тут скоро совсем обрастете шерстью, в своем хуторе.

Но зато, когда, наговорившись досыта, они отправлялись на Дон купаться, наступал час торжества и для Наташи. Выросшая в городе Любочка пугалась, когда Наташа, разбежавшись с берега, сразу же оказывалась на середине Дона.

— Наташа, там глубоко, вернись!

Но Наташа плыла еще дальше. Где же еще купаться, если не на глубоком! Не у берега же со всякой мелюзгой руками по дну. Тогда незачем и на Дон ходить, можно дома в корыте.

— Валька, давай вперегонки! — говорила она подружке, которая едва только увидела ее из своего двора в Дону — и уже плывет рядом. Из хуторских девчат с Валькой состязаться труднее всего, ее смуглое, еще совсем детское тельце так и вьется в зеленоватой воде, как щучка. Но вскоре и она отстает от Наташи.

— Вернись! — уже совсем издалека доносится до Наташи Любочкин голос.

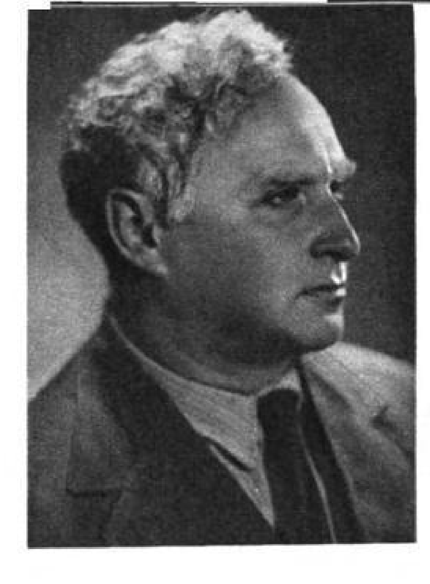
Даже Валька уже повернула назад и плывет к берегу. Оно бы можно уже и Наташе, но тут как раз из-за мелеховской горы показывается дизель-электроход, от которого бывают волны с дом.

---

[1] — Ты в саду, Джон? — Да.— Что ты там делаешь? — Я читаю газету.— Иди сюда, иначе мы опоздаем в театр.

[2] — Ты готов, Джон? Ты спишь?

С первого дня войны



В годы Великой Отечественной войны не только миллионы людей встали стеной на защиту нашего Отечества на фронте и в тылу. Все силы, весь моральный потенциал, накопленный партией и народом, вышли на бой с фашистской агрессией, отработанной в предварительных, победных для нее кампаниях, на которые затрачивалось третьим рейхом не слишком много времени, материально-технических усилий и количественных потерь в живой силе.

Советская литература и искусство также были мобилизованы партией и призваны служить делу завоевания победы над врагом. Тысячи журналистов, писателей, актеров, деятелей театра и кино своим боевым словом, патриотическим искусством помогали достижению победы. Советский театр с честью выдержал боевой экзамен. В сложнейшей фронтовой обстановке десятки фронтовых театров и ансамблей от Баренцова до Черного моря вдохновляли бойцов Советской Армии.

Двадцать пять лет отделяют нас от сурового рубежного дня войны и мира. И сегодня хочется вспомнить тех, кто, не жалея сил, а когда требовалось — и жизни, отдавал свой талант служению Родине. Одним из таких беззаветных героев на фронте искусства в годы войны был Александр Леонтьевич Шапс, ставший позже известным советским режиссером. С первого дня войны он всей своей кипучей натурой обратился к созданию фронтовых коллективов, непосредственно руководя ими. Не всегда под рукой был необходимый репертуар. Тогда Александр Леонтьевич брал перо и сочинял тексты стихов и песен, которые затем звучали перед бойцами.

Позже, уже работая одним из основных режиссеров в Театре имени Моссовета, он создал прекрасные спектакли: «Василий Теркин» (по инсценировке К. Воронкова), «Совесть» (совместно с Ю. А. Завадским), «На диком бреге» по повести Б. Полевого и многие другие. Он жадно смотрел за тем, что нового появлялось в литературе, по-фронтовому точно рассчитывая направление главного удара... Чуть больше года назад в полном расцвете творческих сил А. Л. Шапс скончался. Ему мало было воздано при жизни,— тем больше оснований ныне, в канун двадцатипятилетия со дня начала Великой Отечественной войны, сказать об одном из самых горячих и талантливых деятелей нашего боевого театрального искусства, о фронтовике-режиссере, коммунисте Александре Леонтьевиче Шапсе.

Мы печатаем его коротинй рассказ об актерской работе на фронте, а также тексты песен, написанных им в годы Великой Отечественной войны.

Анатолий СОФРОНОВ

«РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»

А. ШАПС

Как режиссеру Центрального театра Красной Армии, как автору фронтовых представлений мне довелось огромное счастье — с первого дня нашей священной войны обслуживать славную Действующую армию.

Начав этот путь в боях у Кишинева, я побывал затем на Украине, на всем Западном направлении, на Брянском фронте, под Москвой — в знаменитые дни разгрома немецко-фашистских бандитов, на Карельском фронте, у берегов Ледовитого океана, на Калининском и Западном фронтах, у старинного русского города Ржева... Огромное количество событий боевой жизни — и в тяжелые дни отхода и в радостный период разгромного наступления, когда Красная Армия в огне боев за нашу Советскую Родину превратилась в грозу для немецко-фашистских войск,— мне довелось видеть и ощущать во всей их величественной и суровой правде.

Как никогда раньше, в эту войну сбылось поэтическое завещание Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...»

Наряду с гранатой, отечественным автоматом, бронебойным ружьем на вооружении нашего воина находится песня, рассказ, веселая шутка, сдобренная сочным русским юмором.

В стихах и песнях мне хотелось показать несгибаемых и неунывающих советских людей, способных в самой трудной обстановке быть мужественными и простыми — такими, как наши деды и отцы, как Чапаев и Котовский, как Пархоменко и Дундич, о котором исключительно метко сказал Климент Ефремович, что это «лев с сердцем милого ребенка».

Свои стихи я писал в перерывах между боями, под аккомпанемент артиллерийской стрельбы, не на письменном столе красного или палисандрового дерева, а прямо на поваленном снарядом дереве, на зарядном ящике или на грубо сколоченном земляночном треножнике. И мне приятно было услышать от славного уральского богатыря, генерал-майора Николая Олешева, части которого первыми ворвались во Ржев, такие слова: «Вашу песню «Моя гармонь» мы слушали перед атакой»... Командир Краснознаменного полка полковник Шепелев писал мне: «Пришлите нам еще таких же вещей, как «Советская былина», которую теперь гвардеец Дронов читает молодым бойцам в трудные моменты»...

Мне довелось всего несколько дней тому назад побывать в Ленинграде и повидать великий фронтовой город, город массового героизма. Несмотря на тяжелую пору, которую он пережил, и на трудные дни, которые переживает и сейчас, этот город стоит, как скала, о которую разбивается бушующая у ее подножия коричневая муть, поднятая с фашистского дна.

И пусть город Ленина поранен артиллерийскими снарядами, пусть еще неспокойно бывает в его небе,— зато какое спокойствие и уверенность у ленинградцев, какой исключительный порядок на идеально прибранных улицах и площадях, по которым бежит фронтовой транспорт, идут пешеходы всех возрастов, в том числе и малыши дошкольники...

Когда все это видишь и ощущаешь, то начинаешь острее понимать и чувствовать, что еще много надо потрудиться поэтам и прозаикам нашим, чтобы воспеть суровую правду о героическом русском народе, о народе, истребляющем подлого врага в смертном бою, как превосходно сказал поэт Твардовский:

«...Не ради славы,
Ради жизни на земле!»

1942 г.

ФРОНТОВАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Налейте-ка мне фронтовую,
Подсяду поближе к друзьям!
За нашу семью боевую
Свои подниму я сто грамм.

За тех, кто за правое дело
В атаку бесстрашно идет!
За тех, кто искусно, умело
Сжимает в руках пулемет.

За тех, кем должны мы гордиться,
Кто смело идет на таран,
За тех, кого Гитлер боится,—
За наших родных партизан.

За тех, кто с улыбкой встречает
Тебя, почтальон, у дверей,
За тех, кто нам счастья желает,—
За наших седых матерей.

За тех, кто безмолвно страдает,
Мужей проводив на войну!
За ту, что не спит — ожидает,—
За верного друга — жену.

За тех, кого смерть не пугает,
И чувство неведомо — страх.
Кто землю свою защищает
В окопах, лесу, блиндажах.

За тех, кто, хотя умирает,—
Бессмертен, как русский народ!
За тех, кто в бою только знает
Короткое слово: вперед!

За тех, кто в бессонные ночи
В броню превращает металл,—
За наших прекрасных рабочих,—
За их большевистский закал.

За всех, кто за Родину бьется,
За русский великий народ,
За тех, кто победы добьется,
Раз Партия в бой нас ведет.

1941 г.

ПОДРУГЕ

В бою жестоком сберегает
Меня — скажу, не утаю —
И то, что кто-то ожидает
В далеком, но родном краю...

И я приду. В том нет сомненья,—
Ты выйдешь встретить на крыльцо,
И в это доброе мгновенье
Твое увижу я лицо.

Да, ты ждала, я знаю это!
Не верила, что я убит.
Прочту в глазах слова привета,
Любовь, что крепче всех обид.

Конец короткого свиданья.
Вот поцелуй. Пожатье рук.
Но не «прощай», а «до свиданья»
Я говорю тебе, мой друг!

15.V.42 г.

И вообще пора бы уже Любочке перестать обращаться с нею как с маленькой. Наташе немножко обидно и за свой хутор, за Дон. Как будто только в Москве и живут люди. На глубоком, где ходят пароходы, вода холоднее и крутят воронки. Надо взять еще левее, а то потом снесет дальше усадьбы Сошниковых. А в Москве учат, чтобы перевернуться на спину и лежать, не двигая руками и ногами? Вот так...

Прямо перед ее глазами большой коршун, пересекая Дон, направился с левого берега к хутору. Сейчас Лущилиха объявит у себя во дворе воздушную тревогу: «Кыш, паразит, кыш, проклятый!»

Машины дизель-электрохода постукивают уже совсем близко, и, лежа на спине, скосив глаза, Наташа видит, как он надвигается на нее белой грудью. Теперь уже до ее слуха доносятся с берега два голоса:

— Наташа, пароход! Наташка-а!

Любочка с матерью дуэтом вопят. И вовсе не пароход, а дизель. Она переворачивается и отплывает немного подальше от того места, где должен пройти дизель-электроход. Тут же он и проходит мимо, оставляя седую гриву посредине Дона. Сейчас Дон распахнется почти до самого дна и обрушится на берег. Вот уже из одной гривы образовались две и...

Теперь она уже при всем желании не смогла бы услышать, что там кричат на берегу мать с Любашкой. Наташа бросается в ту самую впадину, которая разверзлась почти до самого дна посреди Дона. А в Москве этому учат, как вовремя успеть перемахнуть с одной трехэтажной волны на другую? Еще бы они хотели, чтобы она отказалась покачаться на волнах после дизель-электрохода! Тогда лучше и совсем не ходить купаться. И ничего с нею в Дону не может случиться. Она может оставаться в воде столько же, сколько и этот коршун в небе, который уже потянулся обратно из хутора к задонскому лесу ни с чем, сопровождаемый победными криками Лущилихи.

И не только теперь, когда так бурлит и клокочет распаханная могучими винтами вода, но и когда она совсем спокойная, тихая, можно услышать, как звучит Дон. Он всегда звучит. Дон — это и есть ее музыка.

А на обнажившемся прибрежном песке, с которого дизель-электроход сдернул и потянул за собой воду, самые маленькие из хуторских детишек уже собирают трепещущее серебро рыбешки: красноперок, чикомасов и молодых щук, застигнутых за своей охотой на мальков у берега. Радостный визг и ожесточенные споры из-за того, кто захватил первый: «Моя!», «Нет, моя!», «А я говорю, отдай!» И совсем не замечают они, как уже накатывается на берег косматая грива раздвинутой корпусом дизель-электрохода воды — и только тогда в страхе шарахаются от нее, когда она уже нависает над ними.

Оглянувшаяся с середины Дона на их крик Наташа уже только видит, как они испуганной стайкой бегут к хутору и как самую маленькую из них, трехлетнюю дочку Михаила Рублева, уже накрыла волна и потащила за собой, обратно. И чтобы успеть ей наперерез, надо пронырнуть почти пол-Дона.

Продолжение следует.

ИМЯ ИМ — ПОБЕДИТЕЛИ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

У человеческой памяти долгая и цепкая жизнь. Временами она, память, как бы дремлет, и тогда можно подумать, что прошлое забыто, стерлось навсегда. Но достаточно какого-нибудь даже самого незначительного толчка, как все вдруг оживет и в твоем сердце и перед твоими глазами: картины минувшего встанут во всей их вещной непосредственности, в изначальной неповторимости.

Передо мною четыре полотна, принадлежащие кисти четырех разных живописцев. Я не искусствовед, и не мне судить о достоинствах и недостатках той или иной работы. Однако, как участник изображенных событий, я в какой-то степени могу соотнести созданное воображением художника с пережитым мною и моим поколением в те, теперь уже далекие годы великой войны, а стало быть, и судить о том, какой степени достоверности достигли эти мастера.

КОНЕЧНАЯ. 1941 ГОД

Так назвал свою картину А. Смирнов. Не знаю, к сожалению, этого художника, не знаю, сколько ему лет, был ли он на войне, не был ли,— в конце концов это не имеет решающего значения. Перед нами кусок подлинной жизни, кусок подлинной суровой действительности. Неважно, откуда взят этот кусок. Один из бывших окопных людей скажет, что он даже угадывает лица знакомых ему ребят из пулеметного отделения; другой будет убежден, что эпизод взят из декабрьской страды на Ленинградском фронте; третий с тем же правом очевидца и участника станет уверять вас, что это только что выгрузилась и идет занимать боевые рубежи знаменитая впоследствии Панфиловская дивизия. Может немного смутить разве что матросская бескозырка — и то на одну лишь минуту: сколько в ту горькую годину военных моряков принуждено было ступить на землю и стать обыкновенными пехотинцами, не расставаясь, однако, с милой их сердцу бескозыркой или бушлатом. Что до манеры письма, то она близка, по-моему, Дейнеке, во всяком случае, в этой работе. Близка, но это, конечно, не подражание. Глядишь на лица солдат, на малую часть, что придает детали какую-то щемящую выразительность, вагона, на кусочек железнодорожного полотна — и чувствуешь, что тут нет ничего лишнего. Скупость лишь подчеркивает грозную напряженность момента. Солдаты идут прямо в бой, а бой этот где-то совсем близко, и, может, уже через час или и того меньше кому-то из них суждено будет пасть в том бою. Об этом думаешь, когда глаз твой невольно останавливается вон на той женщине, что прощается с на минуту отставшим бойцом. Это действительно год сорок первый.

ВЫСТОЯЛИ

Автор картины с таким названием мог увидеть такое на войне, мог воссоздать силою своего художнического воображения, мог положить в основание любое сражение,— их было неисчислимое множество за четыре года Великой Отечественной войны. Мне же почему-то припоминается прежде всего Курская дуга, первый день великой битвы, то есть где-то к полудню 5 июля 1943 года. Именно в тот день я оказался на боевых позициях артиллерийской батареи моего друга Петра Савченко, прославившегося еще под Сталинградом. Бой уже утих. Все вокруг дымилось. Черный и от солнца, и от пироксилиновой копоти, и от великих мук, выпавших на долю каждого в тот кровавый день, капитан Савченко в растерзанной гимнастерке ходил неподалеку от единственного орудия, оставшегося от всей батареи, и подолгу задерживался то у одного, то у другого убитого артиллериста. Раненых только что увезли санитарные повозки, убитых еще не похоронили и, казалось, не торопились с этим. Еще несколько часов тому назад они были живы, эти его боевые побратимы. Многие из них в ы с т о я л и вместе со своим командиром там, у Волги, выстояли и остались живыми, а вот теперь их уже нет. На картине В. Пузырькова не видно павших солдат, но разве по фигурам, по выражению лиц пригорюнившихся победителей мы не видим, какою страшною ценой досталась им эта победа!

НЕПОБЕДИМЫЙ РЯДОВОЙ

Вы, верно, помните горчайшие и вместе с тем мужественные слова Михаила Исаковского:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью,
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Он пойдет потом «в широкое поле» на перекресток двух дорог, и найдет там могилу жены, и будет просить прощения, что не пришел вовремя, что не спас, не выручил ее, хотя и шел к ней упрямо, по-солдатски терпеливо четыре года и «три державы покорил». Не навеяна ли сильная картина Бор. Щербакова этими строчками? Так оно или иначе, но перед нами работа, которой суждена долгая жизнь,— это произведение подлинного и притом большого искусства. Посмотрите на лицо немолодого солдата, нареченного автором картины Непобедимым рядовым. Оно изборождено глубокими морщинами, подобно земле, по которой прокатился страшный ураган войны. А руки, эти тяжелые крестьянские руки, которым пахать бы да сеять, а они только и делали, что целых четыре года держали оружие и убивали непрошеных пришельцев, чтобы отстоять ту же землю, по которой солдат ходил когда-то как сеятель! В годину же тяжких испытаний ему пришлось вдруг вспомнить, что он не только сеятель на своей родной земле, но и ее хранитель. Вещевой мешок лежит рядом. В левой руке зажата давно, видать, погасшая папироса,— о чем он думает в эту минуту, покоривший три державы победитель? Как он не похож на своих сусальных собратьев, выставивших напоказ все свои боевые регалии и как бы заносчиво кричащих с полотен: «Гляньте, вот мы какие добры молодцы!» Вид же рядового, созданного Бор. Щербаковым, вовсе не победительный, он скорее скорбный—скорбный в эту горькую минуту возвращения в разоренное родное гнездо, но веришь, несокрушимо веришь, что вот он-то и есть тот, кто мог пройти до самых последних рубежей великой войны, что это и есть победитель.

СОЛДАТ СВОБОДЫ

Признаюсь честно, что картина М. Хмелько понравилась мне меньше. Гуманнейшая тема Воина-освободителя решена, пожалуй, слишком прямолинейно. За железной решеткой — угнанные фашистами полонянки-рабыни. Приходит советский солдат с автоматом, распахивает двери, освобождает полонянок. Вероятно, в великом акте Освобождения были и такие эпизоды.

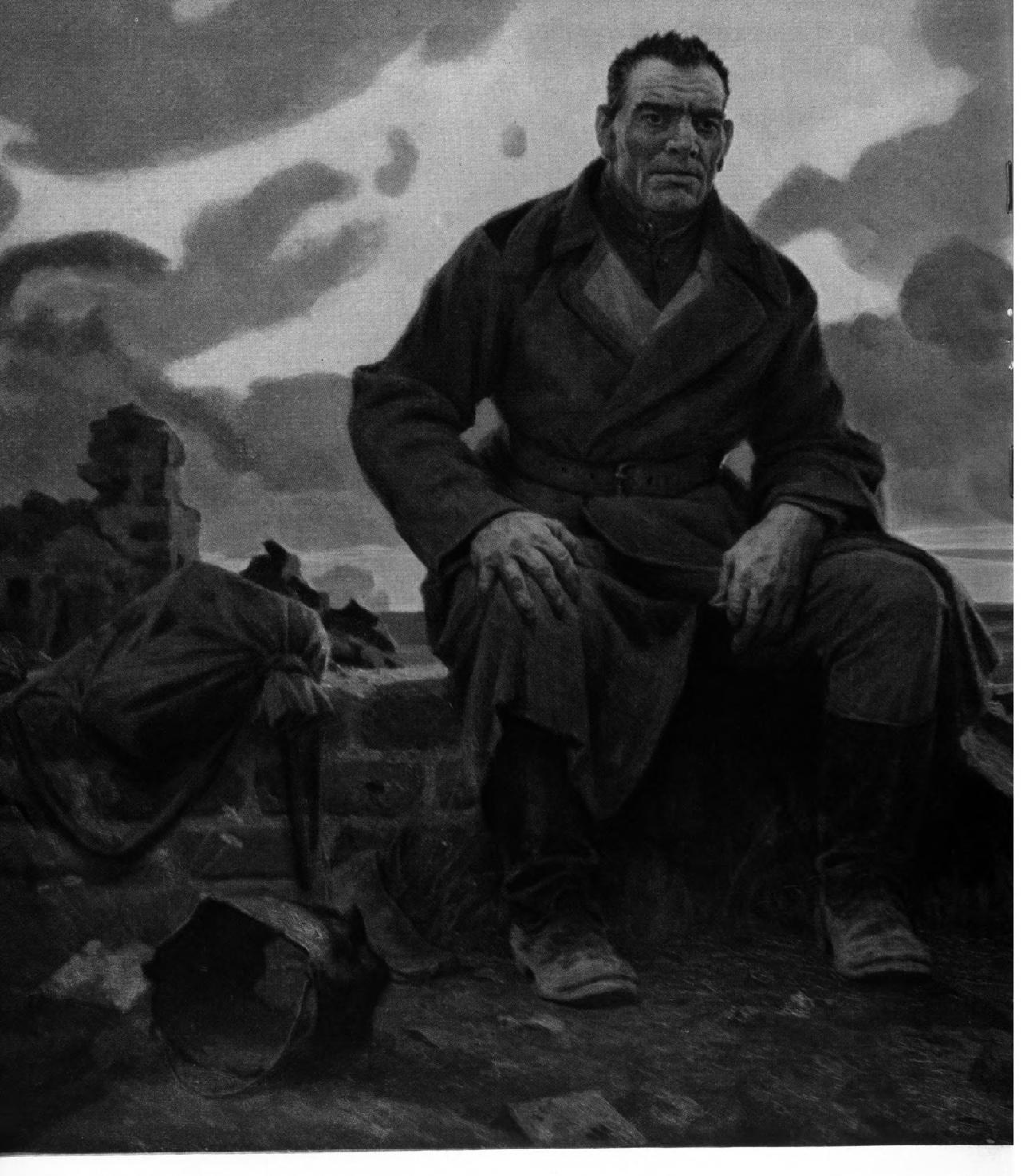
Фронтовики хорошо помнят, как это чаще всего было. Они шли, выполняя боевую задачу, от одного населенного пункта вражеской территории до другого, по пути сметали вражеские заслоны, вели кровавые бои, а им навстречу бесконечными вереницами по всем дорогам и без дорог двигались люди разных племен и наречий — тут были и русские, и французы, и поляки, и англичане, и югославы — кого там только не было! — нашему же солдату порою и времени-то не хватало, чтобы задержаться подольше возле вчерашних узников, полною мерой получить от них дань благодарности. Понятие «освободить» нам представляется гораздо шире: это не просто освобождение из рабства нескольких сот тысяч полонянок, это — освобождение всего человечества от фашистского кошмара, это, наконец, начало рождения целого мира новых, социалистических стран. Не секрет, что многие государства на Западе и на Востоке стали социалистическими благодаря тому, что туда пришел как освободитель советский солдат. В этом прежде всего заключается величие его миссии.

* * *

Тема Великой Отечественной войны вечная. Она не может не волновать, не тревожить сердце художника. И нам предстоит еще не раз и не два стоять у полотен, с которых на нас пахнет горячим и суровым дыханием тех грозных незабываемых лет, и мы еще не раз будем с чувством глубокой благодарности говорить о мастерах, которые чудесною силою искусства помогли нам сызнова пережить то, что пережито было много-много лет назад.

А. Смирнов. КОНЕЧНАЯ. 1941 ГОД.

В. Пузырьков. ВЫСТОЯЛИ.



Б. Щербаков. НЕПОБЕДИМЫЙ РЯДОВОЙ.

М. Хмелько. СОЛДАТ СВОБОДЫ.

Благословен и день забот

Вл. ЛИДИН

Рассказ

Рисунок Ю. Черепанова.

В редакции к вечеру становилось совсем тихо, авторы приходили обычно днем, теперь на столах сотрудниц появились хозяйственные сумки, и перед уходом одни наспех оглядывали себя в карманные зеркальца, другие пудрились или трогали губным карандашом губы. Таисия Васильевна, тоже уже готовая к уходу, с большим своим брезентовым портфелем, в котором обычно разносила рукописи или верстку, зашла к секретарю редакции Елизавете Викторовне Виднарской.

— Давайте что нужно отнести... я по дороге домой занесу или завтра утром до работы,— предложила Таисия Васильевна.

Она была совсем маленькая, издали походила на девочку, давно уже по возрасту могла уйти на пенсию, но никакой жизни без редакционного шума, телефонных звонков, корректур или верстки не представляла себе: значило бы стать совсем старой, если расстаться со всем этим.

Виднарская была рослая, мужеподобная, в роговых очках на крупном носу, но добрая и с мягким, отзывчивым сердцем.

— Зачем это еще? — сказала она властным, но, по сути, душевным голосом.— Не хватает только после работы бегать... мало за день набегались. Завтра разберемся, тогда и отнесете что куда нужно.

— Давайте хоть верстку Щепотьеву, он ведь от моего дома в двух шагах живет,— сказала Таисия Васильевна, уже знавшая, где кто живет, и всегда тот или другой писатель или редактор, открыв дверь и увидев детскую фигурку курьерши, едва ли по локоть впустившему, говорил мягко: «Заходите, Таисия Васильевна». Женщины обычно совали ей на дорогу яблоко или конфетку, но всегда по чувству, и Таисия Васильевна, чтобы не обидеть, брала, а дома отдавала дочке соседки Ларушке, твердо уверенной, что если Таисия Васильевна работает в редакции журнала, то и сама пишет рассказы или сказки. Таисия Васильевна принесла ей раз «Приключения Чипполино», почитала немного, и Ларушка сказала:

— Как вы хорошо пишете, тетя Тася,— и даже почтительно затихла, глядя на нее.

— Разве это я писала? Это писатель писал, а я только принесла тебе в подарок,— пояснила Таисия Васильевна, но девочка и поверила и не поверила ей.

Ларушке, которую по-взрослому звали Лариса, было шесть лет, через год она должна была пойти в школу, пока же днем находилась в детском саду, а к вечеру ее забирала мать, работавшая в одном из почтовых отделений, если была в утренней смене, или Таисия Васильевна по дороге с работы, и обе были самые близкие и дорогие на свете...

— Ну, что с вами делать! — вздохнула Виднарская.— Возьмите верстку Щепотьева, только предупредите, чтобы не задержал,— и Таисия Васильевна взяла верстку с рассказами Щепотьева и положила в свой брезентовый портфель.

Обычно, выйдя из редакции, она садилась на станции «Смоленская» в поезд метро, доезжала до «Новослободской», а там до ее дома было совсем недалеко. Но соседка Ольга Семеновна, мать Ларушки, просила по дороге купить пельменей, сама она с доставкой «Известий» и «Вечерней Москвы» управлялась только к десяти часам вечера, и Таисия Васильевна зашла по дороге в магазин «Мясо» и купила коробку пельменей.

Писатель Щепотьев жил не так-то близко от ее дома, в Вадковском переулке. Таисия Васильевна осторожно, из-за ног, которые становились все слабее, добралась по обледенелым тротуарам до Вадковского переулка и, пока лифт поднимался на седьмой этаж, села на скамеечку, лифт полз медленно, и разные мысли прибрели за то время, пока он полз.

Дочери Поле, которая жила сейчас с мужем и девочкой в Подольске, сделали недавно операцию, удалили из желчного пузыря камни; пока она была еще на бюллетене, но написала, что, наверно, дадут инвалидность второй группы, тогда мужу, хоть он и работает на заводе швейных машин, станет совсем трудно, и она подумывает научиться вязать и брать работу на дом. Поля будет, конечно, перемогаться с работой на дому, она всегда была старательной, да и вырастить и выходить девочку тоже не так-то просто... И Таисия Васильевна сидела и вздыхала, пока лифт всползал на седьмой этаж, надо будет в конце месяца обязательно выбраться в Подольск, посмотреть, как там с дочерью.

На седьмом этаже она вышла и позвонила в квартиру Щепотьева. Он сам открыл ей дверь, невысокий, в очках, в полосатой пижаме, немного похожий на взъерошенного воробья.

— Елизавета Викторовна просила не задержать,— сказала Таисия Васильевна, доставая из портфеля верстку.— И не черкайте столько, в прошлый раз пришлось перебирать местами из-за вашего черканья,— добавила она, знавшая все редакционные дела с их тонкостями.

— Вы Льву Николаевичу Толстому принесли бы верстку, он бы показал, что такое черкать,— сказал Щепотьев.— У меня детский писк, а не черканье.

Таисия Васильевна прочла как-то в газете один из рассказов Щепотьева, рассказ понравился ей, и она сказала:

— Это я понимаю... но все-таки вы не очень-то, с номером и так запаздываем.

— Подождите минутку,—и Щепотьев ушел в своих полосатых брючках и пижамке и вернулся с пачкой вафель.

— Ореховые... погрызите к чаю.

Таисия Васильевна вздохнула, Щепотьев предлагал по-хорошему, от сердца, и его нельзя было обидеть отказом.

— Угощу одну девчушку,—сказала она,—такая славная девчушка... объясню: писатель прислал.

— Что же вы так поздно? — спросил Щепотьев.— Седьмой час уже... ведь в редакции в пять кончается работа.

— Задержалась по своим делам,— ответила Таисия Васильевна, чтобы он не подумал, будто она из-за него запоздала.— У меня к вам одна просьбица будет,— сказала она, помедлив.— Может, найдется какой-нибудь справочник, мне насчет города Подольска узнать, что там и как.

— Подольск? — слегка удивился Щепотьев.—Сейчас посмотрим... пройдите пока в комнату, я поищу в словаре.

— Наслежу только в ботиках... я лучше здесь подожду,— сказала Таисия Васильевна скромно.

В передней стоял стул, и она села ждать, пока Щепотьев искал справку насчет Подольска. И опять, как в лифте только что, прибрели трудные мысли, она подумала о Поле и вздыхала про себя.

— «Город Подольск,— прочел на ходу Щепотьев, вернувшись с большой книгой,— на реке Пахре. Завод швейных машин, тяжелого машиностроения, цементный, огнеупорных изделий».

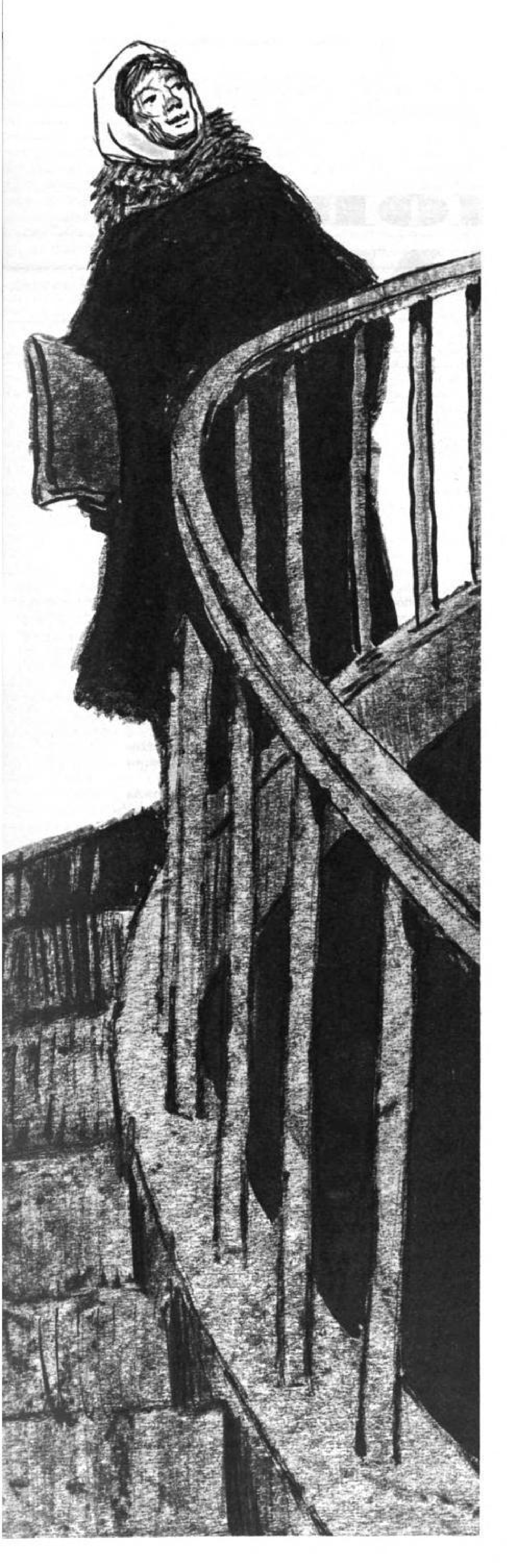
— А нет ли чего-нибудь насчет вязальных артелей или в этом роде? — спросила Таисия Васильевна.

— Индустриальный техникум. Больше ничего не сказано. А зачем вам это?

— Может, насчет желчнокаменной болезни найдется что-нибудь в справочнике? — сказала Таисия Васильевна, не ответив на его вопрос.— Посмотрите, Иван Иванович.

— Это на другую букву... сейчас поищу,— и Щепотьев ушел и вернулся с такой же большой книгой.— «Желчнокаменная болезнь—заболевание желчного пузыря и желчных путей»,— и он прочел все о желчнокаменной болезни, было очень страшно слушать это, особенно насчет осложнений — желтухи...

Щепотьев написал много рассказов и понимал многое, он не захотел расспрашивать, зачем Таисии Васильевне понадобилось узнавать про желчнокаменную болезнь и какое это имеет отношение к городу Подольску. Мало ли у людей своих дум и забот, и они сами поделятся ими, если захотят или пришло время. Так оно и было, и Таисия Васильевна без его расспросов рассказала про операцию, которую сделали дочери, про то, что ей дадут, на-



верно, инвалидность второй группы, и она хочет поэтому научиться вязать и стать надомницей, а на одну заработную плату мужа семью из трех человек не вытянешь, девочка растет, и одежда и обувь прямо горят на ней.

— Лучше всего домашнюю вязальную машину приобрести,— посоветовал Щепотьев,— я узнаю для вас, есть ли такая машина в продаже и сколько она стоит. В общем, к этому вопросу мы с вами еще вернемся.

Может быть, Щепотьев хотел дать понять, что в случае чего поможет немного, но не решился сказать прямо. Таисия Васильевна минуту еще посидела, потом поднялась, а Щепотьев стоял в своей пижамке и добро и немного грустно смотрел на нее сквозь очки.

— Скажите: не задержу верстку, послезавтра утром доставлю. А насчет того, что не буду черкать, не обещаю... лучше вовремя поправить, чем потом стыдиться самого себя.

Лифт был строгий, на нем можно было только подниматься, и Таисия Васильевна, вглядываясь при плохом освещении в ступеньки, стала спускаться по лестнице. Путь был долгий, и она останавливалась на площадках и обманывала сама себя, что медлит из-за слабых ног, но она медлила из-за мыслей, от которых то и дело приходилось вздыхать глубоко...

Таисия Васильевна вернулась домой и протянула девочке, открывшей ей дверь, вафли:

— На-ка, погрызи, Ларушка... один писатель прислал тебе.

— Тот, который написал про Чиполлино? — спросила Ларушка.

— Может, и тот... за всеми не уследишь, кто что пишет.

Девочка сразу же хотела приняться за вафли, но Таисия Васильевна сказала:

— Сначала пельменей поешь... я маме обещала покормить тебя.

Она разделась, поставила в кухне на газовую плиту кастрюльку с водой, выложила вскоре на тарелку пельмени, достала баночку сметаны, стоявшую между окон, и девочка стала есть пельмени, а пачка с вафлями лежала перед ней.

— Такой хороший писатель Иван Иванович,— сказала Таисия Васильевна,— и про все у него узнаешь... «Мосгорсправке» не уступит. Вязальная машина, наверно, рублей сто стоит, а то и больше. А без машины ничего не наработаешь,— и она посмотрела на вязаную кофточку на девочке, плотно и аккуратно связанную, а воротничок был совсем нарядный, с широкими петлями...

Девочка поела пельменей, потом достала из пачки вафлю и стала грызть ее. Таисия Васильевна сидела напротив, смотрела на хохлик, прихваченный бантом, но наспех: видимо, мать торопилась перед работой,— и, подсев, перевязала бант, а девочка хрустела вафлей возле ее рук.

— Не так-то просто вырастить вас,— сказала Таисия Васильевна, стягивая на белокурой пряди бант,— не как трава растете... на одну прополку полжизни уйдет, а уж про сорняк и не говорю, чтобы и росточка его не было.

Ее внучке, дочери Поли, тоже шел седьмой годок, она уже готовилась к поступлению в школу, и, конечно, нужно непременно съездить в Подольск, но всегда трудно выбраться, закрутишься и не ухватишь времени...

Ольга Семеновна вернулась после разноски вечерней почты только в одиннадцатом часу, девочку Таисия Васильевна уже уложила спать, и теперь можно было посидеть вдвоем за чаем и обтолковать все дела за день.

— Набегались, небось? — спросила Таисия Васильевна.

— Теперь полегче стало. Теперь всюду почтовые ящики в подъездах поставили, а знаете, сколько домов без лифтов, на гору Арарат за день взбираться приходилось.

Ольга Семеновна была уже немолодая, вышла замуж поздно и как-то неудачно, не сошлись с мужем характерами, а дочка осталась при ней. Лицо у Ольги Семеновны было красноватое, всегда обветренное, а в зиму и прижженное морозом. Она сидела со своим воспаленным лицом и, видимо, несмотря на ящики в подъездах, устала за день. Таисия Васильевна нередко думала о том, что письмоносцу побольше достается беготни, чем ей: в редакции ее жалели и, если можно было не посылать курьера, просили авторов самих зайти, и Щепотьев обычно сам приходил за версткой, если печатались его рассказы.

— Случится в каком-нибудь подходящем магазине побывать, узнайте: сколько домашняя вязальная машина может стоить? — попросила Таисия Васильевна.— Может, ко дню рождения дочери справлюсь как-нибудь со средствами... она на вязанье хочет перейти, а желчнокаменная болезнь, сами знаете, какая: сегодня отпустило, завтра снова прихватило. Поле на прежней работе никак оставаться нельзя. Она с мужем на заводе швейных машин работала: вам, может, попадались швейные машины «Подольск», их изделие.

Таисия Васильевна давно привыкла гордиться Подольском с его заводами, и, когда впервые увидела раз надпись на швейной машине: «Подольск»,— у нее стало на душе хорошо отчего-то...

— Вы бы съездили к дочери,— сказала Ольга Семеновна.— Подольск не Хабаровск, на электричке часа полтора, наверно. Авось, в редакции отпустят.

— Я и в воскресенье могу — и отпрашиваться незачем. А съездить нужно, это верно. Как она там, Поля, после операции?

— С медициной сейчас хорошо, даже сердце подштопают, если нужно. Недавно в газетах и про искусственную почку писали... не хуже родной работает.

Ольга Семеновна всегда читала газеты, знала, что́ делается на свете, но редакционные дела были ей, конечно, неведомы.

— Ларушке один писатель вафли прислал... такой хороший человек Иван Иванович,— сказала Таисия Васильевна.— Я и рассказы его люблю, так удачно их пишет. Может, встречали фамилию — Щепотьев?

— Может, и встречала,— ответила Ольга Семеновна.— Сейчас много пишут, всех не запомнишь, а стихи особенно. Спасибо за пельмени, не успеваю я всего.

— А мне трудно разве? У меня работа полегче вашей... я другой раз и не спешу домой, в магазины по дороге заглядываю.

— И сметаны не успела купить,— вздохнула Ольга Семеновна, должно быть, заметив в кухне остатки сметаны на тарелке.

— У меня была, а без сметаны какие же пельмени?

Они посидели еще, поговорили о совсем малых делах, но ведь и вся жизнь в общем состоит из малых дел, а больших дожидаться— все на свете пропустишь и себя, может случиться, пропустишь.

Ольга Семеновна вставала в шесть часов утра, газеты к восьми должны быть доставлены, а у Таисии Васильевны работа начиналась в девять, и она по дороге отводила девочку в детский сад поблизости; так уж было заведено по молчаливому уговору с Ольгой Семеновной, и та лишь вздыхала и не могла придумать, чем и как отблагодарить.

— И совестно мне перед вами, и выхода у меня нет,— сказала она раз.— Но только, если что-нибудь понадобится, в лепешку расшибусь, а достану для вас.

Как-то она действительно угодила Таисии Васильевне — принесла напечатанный на хорошей мелованной бумаге проспект «Новые товары», в нем изображены были и новинки по хозяйству, и стиральные машины, и овощерезки, а может быть, и домашние вязальные машины уже выпускают, и Таисия Васильевна надела очки и рассматривала образцы новых товаров, но вязальной домашней машины пока еще не было...

— Дорогая, наверно, будет,— сказала Таисия Васильевна самой себе, на миг ушла куда-то в сторону, и Ольга Семеновна понимала, куда та ушла и о чем может думать.

— Должно быть, всем нам, матерям, одно и то же переживать суждено... а может, и хорошо, что это так, для себя одной жить неинтересно, а о детях, какие бы они ни были, никогда не устанешь думать, хоть и не оценят они, может быть, в свою пору.

— Кто с сердцем, тот оценит,— сказала Таисия Васильевна убежденно, а Поля была с сердцем, и Ларушка росла с сердцем, это уже можно было почувствовать, они не были обделены на этот счет — ни она, Таисия Васильевна, ни соседка с ее нелегкой работой.

Ольга Семеновна доставляла почту в Ми-

нистерство торговли, в отделе приема корреспонденции у нее уже были знакомые, и она попросила одну из них, Валю Кузнецову, расположенную к людям и услужливую, разузнать насчет домашней вязальной машины, выпускают ли ее.

Но в одно из воскресений, уже после Нового года, Таисия Васильевна собралась все же в Подольск, села на привокзальной площади в междугородный автобус, и пошла сначала разросшаяся за пределы Курской железной дороги Москва, тянулась вдоль Симферопольского шоссе и только, наконец, уступила место снежным полям и туманным просторам со слойчато поблескивающим инеем.

Поля с мужем жили в одном из домов, построенных для рабочих завода швейных машин, во дворе дома было в воскресный день много детей, одни катались на коньках, другие с ледяной горки на салазках, и Таисия Васильевна поискала среди них внучку, но не нашла. Поля открыла ей дверь, ахнула, мать не предупредила, что приедет, и обе заплакали, целуя друг дружку.

— Как же ты так, мама, и не написала ничего... я бы обед хороший сготовила,— говорила дочь, раскутывая теплый платок на ней.

— Чего предупреждать-то? Подольск не Хабаровск, вот я и здесь,— сказала Таисия Васильевна бодро.— Ну, обо мне какой разговор... ты о себе скажи, как у тебя после операции?

— Теперь поправлюсь, мама... прежнюю работу, конечно, выполнять не смогу, но мне легкую подсобную обещали, и зарплата почти та же будет.

Поля была такая же невысокая, как и она, мать, и походила на нее, какой она была в молодости. Конечно, Поля побледнела и похудела немного, Ольга Семеновна прочитала как-то вслух статью в журнале «Здоровье» про желчнокаменную болезнь, и Таисии Васильевне стало так страшно за дочь, что она только закрыла глаза, чтобы Ольга Семеновна ничего не смогла прочесть в них в ту минуту.

— Хирург у нас замечательный — Василий Павлович Тавлин... и не придумаешь, как отблагодарить его,—говорила дочь между тем,— я уж хотела тебя попросить, посоветуйся в своей редакции: может, книгу ему какую-нибудь хорошую достать... он книги собирает, а книга не такая вещь, чтобы отказаться от нее. Может, по искусству попадется что-нибудь, он книги по искусству любит.

— Спрошу,— сказала мать.— Спрошу у нашего секретаря Елизаветы Викторовны. Она хорошо посоветует.

Потом пришла со двора внучка Аллочка, которую Таисия Васильевна не смогла углядеть среди катавшихся на коньках, внучка была похожа на Полю, когда та была маленькой, значит, похожа и на нее, бабушку, их росток, побег их семьи. Таисия Васильевна достала из сумки несколько апельсинов и конфеты «Мишка на Севере», Аллочка сказала степенно: «Спасибо, бабушка»,— она уже готовилась поступить осенью в школу и приглядывалась к повадкам школьниц.

Дочь стала готовить обед, мать помогала ей, и, пока готовили, они поговорили в кухоньке обо всем на свете, а девочка съела апельсин и пошла еще докататься на коньках перед обедом.

— Я вязальную машину хочу присмотреть для тебя, вышел один такой альбомчик «Новые товары», может, в следующем выпуске и домашняя вязальная машина будет. Станешь на дому работать, зачем тебе на завод идти?

— Дома одной скучно, мама, а на заводе ко мне хорошо относятся, и подружки у меня есть... ждут моего возвращения. А работу мне легкую дадут.

Таисия Васильевна чуть разочарованно помолчала, все-таки видела она уже в воображении эту вязальную машину у дочери, можно было бы в рассрочку купить, тогда и совсем легко справлялась бы...

— Может, еще передумаешь, тогда напиши, у меня тоже хороших людей вокруг хватает, посоветуют, какую тебе машину купить,— сказала она.— А деньги у меня есть, ты об этом не думай.

— Откуда же у тебя деньги? — удивилась дочь.— Такая машина, знаешь, сколько, наверно, стоит? Только не хватает разорять тебя.

— Не разоришь... дочь у меня одна.

— А у меня мать одна.

Они обе посмотрели друг на дружку, посмотрели долго и как-то туманно, что-то стояло во взоре каждой, и обе прочли, что́ стояло во взоре каждой. Дочь отложила ложку, которой мешала в кастрюле суп, подошла к матери, сказала:

— Я о тебе перед самой операцией думала, а потом заснула, а ты рядом была.

— Я и была рядом,— сказала мать.— Где же я могла быть, как не рядом? Ты мне внучку вырасти, чтобы не хуже тебя была,— добавила она.

— Я и так стараюсь... она ничего, серьезная, Аллочка, и зверюшек жалеет,—собака или кошка, всегда жалеет, а раз воробья с поврежденным крылышком принесла, целый месяц его выхаживала, потом поправился и улетел.

— Это хорошо,— сказала мать.— А осенью в школу пойдет, ты насчет учебников напиши мне, может, не достанешь какие-нибудь здесь, а я все достану... у меня писателей знакомых много. Ты рассказов Щепотьева никогда не читала? Встретятся — прочти, он хороший, Иван Иванович, и про людей хорошо пишет.

К обеду вернулся муж Поли Алексей Иванович, на заводе швейных машин он работал наладчиком, и на доске почета не раз висел его портрет. Алексей Иванович был высокий и молчаливый, с густыми бровями, на вид строгий, но к строгости его приучила работа с ее требованиями, и Поля знала, что в тот день, когда ей делали операцию, он не ел ничего и не спал всю ночь, наверно... а в семь часов утра он уже был в больнице, и нянечка потом рассказала ей, Поле, когда та проснулась, что чуть свет приходил справляться о ней муж. «Должно быть, любит тебя,— сказала нянечка тогда,— совсем с лица спал и побриться даже не успел». «Наверно,— чуть улыбнулась Поля, она была еще совсем слабой после операции.— Мы с ним хорошо живем».

Алексей Иванович за обедом говорил мало, а когда после обеда Поля пошла на кухню готовить чай, сказал Таисии Васильевне:

— Вы бы почаще приезжали, мама... скоро тепло станет, тогда в автобусе и не устанете вовсе.

— Потеплее будет, стану почаще приезжать,—пообещала Таисия Васильевна.—Может, не следует Поле возвращаться на завод? — спросила она, выждав.— Как вы, Алексей Иванович, думаете? Она ведь на дому вязать хотела, я для нее вязальную машину присмотрела бы, сидела бы себе дома да вязала. Желчнокаменная болезнь ведь такая противная, не приведи бог.

— Ей легкую работу дадут, а на трудную я и сам не пустил бы ее,— сказал Алексей Иванович.— А домашней хозяйкой она быть не привыкла, всегда на работе и с людьми была, да и Алла осенью в школу пойдет. Думаю, так вернее будет.

На Алексея Ивановича, серьезного и молчаливого, можно было положиться, и они договорились, что пусть Поля попробует поработать на заводе, а там будет видно.

Таисия Васильевна пробыла у дочери почти весь день, но зимой рано смеркается, хотя свету в январе и прибавилось, и нужно было возвращаться в Москву. Поля простилась с матерью дома, та, закутывая голову платком, сказала на прощание:

— Подольск не Хабаровск... теперь буду приезжать почаще, а весной ко мне с дочкой соберешься, может, к Первому мая подгадаешь.

Алексей Иванович пошел проводить до автобуса, и скоро снова побежали снежные поля, теперь уже совсем голубые, еще через полчаса и синие, а Москва надвигалась со своим заревом огней, подползшая до Симферопольского шоссе и только здесь остановившаяся, и то, должно быть, ненадолго.

По воскресеньям вечернюю почту не разносили, и Ольга Семеновна была дома, чинила чулочки, а в стороне мурлыкал радиоприемник.

— Ну как? — спросила Ольга Семеновна сразу же.— Как дочка?

— Ничего, поправляется. Там у них хирург один — Василий Павлович Тавлин, к нему, говорят, и из других городов приезжают операции делать. Он по желчнокаменной болезни, между прочим, специалист.

— Вот и хорошо, что съездили, давно надо было собраться,— сказала Ольга Семеновна.

— И то, на автобусе сейчас спокойно, весной проехаться будет одно удовольствие. А к Первому мая, может, и Поля с дочкой соберутся сюда, погостят у меня денька два, и ваша Ларушка с внучкой познакомится, она хорошая девочка и животных жалеет. Может, купим им обеим к Первому мая по черепашке в зоологическом магазине?

— Что ж,— согласилась Ольга Семеновна.

Чайник стоял на плите, и они сели вскоре вместе пить чай.

— Есть у меня думка какую-нибудь книгу хорошую достать,— сказала Таисия Васильевна.— Такую, чтобы подарить было можно.

— Детскую? — спросила Ольга Семеновна.

— Да нет, взрослому одному человеку... так мне хочется это, что и не скажешь. Что-нибудь по искусству.

— Узнаю,—отозвалась Ольга Семеновна, подумав.— Нужно в магазине «Дружба» спросить, там хорошие книги бывают. Одна моя сослуживица туда почту носит, она спросит.

Было, конечно, как-то грустно, что пришлось расстаться с мыслью о вязальной машине, Таисия Васильевна уже представляла себе, как придет в магазин, купит — если не сразу, то в рассрочку—машину, пошлет по железной дороге в Подольск, и как ахнет и всплеснет руками Поля, увидев, что́ мать прислала ей. Но сейчас можно было думать о книге для Василия Павловича Тавлина, нужно найти для него такую, чтобы он почувствовал, с какой душой искали эту книгу для него, и он целый вечер просидит над ней и бережно поставит на полку среди других любимых своих книг...

На другой день в редакции, когда уже кончилась работа, Таисия Васильевна зашла к художественному редактору Евгении Александровне Строгановой. Евгения Александровна заведовала оформлением журнала, и всегда в ее комнате бывали художники с папками.

— Не подскажете ли, Евгения Александровна, какую самую лучшую книгу по искусству купить? — спросила Таисия Васильевна.

— В каком смысле самую лучшую?

Строганова была сухонькая и подтянутая, с темноватыми усиками, и от нее всегда хорошо пахло духами.

— Чтобы порадовать одного человека.

— Вы имеете в виду монографию? — осведомилась Строганова.— Монографии бывают разные. Недавно вышла хорошая монография о Микеланджело.

— Такую, чтобы редкая была, а то еще окажется у него.

— Это у кого же? — полюбопытствовала Строганова.

— У хирурга Василия Павловича Тавлина. Он моей дочери операцию делал, другие такие руки только поискать. А он, между прочим, книги по искусству любит.

— Ладно, сообразим что-нибудь... найдем, чем его порадовать,—пообещала Строганова, и вся она, сухонькая, со своими усиками, пахнущая духами, стала такой близкой в эту минуту, словно она, Таисия Васильевна, впервые пригляделась к ней.

Наверно, так уж устроен человек, что ему нужно о ком-нибудь думать, хотя бы и воображаемом, и Таисия Васильевна, никогда не видевшая хирурга Василия Павловича Тавлина, представляла его себе невысоким, в очках, озабоченным, с добрым отцовским лицом и руками, как у скрипача, с тонкими, умелыми пальцами, которые в свободную минуту перелистывают книги и подолгу задерживаются возле какой-нибудь иллюстрации. Ольга Семеновна достала в одном из книжных магазинов тематический план издательства «Искусство», и они вместе просмотрели, какие книги по искусству должны выйти.

— Надо как-нибудь в Третьяковку сходить,— вздохнула Ольга Семеновна,— а то ничего-то мы с вами про художников не знаем.

— Конечно, неплохо будет как-нибудь собраться,— согласилась Таисия Васильевна.— А Строганова подскажет, что́ лучше посмотреть, чтобы глаза не разбегались.

С утра, как всегда перед выходом очередного номера журнала, в редакции было много народу, Таисия Васильевна ездила и в типографию «Искра революции», и к критику Межегорову за статьей, и в цинкографию за клише. Была февральская метелица, нанесло сне-

гу, и троллейбусы шли медленно и подолгу задерживались.

— Зайдите ко мне попозже, Таисия Васильевна,— сказала Строганова в коридоре.— Сейчас у меня народ, а попозже зайдите.

Таисия Васильевна предположила, что художник-шрифтовик Ярченко, как обычно, запаздывает с рисованными заголовками, и придется к нему съездить.

— Опять Ярченко, наверно, запаздывает,— сказала она, зайдя позднее к Строгановой.— Что за моду взял всегда запаздывать!

— Нет, Ярченко уже был и все принес,— отозвалась Строганова.— Вы на днях просили меня достать какую-нибудь книгу по искусству... я нашла у себя второй экземпляр одной хорошей монографии. Пошлите вашему хирургу, она, наверно, придется ему по душе.

Строганова достала из стола большую книгу в глянцевитой красочной обложке, а под обложкой был красивый переплет из материи. Она полистала страницы книги с цветными иллюстрациями, проложенными папиросной бумагой, и Таисия Васильевна посмотрела и на пейзажи, и на цветы в вазах, и на разложенные фрукты и овощи на столе, и на подвешенную дичь.

— Красота какая! — сказала она.— Сколько же я должна вам за эту книгу?

— Ничего не должны, у меня два экземпляра,— ответила Строганова.— Пошлите вашему хирургу — и все. Хотите дружить со мной — и все.

Таисия Васильевна только посмотрела на Строганову, но та взяла ее за плечи и, мягко подталкивая к двери, говорила:

— Для меня ведь это тоже удовольствие... Ничего-то вы не сознаете, миленькая,—и нельзя было понять, удовольствие ли для нее доставить приятную минуту любителю искусства или удовольствие сделать именно для нее, Таисии Васильевны, что-нибудь хорошее...

Таисия Васильевна принесла книгу домой, она не была уверена, что у Строгановой нашелся второй экземпляр, скорее всего та купила книгу, но как откажешься и что скажешь при этом?

Вечером, когда Ольга Семеновна вернулась после разноски «Известий» и «Вечерней Москвы», Таисия Васильевна показала ей книгу, и они вместе посмотрели и на пейзажи и на цветы в вазах и кувшинах на вкладных иллюстрациях.

— Наверно, в самую точку будет,— сказала Ольга Семеновна,— такой книгой удивишь,— и она взялась завтра отправить книгу ценной бандеролью, а оценить книгу решили в десять рублей.

Теперь Таисии Васильевне не стало о чем заботиться, не стало мысли о вязальной машине для дочери, не стало мысли и о книге по искусству для хирурга Василия Павловича Тавлина, но с чем же тогда начать день? В Подольске, когда они с дочерью готовили обед, Поля сказала между прочим, что скоро придется подумать о школьной форме для Аллочки, надо будет купить немного на рост, потому что она из всего вырастает за несколько месяцев, и башмаки с коньками тридцать третий номер стали ей малы, а к будущей зиме, наверно, уже тридцать пятый номер понадобится.

— В свое время займемся,— сказала тогда Таисия Васильевна,— возьму эту заботу на себя.

Но дочь ответила:

— Только этого не хватает.

Но теперь не хватало ей, Таисии Васильевне, именно этого, теперь на смену всему, о чем она думала последнее время, пришла новая забота, и хорошо, что пришла, без заботы о ком-нибудь человек не может жить, а если живет без нее, то скудная у него жизнь...

Несколько дней спустя Таисии Васильевне поручили отвезти пакет в Министерство просвещения у Кировских ворот, и на обратном пути, пришедшемся на обеденный перерыв в редакции, она зашла в «Детский мир», присмотрела школьную форму для девочки, узнала цену, если из самой лучшей материи, и два фартучка — черный люстриновый и белый парадный, прицепилась и к тепленьким, на байке, башмакам с коньками. За весну и лето она все это купит и сама отвезет в Подольск, сначала не покажет, а когда дочь озабоченно задумается над тем, что пора готовить Аллочку к поступлению в школу, скажет как бы между прочим: «А я все привезла, что нужно, не о чем и думать»,— раскроет сверток со школьным платьицем, и фартучками, и башмаками с привинченными к ним коньками, тридцать пятый номер, как раз к зиме придутся впору, а будут велики — полежат еще немного.

Она вернулась в редакцию довольная, и целый день была довольная, а по дороге домой купила в молочной бутылку ряженки. Ларушка ела ряженку, густо посыпанную сахаром, и было так хорошо смотреть, как она ест, степенная и спокойная, похожая на свою мать. Таисия Васильевна, когда та съела ряженку, перевязала бант, прихвативший прядку светлых волос, сказала:

— Сейчас мать о тебе заботится, а вырастешь — ты станешь заботиться о ней... ты беспамятной не будь, на тебя мать всю жизнь положила.

И Ларушка ответила:

— Буду заботиться.

Может быть, она уже понимала маленьким своим, но все-таки женским сердцем, что без заботы о ком-нибудь нет и самой жизни, со всеми ее радостями и находками... ничего не найдешь без нежной и сердечной думы о ком-нибудь.

ВОЗМУЖАНИЕ ТАЛАНТА

Имя молодого прозаика Петра Проскурина хорошо известно нашим читателям. Его роман «Горькие травы» получил широкое признание общественности и критики. Но Проскурин еще и талантливый рассказчик. В прошлом году вышла книга его рассказов «Любовь человеческая». В ней собраны произведения последних лет. Поэтическое утверждение личности, раскрытие ее внутренних достоинств, любовь к труду, к Родине, ненависть к врагам — лейтмотив этой книги.

О любви к родной земле, с которой связана вся жизнь старого пастуха Ильно, написан рассказ «Тяга к земле». Не признает старик «пришлых», не верит в их тягу к хлеборобству. Он говорит молодому председателю колхоза Шатилову, приехавшему из города:

« — Земля, она свою тягу имеет...

— Это какую же тягу? — насмешливо улыбается Шатилов.

— А такую. Имеет — и все, и ты, председатель, не скалься зря. Тебя эта тяга еще закрутит, подожди. Или ты человеком станешь на земле, или она тебя от себя отшвырнет подальше».

Накрепко связанный с землей, Ильно перед смертью передает эту любовь своим молодым подпаскам, Сергею и Анатолию. И все же старик Ильно — ярый сторонник косных, патриархальных устоев. Но рядом с ним новое, молодое. Вот, например, двадцатичетырехлетний подпасок Сергей, мечтавший о Тимирязевке, чтобы, окончив ее, вернуться снова в деревню, к земле, которая его вырастила и любовь к которой привил Сергею старый дед Ильно.

Поучительную историю поведал нам автор в рассказе «Цена хлеба». Дружная бригада лесорубов расположилась у костра на обед. Ваня Громов, молодой парень, управившись с едой раньше других, от нечего делать отламывает от ломтя хлеба маленькие кусочки и бросает их в огонь. Всегда молчаливый Меркулов сердито замечает:

«— Что хлебом соришь? Навоз это тебе, что ли?

— Велика ценность — хлеба кусок,— не поворачивая головы, бездумно отозвался Громов.— Хлеба у нас навалом — хоть Игрень пруди...— Громов повернул голову, встретил взгляд моториста, и сразу в глазах парня погасли насмешливые искорки.

— Ты что это, Петрович?

— Ничего... Просто хочу рассказать тебе, щенок, про кусок хлеба. Вот такой, как у тебя в руках. Может, трошки больше».

И Петрович рассказал бригаде о том, как во время войны он вместе со своим другом Генкой Петровым, вырвавшись из концлагеря в Пруссии, пробирался, истощенный голодом, на родину по чужой земле. Генка пошел в селение, чтобы добыть немного хлеба. Вернулся он к Меркулову смертельно раненный с куском хлеба в руке. Генке он уже был не нужен, но необходим был товарищу. «Теперь много хлеба,— говорит Меркулов.— Но хлеб свят»...

В сборник включено несколько рассказов о войне. Иному читателю может показаться, что в военных рассказах Петра Проскурина много тяжелого. Но ведь война есть война... Когда читаешь о тех испытаниях, которые война обрушила на людей, лучше познаешь суровую правду жизни, воспитываешь в себе стойкость и преданность Родине.

Герои рассказов П. Проскурина — люди разные, непохожие друг на друга, но люди живые, которых мы встречаем повседневно.

Виктор ШИШОВ

Петр Проскурин «Любовь человеческая». Повести и рассказы. Издательство «Молодая гвардия». 1965.

УЧЕНЫЕ СОБИРАЮТ УРОЖАЙ

Карши — громадная пустынная степь на юге Узбекистана. Столетия лежит она от горизонта до горизонта, не принося никакой пользы людям. А меж тем на здешних безлюдных просторах природа создала богатейшую кладовую солнца. Свет и тепло его могут подарить людям тысячи тонн тонковолокнистого хлопка. А земля? Способна ли она к плодородию?

Четыре года назад в степь пришли ученые — экспедиция Среднеазиатского научно-исследовательского института почвоведения. Были отобраны сотни проб земли, сделаны десятиметровые разрезы почвы для определения солевого запаса. А потом за лабораторным столом выяснены агрохимические и производительные способности почвы. Ответ таков: Каршинская степь может и должна служить людям. Прошлой весной снова забелели палатки на песках и такырах вдали от дорог и селений. Ученые института вернулись в степь, чтобы на практике проверить свои теоретические выводы. Каждый из участников экспедиции стал хлопкоробом. Под палящим солнцем, пока еще в безводной степи, трудились они, чтобы дать «добро» большому хлопку целого края. Прошлой осенью с пяти опытных каршинских полей снят урожай. Теперь будут осваиваться первые 30 тысяч гектаров целинных земель Карши. А с приходом большой воды по Каршинскому и Шорсайскому каналам зазеленеют еще 200 тысяч гектаров.

Но и это не окончательная цифра запасов солнечной кладовой. Миллион двести тысяч гектаров степной земли назначены под освоение.

Ю. СБИТНЕВ, собкор «Огонька»

Юрий МЕЛЬНИКОВ

Бессмертники

Поэма

1

Июльский полдень.
Над холмами
С утра безоблачен зенит.
Между гранеными камнями
Ручей стремительный звенит.

На дне его резвится молодь,
Плывет, играючи, к песку.
С камней родник спадает
в Сороть —
В исконно русскую реку.

А Сороть
Плавно, год за годом
Среди лугов, среди болот
Свои задумчивые воды
В реку Великую несет.

И лес
И диких уток стая
В волнах реки отражены.
И тишина стоит такая,
Как будто не было войны.

Лишь пчелы прожужжат
спросонок
Остро, как пули, в тишине
Да изредка следы воронок
Тебе напомнят о войне.

Июль.
Под солнцем благодатным
Пестреют кофтами луга.
И пахнут чаем ароматным
Зеленогривые стога.

А выше, на горе зеленой,
Тесовый,
небогат на вид,
«Господский дом уединенный»
На Сороть окнами глядит.

...Все вызывает вдохновенье:
И парк,
и сад,
и лунный свет...
И здесь, в тиши уединенья,
Был в думы погружен поэт.

С тех пор
По росным склонам тут
Кругом бессмертники цветут.

А там,
Среди прохладных залов,
Как много-много лет назад,
Со стен портреты Ганнибалов
На посетителей глядят.

И сам он,
Смуглый на портрете,
Мечтает, думу затая.
И книги, книги в кабинете —
Поэта верные друзья.

То на пчелиные колоды,
То на цветы кругом гляжу
И следом за экскурсоводом
К военной карте подхожу.

На ней —
окопы фронтовые
И той и нашей стороны.
И точки, точки огневые
На карте изображены.

И я, охваченный волненьем,
Смотрю,
смотрю на берег тот,
Откуда перед наступленьем
Стрелял мой минометный взвод.

...Спешу дорогою покатой
Туда, где некогда бывал...
Мне все здесь дорого и свято:
Я эту землю с боем брал.

Всхожу на холм,
А сердце бьется,
А сердце бьется неспроста.
Без боя людям не дается
Ни высота, ни красота.

2

Леса заметно повзрослели,
И я уже изрядно сед...
Я эти сосны, эти ели
Не видел двадцать с лишним лет.

Грустна сосна, печальна елка —
Свидетельницы дней войны.
На их стволах следы осколков
И до сих пор еще видны.

А под сосною, как девчонки,
В зеленой, колкой тесноте
Толпятся шустрые сосенки
На бывшей энской высоте.

А рядом,
У развилки тропок,
Где старый дуб стоит, как страж,
Видны заросшие окопы
И обвалившийся блиндаж.

Блиндаж...
Мы в нем когда-то жили
И пели песни иногда,
Его снаряды не разбили —
Его разрушили года.

Так вот она, передовая,
Ей нет начала,
нет конца...
Она от края и до края
Прошла сквозь земли и сердца...

Шагала девушка с цветами
От нашей бывшей огневой...
И снова вспомнил я о Тане —
Подруге давней, фронтовой.

Мы с ней
войны большую чашу
В окопах выпили до дна...

Из женщин
в батальоне нашем
Была единственной она.
И весь пехотный батальон
Был в Таню Громову влюблен.

Я ей читал стихотворенья,
Посматривая на листы:
«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты...»

Потом я в стереотрубу
Показывал ей домик няни,
Реку, и озеро Кучане,
И всю прибрежную Губу.
Полей необозримых ширь
И Святогорский монастырь.
И дом поэта,
парк,
луга...
Все это было у врага.

И, взяв винтовку и патроны,
Татьяна
рано, до зари
По изрешеченному склону
Ползла к деревне Зимари.
И там, у изб полусожженных,
Одна с рассвета до темна
Смотрела вдаль
И напряженно
Ждала противника она.
...Я видел, как, подкараулив,
Взяла фигуру на прицел.
И на тропу, сраженный пулей,
Упал немецкий офицер.

У этих самых Зимарей
Пришлось расстаться с нами ей.

Перевязав бинтами рану,
Там,
где склонился бересклет,
Мы в тыл отправили Татьяну,
И затерялся Танин след...

3

Объяты тишиною строгой
Густой сосняк
и в ряcках пруд.
Меня знакомою дорогой
Воспоминания ведут.

Иду по фронту.
Рожь — направо,
Налево вымахал овес...
Я здесь теперь имею право
Шагать открыто,
в полный рост!

Река Великая...
Не так уж
Она собой и велика,
Но тяжелей идти в атаку,
Когда преградою река.

Поднялись на вершину клены
И над могилами солдат,
Как будто красные знамена,
Склоняясь низко,
Шелестят.

...Кругом —
Долины и озера,
Полей желтеющих размах.
Поселок Пушкинские горы
Далеко виден
На холмах.

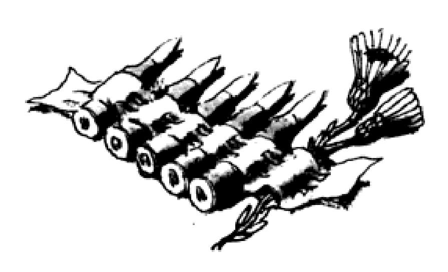
Под соснами и тополями,
Построенные ровно, в ряд —
Дома,
дома между холмами
Широкоплечие стоят.

Со всей страны,
из-за границы,
По всем дорогам —
тут и там
Спешит народ,
Чтоб поклониться
Священным издавна местам:
Где он страдал, где он любил,
Где сердце он похоронил.

. . . .

И монастырь открылся взору
Из-за ветвей —
весь на виду.
И я к Успенскому собору
Широкой лестницей иду.

Идет народ.
Ложатся тени.



И листья падают к ногам.
И я по каменным ступеням
Иду, как будто по векам.

И вот стою с могилой рядом
В тени деревьев, как в саду,
И за железную ограду
Букет бессмертников кладу.

А женщина-экскурсовод
Рассказывает людям были:
— При отступлении
Подход
Враг заминировал к могиле...

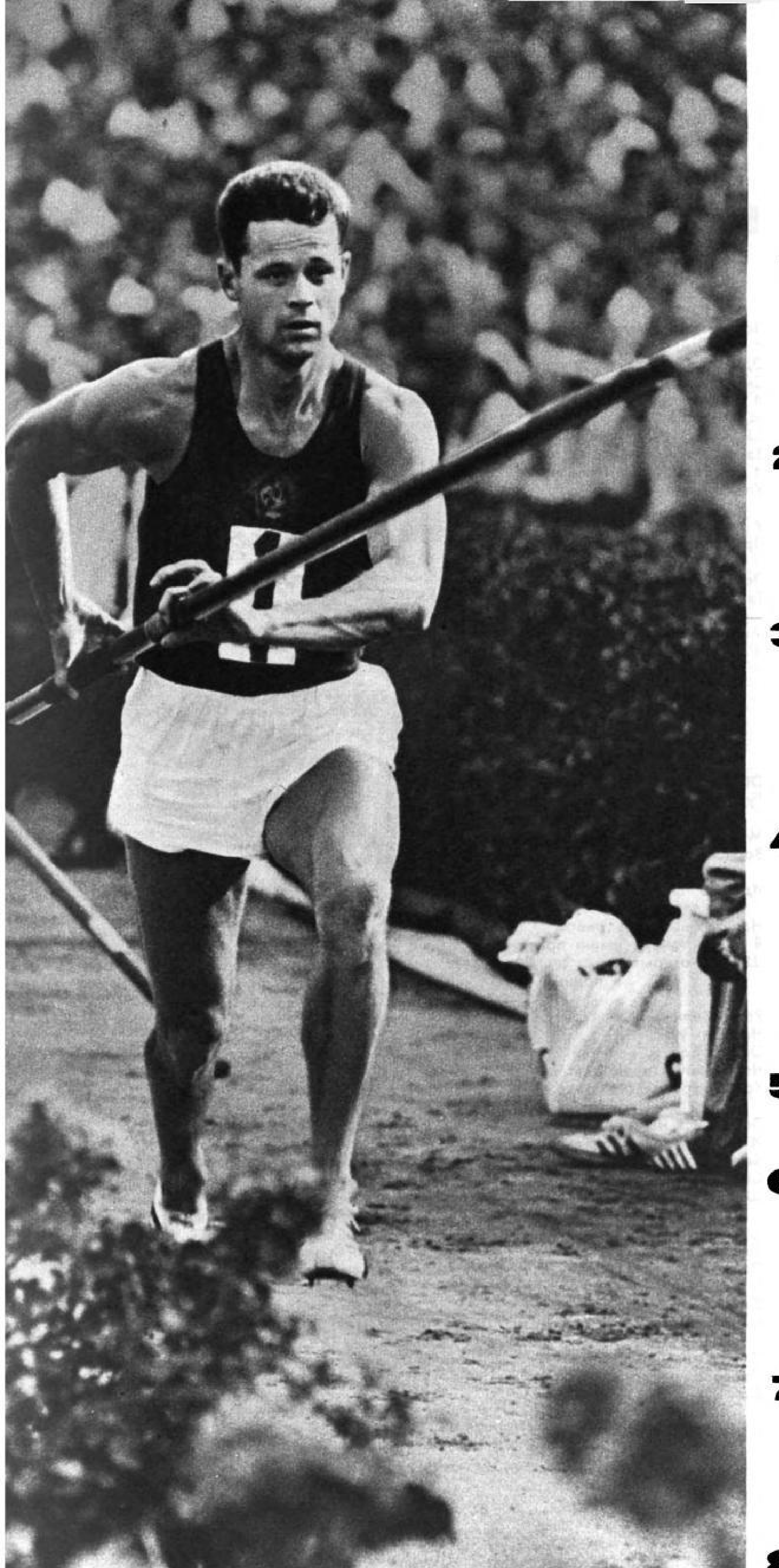
И люди слушают, не дышат,
В кругу становится тесней.
А ветер северный колышет
Седую прядь волос у ней.

Она умолкла.
И гроза
Угадывалась в дальнем гуле.
И молниями блеснули
Большие карие глаза.

Татьяна!
Я в экскурсоводе
Признал ее,
и у дубка
Мы обнялись при всем народе,
Два друга, два фронтовика.

...Идем знакомыми местами
И вспоминаем о былом.
И золотистыми цветами
Цветут
Бессмертники кругом.

Пушкинские горы — Москва.



Рейн Аун! Это имя известно сейчас не только в Эстонии, но и на спортивных аренах всего мира. Уехал два года тому назад из Тарту на Токийскую олимпиаду молодой десятиборец, а домой вернулся серебряным призером!

Издавна славится Эстония спортсменами, которые сильны не только в беге, прыжках или метаниях, а сразу во всем. В течение двух дней 10 раз берет десятиборец старт. Не человек, а целая команда! В свое время Эстония гордилась мировым рекордсменом по десятиборью Александром Клумбергом. Потом прогремело имя Хейно Липпа, успешно выступал на крупнейших соревнованиях Уно Палу. А теперь перед нами серебряный призер XVIII Олимпийских игр Рейн Аун.

1 Где же вырос этот атлет? Что это, исключительное явление? Самородок? Чтобы ответить на эти вопросы, давайте пройдем по его жизненным следам.

2 Мы находимся с вами в пригороде Таллина — Нымме. На спортивной площадке 27-й школы. Но какое отношение могут иметь эти малыши к Рейну Ауну? Представьте, самое прямое! Девятнадцать лет тому назад мы могли бы встретить среди первоклассников, только что пробежавших по дорожке, и нашего героя. Аун начинал вот на этой школьной площадке, а теперь школа, где он учился, известна всей стране. Преподаватель физвоспитания В. Кюлаотс, который помнит еще маленького Ауна, уже в течение трех лет проводит интереснейший эксперимент: ежедневные уроки физкультуры в двух опытных классах — 4-м и 7-м. Результаты превзошли все ожидания: ребята окрепли, резко снизилось количество заболеваний, возросла успеваемость.

Худенького мальчика с вьющимися волосами, очень похожего вот на этого, которого обнял тренер, можно было встретить почти каждый день на спортивной площадке у подножия древних таллинских стен. Тренер Владимир Жулин начал заниматься с 14-летним Ауном легкой атлетикой, и через пять лет его питомец, окончив школу, ушел мастером спорта, подающим большие надежды десятиборцем.

3 И теперь, когда Аун приезжает в Таллин, он обязательно навещает своего первого тренера, знакомится с его новыми учениками, а их у него немало — 30 человек, все отличные ребята, и каждый из них мечтает о том, чтобы стать десятиборцем, таким, как Рейн Аун.

4 Но где же сейчас живет Аун, если в своем родном городе бывает лишь наездом? Окончив школу, молодой мастер спорта стал студентом Тартуского университета. Вот уже около 20 лет, как в древнем университете работает новая кафедра — физического воспитания. За это время она подготовила 600 преподавателей, тренеров, которых сейчас можно встретить во многих городах и селениях республики. Студенты кафедры проводят занятия со всеми 3 тысячами студентов Тартуского университета по 12 видам спорта, но особой популярностью пользуется на кафедре легкая атлетика и гимнастика. И на этом снимке мы видим легкоатлета Рейна Ауна в несколько необычном для него амплуа — тренера по гимнастике. Студент 3-го курса Аун проходил в этом году практику в школе.

Как же справился со своими обязанностями преподавателя Рейн Аун? Об этом мы узнали, побывав на университетском стадионе. В эти дни там проходили соревнования тартуских школьников по легкой атлетике. Преподавателя 7-й средней школы Ханса Пуука, у которого проходил практику Аун, мы нашли на трибуне.

5 — Рейна я знал и раньше,— сказал нам Ханс Пуук,— но главным образом как спортсмена. Не раз я любовался его мастерством с этой трибуны. А тут он оказался рядовым преподавателем нашей школы. Надо сказать, что уроки он проводил отлично, ребята ловили каждое его слово. В первые дни я, признаться, опасался, что практикант будет слишком пристрастен к легкой атлетике, но он проявил себя опытным педагогом и в баскетбольном зале и у гимнастических снарядов. Ну а легкая атлетика стала теперь у нас особенно популярной: 30 ребят посещают занятия спортивной школы. И на этих соревнованиях мы выступаем неплохо... Но одну минуточку... Дается старт...

6 Семейство Аун берет старт ранним утром. Лина и Мартин отправляются в детский сад, а их родители — Рейн и Кай — в университет. Молодая жена Рейна учится на 4-м курсе той же кафедры физического воспитания.

А после занятий в университете Рейн Аун отправляется за 60 километров от Тарту на спортивную базу в Кярику. Своими руками построили студенты у озера среди леса великолепный тренировочный комплекс — стадион, общежития, столовую, массажные кабинеты, бани, клуб.

В тот день, когда мы побывали в Кярику, тренер Рейна Фред Куду собрал около себя сильнейших десятиборцев Советского Союза. Ему поручена подготовка спортсменов к большому сезону. Фред Куду в свое время создавал кафедру физвоспитания Тартуского университета, это он тренировал знаменитого десятиборца Хейно Липпа, а теперь у него занимается и Рейн Аун и более молодые спортсмены.

7 Вот они перед вами, эстонские богатыри — Приит Паало, Юрий Отсмаа, Тыну Лепик. Все они идут по следам Рейна Ауна (первый слева). И с удовольствием оглядывает строй своих учеников Фред Оттович Куду.

Вот мы и прошли по следам Рейна Ауна. Школьная площадка... Тренировочный стадион детской спортивной школы... Университет... Физкультурный школьный зал... Лагерь сильнейших спортсменов Эстонии.

8 Да, не близок был путь Рейна Ауна из Тарту в Токио, и самое главное заключается в том, что он не был одинок на этом пути. Рейн всего лишь один из 30 мастеров спорта, выращенных в 27-й таллинской школе, всего лишь один из многих питомцев Владимира Жулина и Фреда Куду. В том-то и сила Рейна Ауна, что рядом с ним и за его спиной стоят многие и многие отличные легкоатлеты. В этом сила спортивной Эстонии. Ее атлеты на старте!

Фото М. БОТАШЕВА. 1

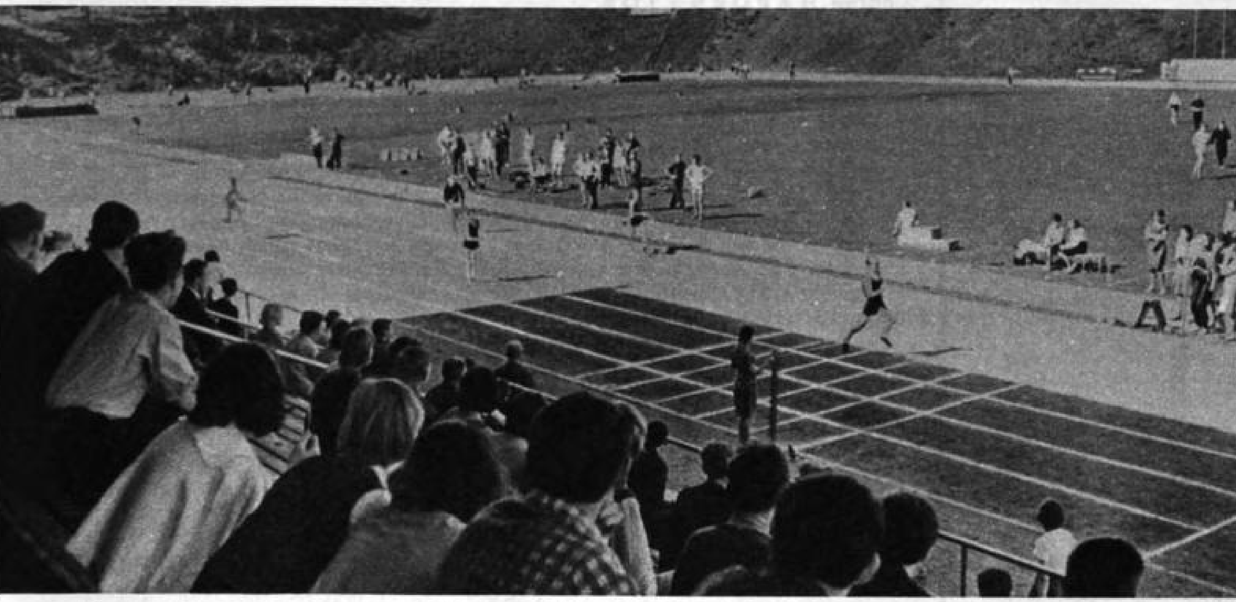
В. ВИКТОРОВ
Фото В. САЛЬМРЕ.

По следам Ре

2

3

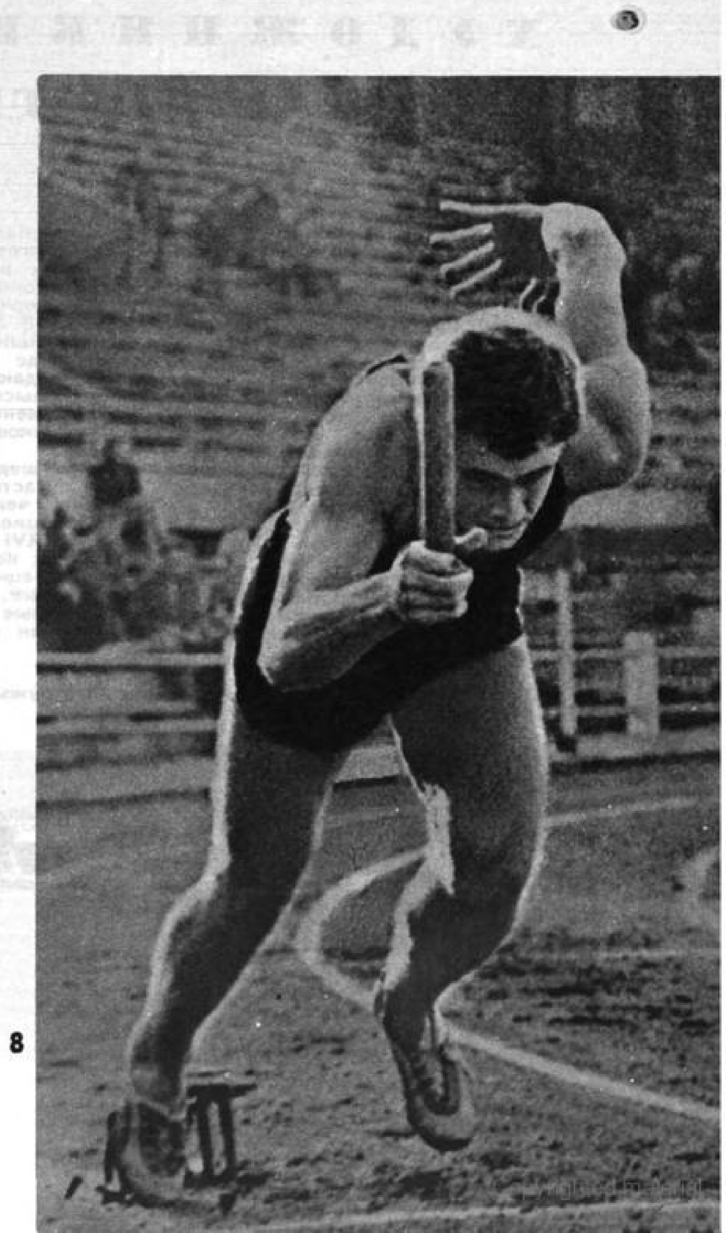
4



5

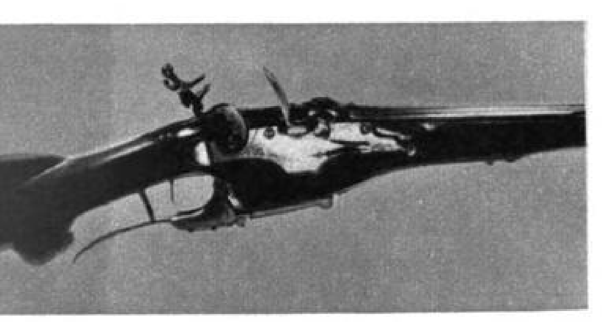
6

7



8

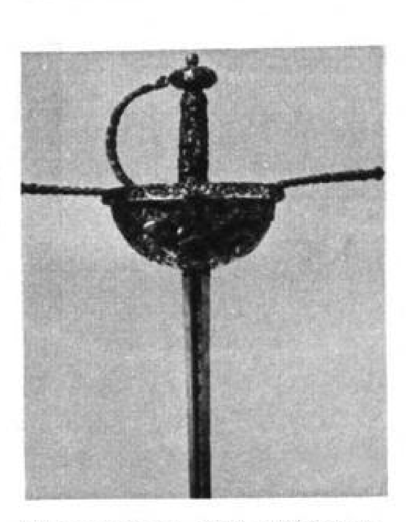
йна Ауна



Пятнадцатизарядное охотничье ружье 1690—1700 годов работы парижского мастера Кузэна.

Нож боярина Дмитрия Годунова, сделанный в московской Оружейной палате около 1600 года.

Щит от парадных доспехов главнокомандующего Венецианской республики Сфорца Паллавичино. Изготовлен в Северной Италии около 1560 года.



Шпага-рапира 1640—1650 годов работы двух миланских мастеров: оружейник Пьетро Кайно выковал клинок, а Франческо Ривольта изготовил и украсил эфес.

ХУДОЖНИКИ РУЖЬЯ И ШПАГИ

В Москве и Ленинграде проходил 4-й конгресс Международной ассоциации музеев оружия и военной истории. Во время конгресса советские и зарубежные специалисты ознакомились в наших музеях с коллекциями оружия, военной формы, знамен и других воинских реликвий. Одна из самых богатых в мире коллекций старинного оружия находится в Ленинграде, в стенах Государственного Эрмитажа. О ней рассказывает сотрудник Государственного Эрмитажа.

Эрмитажная коллекция начала создаваться примерно сто пятьдесят лет тому назад. Сейчас это собрание насчитывает более двенадцати тысяч предметов, изготовленных в XV—XIX веках оружейниками России, Восточной и Западной Европы, Америки и многих стран Востока. В Эрмитаже хранятся те ценнейшие, единственные в своем роде образцы оружия, которые дают яркое представление о высших технических и художественных достижениях оружейников разных времен и народов.

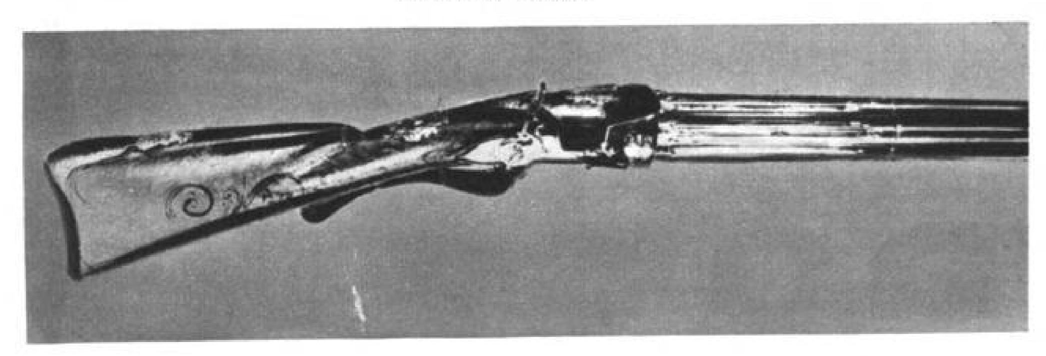
Таких шедевров в Эрмитаже много. Части доспехов, украшенных чеканкой и золотой инкрустацией, известного полководца XVI века Сфорца Паллавичино, который в 1559 году стал венецианским главнокомандующим. Сабля и нож, изготовленные московскими оружейниками для боярина Дмитрия Годунова, дяди царя Бориса; булатный клинок ножа почти сплошь украшен изящными узорами из золота, а рукоять выточена из прозрачного камня-самоцвета.

Знатоки и любители фехтования могут ознакомиться в Эрмитаже с сотнями великолепных образцов клинкового оружия работы мастеров Испании, Италии, России, Индии, Японии и других стран. Но полнее всего, пожалуй, техника и искусство слились в старинном огнестрельном оружии, которое занимает обширное место в коллекции. На ружейные и пистолетные ложа часто шли черное дерево, слоновая кость, золото, перламутр. Металлические же части оружия богато украшались резьбой, гравировкой, позолотой и воронением.

Эрмитаж гордится превосходным собранием огнестрельного оружия замечательных тульских мастеров. Нередко по заказам знатных лиц тульские оружейники создавали многозарядные охотничьи ружья и пистолеты, позволявшие достигнуть большой по тем временам скорострельности. Таково уникальное тульское шестиствольное ружье-револьвер, изготовленное около двухсот лет тому назад. С большим художественным вкусом отделана резьбой казенная часть его легких вороненых стволов. Тонкая резьба и позолота украшают замок и другие металлические детали, а приклад покрыт изящными узорами, выложенными проволокой. На таком же высоком художественном уровне выполнены десятки других тульских изделий, хранящихся в эрмитажной коллекции.

Л. ТАРАСЮК,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Государственного Эрмитажа

Шестиствольное револьверное охотничье ружье, изготовленное в Туле около 1780 года.



Цветная явь

Сергей НАРОВЧАТОВ

Всем памятен образ былинного богатыря Василия Буслаева. Безграничный размах, лихая удаль, широкая щедрость — вот те качества, что символизированы и обобщены в нем. Но, славя его и любуясь им, народная мудрость осудила в своем любимце слепое озорство и горделивое высокомерие: они привели Буслаева, по сказанию, к трагической гибели.

По мотивам былины я написал несколько лет тому назад поэму «Василий Буслаев». И вот совсем недавно получаю неожиданно посылку из Палеха. Распаковываю — и застываю, пораженный. Все, что стояло, как говорится, перед моим мысленным взором, воплотилось под рукой замечательного мастера в яркую цветную явь. Разумеется, глубоко меня тронул сам факт подобного отклика. Ради одного такого читателя, подумал я, уже стоило написать поэму.

Владимир Дмитриевич Кочупалов, как я узнал, списавшись с ним, учился у прославленных палешан А. В. Котухина, И. П. Вакурова и Ф. А. Каурцева. Ему 28 лет от роду, и он четвертый год работает художником в своем знаменитом селе. Книжка моих стихов попала ему от ивановского поэта Владимира Жукова. Взяв ее с возвратом, он от руки переписал помещенную в ней поэму. Дальнейшее известно: было сотворено это маленькое чудо и с истинно буслаевской щедростью послано незнакомому человеку.

Какие мысли оно вызывает? Обращение к народному творчеству всегда было и остается плодотворным и перспективным. Былинные образы, недолго погостив в моей поэме, снова вернулись в него по смежной стезе искусства. Палехский художник, следуя давним традициям своей школы, выделил основные мотивы поэмы и, дав им пластическое воплощение, связал их в единое художественное целое на предельно сжатой площадке. Филигранная эта работа сделана с блеском и вдохновением, всегда отличавшими труд палехских мастеров. Все это тем более отрадно, что В. Д. Кочупалов — молодой художник, и на его примере лишний раз убеждаешься в живой преемственности традиций искусства Палеха.

И последнее. Никак не переоценивая достоинств своей поэмы, я вижу во всем этом новое свидетельство возрастающего влияния поэзии на человеческие души в самые последние годы. Являясь частью общего духовного подъема, охватившего наш народ в его великих свершениях, оно вызывает к жизни образцы искусства, подобные произведению молодого палехского мастера.

В. Кочупалов (Палех). «ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ».

Роспись старинной мезенской прялки.

Юрий АРБАТ

Краски Мезени

Из всех видов русской народной росписи мезенская всегда казалась самой загадочной. Прялки, расписанные на побережье этой дальней северной реки, вызывали по меньшей мере удивление. Нельзя было увидеть на них ни традиционной русской яркости, ни излюбленного цветочного и травного орнамента. Рождалась мысль о странной связи мезенской росписи с архаическими рисунками, сохранившимися в каменных пещерах.

Трудно представить бо́льшее обобщение, чем конь, изображенный любым из старых мезенских мастеров: на некрашеном деревянном фоне прялки мчащиеся кирпично-красные кони и олени. Детали дорисовывались гусиным пером черными штрихами: десяток черточек, изображавших гриву, четыре длинных черточки хвоста, ноги, сделанные одним росчерком и похожие на паучьи лапы, узда с двумя черточками повода, а у оленей ветвистый рог. Вокруг геометрические узоры: красные треугольники с черными завитками, красные полосы, черные квадраты с кружками и черточками, «курочки», «гуси». Мезенская роспись скупа, краски самые простые, самые «первые»: красная из глины, а черная — сажа, разведенная на «таючей сере» — соке лиственницы. Но композиция всего украшения зрелая, уверенная, говорящая о большом художественном вкусе, проверенном многими поколениями.

Я решил познакомиться с мезенским искусством не в музеях, а посмотреть своими глазами места, где родилась, расцвела и — что скрывать — захирела народная мезенская роспись.

Мезень — река, текущая между Печорой и Северной Двиной и впадающая в губу Белого моря,— славилась, пожалуй что, только семгой, которая нерестится в самой Мезени и некоторых ее притоках.

Места здесь не очень людные, и селения встречаются редко. На картах можно встретить кружочек и надпись: «Житель». Где еще одному лесному жителю окажут подобную честь? Вокруг на сотни километров тайбола — сочетание тайги с болотом. Известный русский путешественник, этнограф и писатель прошлого века С. Максимов побывал на Мезени и пришел к выводу, что тайбола «как темная ночь без просвета со всей своей мрачною и непривлекательною обстановкою». Но ведь это было в те времена, когда о Печорском и Мезенском краях писали, что они «изучены меньше, чем Луна». А теперь изучена и Луна — не то что Север. И оказалось, что тайбола — край сокровищ.

В среднем течении Мезени, километрах в ста от устья, вольно раскинулось на берегу село Палащелье. Щельем здесь называют крутые береговые обрывы. Северные щелья глинистые, красные. А потом вдруг, как белоголовый мальчишка среди пламенеющей родни,— одно долгощелье ослепительно светлое, песчаное. И деревня зовется Белощелье. От нее совсем неподалеку то село, что нужно мне.

— Тут уж не красная щелья, не белая, а совсем она пропала. Пала щелья, одним словом.

Так объясняли название села местные жители.

С незапамятных времен — а когда точно, никто не ведает,— палащельские мужчины вырубали и вытесывали деревянные прялки и расписывали их. Основа росписи — конь, давний языческий образ Солнца-благоподателя, и олень, которому на нашем Севере тоже поклонялись. Сейчас это только элементы красивого орнамента.

В Лешуконье я добирался по-современному — на самолете.

А затем глубокая тишина села. Лешуконье... Это звучит как в сказке. То ли леший на коне вырвался из чащобы и носился по полю, то ли играл лесной хозяин в бабки, и своей заколдованной битой выбил леший весь кон. Гадай, как хочешь, как тебе воображение подскажет. В творении сказки помогут и тишина и дома со старинной русской резьбой балконов, с коньками на могучем охлупне крыши, с остатками краски на нарядных фронтонах.

Отсюда мне еще сорок километров плыть по реке, но дует верховой ветер, и приходится добираться до Палащелья попутным пожарным вертолетом и совсем немного — легкой моторкой вдоль бережка.

Казалось, красивее должна быть деревня на белом или глинисто-красном обрыве. А и красоты и славы больше у Палащелья.

Ступите на берег, как я ступил. Там, где от берега вьется тропка к просторным по-северному, двухэтажным домам с тяжелыми коньками,— аккуратные баньки на сваях, чтобы половодье не сгубило. И обветренное, поголубевшее от морозов здание деревянной церковушки.

Расписные прялки перестали здесь делать в тридцатых годах, когда население целиком занялось сельским хозяйством и доходной ловлей семги. Но село полно рассказами и легендами о прежних мастерах. Назовут фамилию и имя либо прозвище — и целая история.

Славились мастерством пять родов: Аксеновы, Новиковы, Федотовы, Шишовы и Кузьмины.

Определить время, когда жил самый старый из Аксеновых, помог мне Трифон Иванович Шишов, которому шел девятый десяток.

— Эт, значит, так: у нас все зверей добывали, и Степа Доронин тоже промышлял, зайцев много бил. Но делал все деревянное, всю жизнь на деревянном сидел: и прялки, и короба, и ложки. Прялки для своих семейных, березовые, раскрашивал помельче, поподробней. А на продажу—еловые и пореже красил. Продавать сам ездил на Пинегу, на ярмарку. Маленький такой старичок. А родился он... дай бог памяти... Филя женился в девятьсот десятом, а Степе тогда семьдесят исполнилось.

Мы подсчитали, и получилось, что родился Степан Дорофеевич Аксенов в 1840 году.

— Наверное, так,—согласился Трифон Иванович.—На турецкую войну его призвали, так он пешком ушел. Пятерых сыновей вырастил, и все мастера.

Удалой охотник Фирс Аксенов славился не столько достоинствами раскраски, сколько тем, что, отправляясь на ярмарку, умел быстрее всех распродать товар. У Филиппа Аксенова ремесло, как говорили, «не выходило из рук», хотя он числился ямщиком и держал двух коней для почты. Яков Аксенов, по прозвищу Якунька, красил неказисто, торопился, но языком действовал бойко и с прялками домой не возвращался.

Красивым рисунком отличался Прокопий Семенович, старейшина другой фамилии — Новиковых. Умер он восьмидесятилетним в 1937 году. Его хорошо помнят, почтенного, седобородого удачливого охотника на пушного зверя и лосей. На одной из его прялок, увиденной мною в Загорском музее-заповеднике, простодушная надпись:

«Прялка прочная. Будешь держать и помнить».

Добрые слова говорят о его сыне Афанасии, который расписал у себя дома даже рамы, и о любителе подробностей в росписи Гавриле Новикове.

Из Федотовых самый прославленный — Василий Клементьевич, по деревенскому прозвищу Климович, всегда подписывавшийся инициалами «ВКФ». Рисовал он не попросту, не только следуя традициям, а затейливо, с выдумкой. Он не спешил, а все делал любя: то даст черного клетчатого коня, то на красном коне изобразит всадника, то нарисует охоту или дерево с птицами. И узорочье у Климовича более русское, чем у любого из мезенских мастеров. В Палащелье хорошо вспоминают, как Климович работал, как интересовался творчеством других. Зайдет, посмотрит и искренне скажет:

— Дивно!

Про тех, кто ловчил намалевать побольше, говорил презрительно:

— Ну, этот провидоха!

И внучка о нем отзывалась ласково:

— Хороший дедушко был, приемчивый, рыбой промышлял, так уж кто придет,— примет: и семгой, и хариусом, и всем угостит.

Видно, добрые качества человека каким-то образом все же сказались на его произведениях.

Зять Климовича, Афанасий Иванович Шишов,—личность в Палащелье тоже примечательная.

Дочь его, Ирина Афанасьевна, рассказала, что три с половиной десятка лет пробыл отец лесником, а прялки и деревянные игрушки делал дождливой осенью и суровой зимой. Первым из палащельских мастеров Афанасий Шишов нарисовал на обороте прялки... колесный пароход — чудо тех времен.

А Иван Васильевич Кузьмин, зять Афанасия Ивановича, даже тряхнул стариной и при мне расписал прялку — точно так, как делали это тридцать лет назад.

И мне жалко стало, что такое удивительное мастерство, кажущееся сейчас по своему обобщению таким современным, почти забыто.

Почти... А вот и не так!

В Москве, идя по улице Герцена, я вдруг увидел на девушке платье из материи с палащельским узором: те же красные кони и олени, те же «курочки», те же узоры, будто наведенные гусиным пером.

Я стал искать такую материю и нашел с трудом в магазине «Синтетика». Продавщица сказала, что берут этот сорт нарасхват.

Узнал я, что еще в двадцатые годы художник Владимир Голицын пробовал — и довольно удачно — перенести на небольшие коробочки манеру мезенских мастеров. Помню и сюжеты: «Красные кавалеристы» и «Свадьба» — веселые, задорные вещи. Эти вещи хранятся в Москве, в Музее народного искусства. На Парижской выставке 1925 года В. М. Голицын получил золотую и серебряную медали.

Совсем недавно в магазине «Подарки» я увидел и, конечно, купил альбом, обложка которого сделана художником Г. Бурковым точно по мезенским прялочным узорам. А в одном доме мне довелось любоваться фарфоровыми чашками с красными конями, черными палащельскими «завихрениями» и «курочками» — пробы новых рисунков.

Какой это великолепный ответ тем скептикам, которые свысока относятся к народному искусству и неспособны связать когда-то созданные народом узоры с сегодняшним днем! Исчезли прялки как предмет, ушедший из быта, и воскрешать их бессмысленно. Но живо искусство, не умерла мезенская роспись.

В чем главный и радостный смысл того, что «модных» красных коней теперь можно увидеть не только в Палащелье, но и на платьях девушек в Москве, Ленинграде, Вологде, где-нибудь в маленькой деревне под Костромой или Хабаровском? В том, что искусство, созданное народом, бессмертно.

Леонид СТЕПАНОВ,
спецкор «Огонька»

С высоты Дунайской башни

Как и все города мира, Вена постепенно меняет свой облик. Она омолаживается, растет ввысь, сложнее вырисовываются в синем небе ее контуры. Несколько лет назад самыми высокими точками города были единственная башня собора святого Стефана, трехметровый чугунный ратник на городской ратуше и верхний вагон Гигантского колеса в парке Пратер. Теперь с холмов Венского леса видишь, что самые высокие сооружения города — сигарообразная башня Маннесмана на территории международной ярмарки и похожая на минарет Донаутурм — Дунайская башня, построенная на паях Венской сберегательной кассой и крупнейшим миллионером Австрии Манфредом Маутнером Маркхофом. Впрочем, этого пивного австрийского короля принято называть в Вене гораздо короче — «МММ».

С высоты Дунайской башни вы видите всю Вену, как на ладони. Еще бы! Высота этого сооружения — 252 метра. Смотровая площадка со столиками ресторана медленно вращается. Пока посетители съедят свой обед, она делает два витка вокруг оси Дунайской башни. Само собой разумеется, что стоимость обеда от этого тоже возрастает по меньшей мере вдвое. «МММ» не новичок в коммерции. Он вкладывает капитал только туда, где он приносит верную прибыль.

Да, конечно, человек, видевший Вену несколько лет назад, заметит в облике старого города много нового. Теперь уже совсем не видно послевоенных руин. Напротив, среди зелено-серого массива австрийской столицы выделяются светлые пятна современных кварталов. Больше стало автомашин на улицах, правда, большинство из них подержанные или старых марок. В часы «пик» древний центр города, где наиболее узкие улицы, забит медленно продвигающимися машинами. Порой их легко обгоняют пешеходы. Еще острее, чем прежде, стоит проблема «паркования», то есть стоянки, машин. Часто измученному автовладельцу после нескольких безнадежных кругов приходится ставить машину за целый километр от цели и потом добираться до нее пешком в толпе «безмоторных граждан».

Собственная машина в Австрии — это скорее признак образа, а не уровня жизни. Считается, например, что молодой человек вначале должен приобрести машину, а уж потом подумать о приличном жилье и семье. Без машины он еще как бы не совсем полноценный член общества. Разумеется, машина может быть весьма подержанной, и приобрести ее может молодой человек в кредит, с рассрочкой на несколько лет.

Зная все это, вы поймете, почему в Австрии так много поздних браков и бездетных семей, почему в доме молодого автовладельца вы часто не найдете ни одной книги, а в разговоре с ним обнаружите, что он за всю свою жизнь ни разу не был в Опере и Бургтеатре.

Разумеется, есть и другие критерии уровня жизни: цены на товары, которые выставлены на витринах, карточки меню в ресторанах и кафе. Цены на некоторые товары за шесть лет, прошедших после того, как я видел Вену в последний раз, возросли вдвое. За свой обед в ресторане венцу приходится теперь платить столько же, сколько шесть лет назад за обед на двоих. Билеты в кино стоят теперь вдвое и даже втрое дороже. А ведь средняя зарплата венских рабочих и служащих возросла за эти годы всего процентов на 25. Причем этот прирост образуется в значительной степени за счет сверхурочных часов, подрывающих здоровье. Думается, что не случайно во время беседы с советскими журналистами федеральный канцлер И. Клаус первоочередной задачей своего правительства назвал принятие мер против роста дороговизны в стране.

И еще, конечно, есть критерии. Помнится, в первые годы после окончания войны социалист Карл Реннер шутливо восклицал: «Вы говорите о борьбе с капитализмом. Укажите же мне хотя бы одного австрийского капиталиста!»

Действительно, тогда, в 1946 году, это было сделать нелегко. Те, кто во время «аншлюса» сотрудничал с гитлеровцами и нажился больше всего, бежали из-за боязни справедливого суда. Многие другие австрийские предприниматели сами были разорены войной и грабежом фашистов.

Теперь, спустя двадцать лет, Карл Реннер не смог бы уже шутить с прежней легкостью. По неофициальным данным (официальные данные такого рода не бывают), в Австрии теперь насчитывается более 500 миллионеров. Правда, про них говорят, что они не «долларовые», а всего лишь «шиллинговые» миллионеры. Выходить на мировую арену «шиллинговым» так же небезопасно, как боксеру веса мухи выходить против боксера-тяжеловеса. Но, с другой стороны, и сами «шиллинговые» не такие уж безобидные паиньки по отношению к собственной стране...

Еще давно было сказано, что капитал не имеет отечества. Это в полной мере относится и к австрийскому капиталу. Его мало беспокоит тот факт, что западногерманские концерны лезут в австрийскую экономику и стремятся прибрать к своим рукам ее ключевые позиции. Ради прибылей «шиллинговый капитал» готов на роль «младшего партнера». Он рассчитывает, что, примазавшись к самому агрессивному в Европе западногерманскому капиталу, он сможет получать более крупные дивиденды, чем теперь. Отсюда такое непонятное для многих австрийцев и столь страстное и непреодолимое для самого «шиллингового капитала» влечение к «Общему рынку» — объединению шести западноевропейских государств, где главную роль играет ФРГ.

Нельзя сказать, чтобы ведущие политические деятели Австрии не понимали опасности присоединения страны к «Общему рынку». Они хорошо знают, что там командует ФРГ. Им известно, что и без того доля ФРГ в австрийском импорте составляет около 42 процентов. Куда ж еще больше! Опасность экономического вторжения вполне очевидна. И несовместимость с положениями Государственного договора — тоже. Иначе зачем бы при переговорах с «Общим рынком» представители Австрии стали требовать для себя какого-то «особого статуса»?

В беседе с советскими журналистами федеральный канцлер И. Клаус заявил, что Австрия будет строго выполнять обязательства, добровольно принятые ею в законе о постоянном нейтралитете, и обязательства, вытекающие из Государственного договора. Австрия, сказал канцлер, не заключит с «Общим рынком» никакого договора, который нарушил бы ее международные обязательства.

Глава оппозиции, председатель Социалистической партии и бывший вице-канцлер Б. Питтерман, беседуя с советскими журналистами, заметил, что существующий статус «Общего рынка» не позволяет Австрии присоединиться к нему. Ведь это было бы не только экономическое, но и политическое соглашение. Однако и Б. Питтерман допускает некое «приемлемое решение» для сотрудничества Австрии с «Общим рынком».

Менее двусмысленно определял свое отношение к «Общему рынку» вице-канцлер и министр торговли Фриц Бок. В неофициальной беседе он потратил немало энергии, чтобы попытаться доказать советским журналистам, будто бы присоединение Австрии к «Общему рынку» жизненно необходимо для успешного развития ее экономики.

— Наши границы не на запоре,— говорил министр Ф. Бок.— Любая иностранная фирма может у нас открыть свое дело.

— Не слишком ли это опасно для Австрии? — спрашивали советские журналисты.

— Напротив! — отвечал министр Ф. Бок.— Чем шире будет поток иностранных инвестиций в австрийскую экономику, тем лучше.

— Но ведь именно так когда-то начинался «аншлюс»!

— Теперь «аншлюс» невозможен...

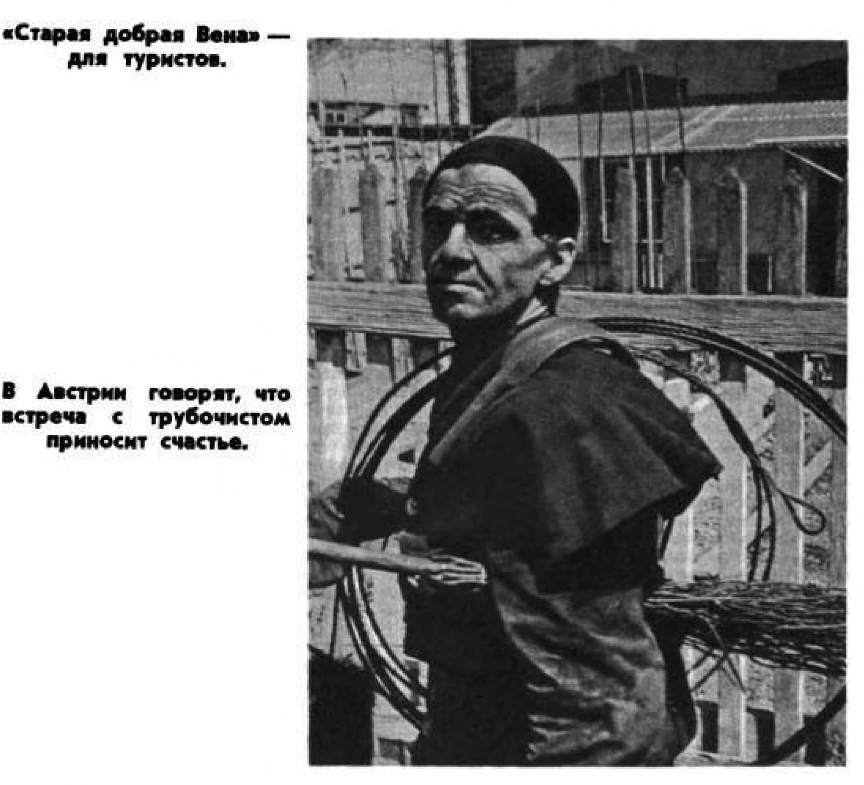
С высоты Дунайской башни хорошо виден новенький стеклянный параллелепипед мольденовского «Прессе-хауза». Бывший зять Даллеса Фриц Мольден стал теперь крупнейшим в Австрии газетным издателем. По его собственным словам, годовой оборот издательства составляет 220 миллионов шиллингов. Чистый доход — 6,5 миллиона шиллингов в год.

В редакции крупнейшей газеты мольденовского «Прессе-хауза», «Ди прессе», советские журналисты имели жаркую дискуссию об отношении Австрии к «Общему рынку». Дискуссия шла на немецком языке, и постороннему человеку, случайно заглянувшему в кабинет главного редактора Шульмайстера, могло бы, наверное, показаться, что шла перепалка между группами, представляющими западногерманские и австрийские интересы. Причем сотрудники австрийской газеты «Ди прессе» во главе с господином Шульмайстером выступали в довольно странной роли адвокатов западногерманского капитала.

Откровенно говоря, позиция «Ди прессе» не была для нас большой неожиданностью. Мы знакомились с ее экономическими статьями задолго до поездки в Австрию и знали, что этот орган крупных дельцов выступает в роли истового поборника за максимальное сотрудничество с ФРГ. Настолько максимального, что...

Советские журналисты у федерального канцлера И. Клауса.

«Старая добрая Вена» — для туристов.



В Австрии говорят, что встреча с трубочистом приносит счастье.

Чем это он так увлечен!

Фото автора.

— Да поймите вы наконец,— с обидой говорили нам в редакции «Ди прессе» австрийские коллеги,— что мы вовсе не хотим нового «аншлюса»! Мы и старым сыты по горло. Ведь среди нас есть даже участники Сопротивления.

— Тогда, уважаемые коллеги, мы удивляемся вдвойне,— отвечали советские журналисты.— Разумеется, в Австрии есть люди, которые рассчитывают, что присоединение к «Общему рынку» повысит их прибыли. Однако мы думаем, что это ложный расчет. Если «шестерка» и согласится принять Австрию в свой союз (который, просим заметить, на наш взгляд, является экономической базой НАТО), то вовсе не затем, чтобы облагодетельствовать Австрию. Конечно, мы верим вам: не много найдется сегодня в Австрии людей, которые хотели бы повторения «аншлюса». Но ведь дело не только в их нежелании. Вы почитайте, что еженедельно пишут об Австрии западногерманские газеты, например, «Национальцейтунг». Она просто глумится над понятием «австрийская нация». Австрию эта газета называет не иначе, как «второе немецкое государство». Вот вам вырезки из «Национальцейтунг», уважаемые коллеги, читайте: «...Противоестественная теория так называемой австрийской нации», «...Реакционная и отвратительная теория некоей австрийской нации». Ну, что скажете на это, уважаемые коллеги?

— Да ведь это же оголтелый третьестепенный солдатский листок. По нему нельзя равнять всю прессу ФРГ.

— Хорошо. Допустим. А что сказал вчера, выступая по западногерманскому телевидению, Иозеф Штраус? Его-то уж вы не отнесете к разряду третьестепенных политических деятелей ФРГ. Он прямо заявил, что не исключает нового «аншлюса» Австрии. Что же вы молчите, уважаемые коллеги?

Объединение австрийских профсоюзов включает в себя почти все трудовое население страны. Во время беседы с руководителями ОАП советские журналисты услышали совсем иное мнение о проникновении в австрийскую экономику иностранного капитала. В присоединении к «Общему рынку» профсоюзные руководители обоснованно видят опасность для национализированных предприятий страны. (Между тем следует напомнить, что по размеру национализированного сектора Австрия занимает первое место среди стран капиталистического мира.)

— У нас уже есть свежий поучительный опыт проникновения иностранного капитала,— сказали нам в центре ОАП.— Мы против реприватизации. Рабочие и служащие Австрии за 20 лет вполне оценили преимущества государственных предприятий по сравнению с предприятиями частными.

Еще более категорически заявили нам на этот счет руководители производственного совета крупнейшего в Австрии металлургического завода «Донавиц» социалисты Хериберт Бауманн и Иозеф Лушник.

— Австрии в «Общий рынок» вступать нет необходимости,— сказал Х. Бауманн.— Некоторые, правда, думают, что тогда у австрийских рабочих поднимется зарплата. Но ведь и цены в Австрии поднимутся до уровня стран «Общего рынка». И вообще крупные европейские концерны могут задавить нашу экономику. Но, я думаю, этого не случится. Австрия не может вступить в «Общий рынок». Прежде всего потому, что существует Государственный договор.

Х. Бауманн и И. Лушник охотно рассказали нам, как, защищая интересы рабочих, они сотрудничают в производственном совете «Донавица» с коммунистами. Из 24 членов совета 14 — представители Социалистической партии, 8 — Коммунистической и только 2 — от буржуазной.

— Недавно на общем собрании «Донавица» 6 тысяч рабочих единогласно приняли решение о предупредительной забастовке. Мы требуем повысить зарплату на 4,2 процента. Если брать в среднем, то это как раз столько, сколько необходимо прибавить, чтобы наши семьи могли сводить концы с концами. Администрация пока соглашается надбавить один процент. Но мы не сдаемся. Будем бороться.

Простые, мужественные слова: «Будем бороться».

Я вспомнил их, когда оглядывал Вену с высоты Дунайской башни... Памятник советским воинам, погибшим при освобождении Вены... «Карл Маркс-хоф» — огромный дом, который хранит под штукатуркой шрамы боев венского пролетариата с черной реакцией...

Прямо под Дунайской башней красивый современный район — Новый Каграи. Затон голубого Дуная, где венцы купаются и плавают на лодках. Светлые здания жилых домов, стадион.

А мне так явственно, до боли в сердце, вспомнился старый Кагран, бедное рабочее кладбище, похороны моего друга коммуниста Франца Штайна...

Он умер немолодым, но мог бы пожить и подольше. Его доконала старая рана, полученная на баррикадах в 1934 году. Франц был из тех, кто выходил первым на борьбу за права рабочих. Половина его жизни — годы тюрьмы и годы безработицы. Только жена да близкие друзья знали, чего стоило ему в эти годы поднять на ноги шестерых сыновей.

Тогда, в осенний день на кладбище старого Каграна собрались товарищи Франца Штайна: седоголовые участники революции 1918 года, герои-подпольщики, шуцбундовцы... И стояли среди них, понурив головы, шестеро сильных рабочих парней, молодых коммунистов, до конца преданных делу отца.

С одним из сыновей Франца Штайна я встретился теперь случайно в Вене. Ему уже тридцать пять, он сам стал отцом. И зовут его тоже Франц.

— Да, конечно,— сказал он,— венскому рабочему живется теперь лучше, чем тридцать лет назад. Но это не потому, что подобрели «МММ» и ему подобные. Это потому, что боролись такие, как мой отец. Да и мы тоже не робкого десятка...

— А что ты думаешь об «Общем рынке»?

— Я? Странный вопрос! «Общий рынок» — объединение монополистов. Против нас — европейских рабочих. А наш путь как раз в противоположную сторону — к социализму.

радиоэлектроника 66

НОВЫЙ «РУБИН» ❊ ЦВЕТ И МУЗЫКА ❊ РАДИОСТАНЦИЯ ВЕСОМ 1 ГРАММ ❊ УЛЬТРАЗВУКОВАЯ ПАЛОЧКА

Прошло семь лет — советская радиопромышленность удвоила объем производства. В предстоящем пятилетии — новое удвоение. Грандиозные цифры! Как конкретно расшифровываются они, что значат для человека?

С этим вопросом мы обратились к заместителю министра радиопромышленности СССР Г. П. КАЗАНСКОМУ. Он предложил нам познакомиться с новинками радиоэлектроники, да не с простыми, а, так сказать, принципиальными — теми, что определяют не только сегодняшнее, но и завтрашнее ее развитие.

СЕМЕЙСТВО «ОГОНЬКА»

Мы никогда не видели столько новых телевизоров, радиоприемников, проигрывателей и их гибридов — радиол, телерадиол, магнитол,— собранных в одном месте. Стереофоническая радиола высшего класса «Симфония» — большая, блещущая полировкой, с двумя отдельно стоящими колонками динамиков — весит 82 килограмма, а приемник «Микро», выполненный с использованием пленочной технологии,— всего 60 граммов! Но это противоположные полюса, крайние точки. А что между ними?

Вы поворачиваете ручку, и вместе с музыкой на специальном экране возникают световые волны, которые словно бы рождаются в глубине приемника. Они подчиняются ритму музыки, игра оттенков сопровождает мелодию. В затемненной комнате это создает удивительное, фантастическое зрелище. До сих пор цвето-музыка была экспериментом, не более. С появлением радиолы второго класса «Гамма» она станет общедоступной. Изготовлен экспериментальный образец приставки для цвето-музыки. Изящная, напоминающая экзотическую раковину приставка может работать от приемника и радиолы.

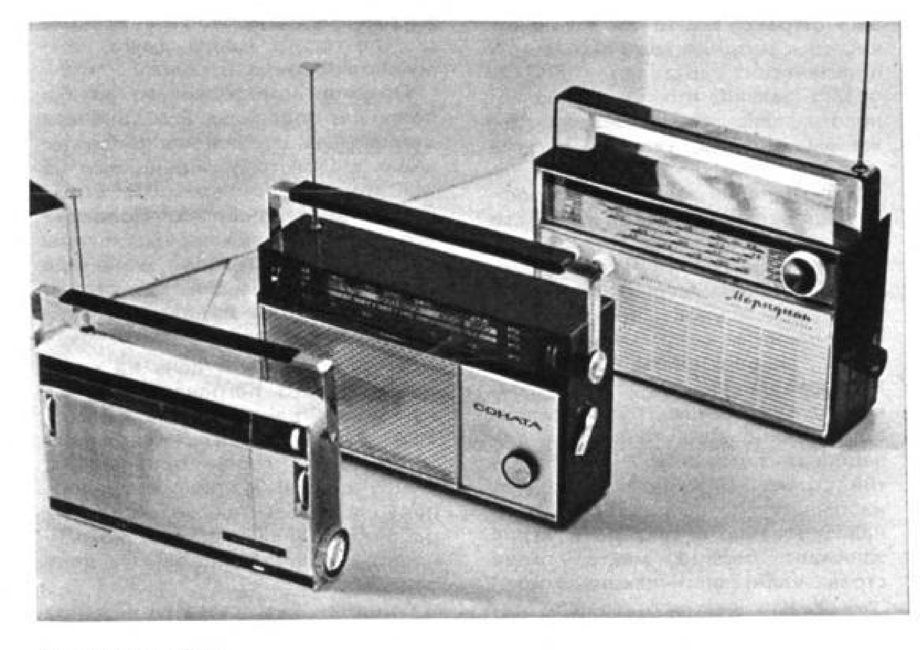
В техническом описании нового приемника или радиолы содержится много характеристик; нам бы хотелось прибавить еще одну: удобство. Да, именно удобство, потому что в многообразии разработанных и готовых к выпуску изделий радиопромышленности явственно проступает забота их создателей об удовлетворении самых разнообразных требований и запросов.

Конструкторы стереорадиолы «Минск-65» подумали о владельцах малогабаритных квартир. Специальный блок реверберации, включенный в схему радиолы, дает особый эффект звучания — кажется, что вы находитесь в огромном зале. Создатели полупроводниковой радиолы первого класса (у нее еще нет названия) разделили ее на несколько блоков — отдельно проигрыватель, отдельно приемник, отдельно динамики. Такая конструкция позволяет легко встраивать радиолу в современную секционную мебель. Новый радиоприемник «Сигнал» с часами вызывает добрую улыбку: вы можете приказать ему включиться в определенное время, скажем, для того, чтобы разбудить вас рано поутру или чтобы не пропустить трансляцию футбольного матча. Если же задержались на работе и не успели к началу репортажа, ровно через двадцать минут радиоприемник автоматически выключится, не будет зря переводить электроэнергию.

Сверхплоские карманные приемники, новые транзисторы, переносные телевизоры, малогабаритные мощные радиолы с отличным звучанием... Какое разнообразие! Но не будем спешить с выводами: множественность форм — да, а содержание? Очень примечательная деталь: радионовинки располагаются не в одиночку, а группами, семействами. Телевизор «Огонек» Львовского завода, о котором немало писалось в нашем журнале, окружен родственниками, такими, как «Электрон», «Рубин-106», «Чайка», «Изумруд», «Зорька», «Рассвет». Это унифицированные модели, то есть собранные из одних и тех же блоков. В 1966 году унификация «охватит» больше половины выпускаемых телевизоров, радиоприемников и радиол. К концу пятилетки будут производиться только унифицированные модели.

Мы попросили поставить самый маленький телевизор на самый большой. Это оказалось нетрудно сделать: телевизор «Микрон» легко подняли за ручку и перенесли. При этом не надо было выключать его из электросети, заботиться об антенне.

«Рубин» и «Микрон».



Это уже освоено!

«Микрон» кажется буквально карликом по сравнению с самым большим «Рубином» — экран 65 сантиметров по диагонали. Этот телевизор может принимать сигналы в дециметровом диапазоне волн.

АЛЛО! Я ЗВОНЮ ИЗ АВТОМОБИЛЯ

Вы разыскиваете нужного вам человека. Вы обрываете телефоны. Ответ один: он где-то здесь, в здании, но где — неизвестно, может быть, в соседней лаборатории или пошел по цехам. Директору института необходимо срочно вызвать десять или пятнадцать человек на оперативное совещание, но люди не сидят на месте, на розыски уходит дорогое время, отвлекается от работы множество сотрудников.

Но вот перед нами система персонального селективного вызова — пульт управления величиной с пишущую машинку и миниатюрные приемнички весом всего 150 граммов каждый. В комплекте их 27, 45 или даже 90. По вашей просьбе секретарь легко может найти любого обладателя такого приемника, где бы он ни находился, в пределах одного здания.

Система связи «Сокольники» предназначена для больших открытых территорий — парков, выставок. Абоненты по желанию могут говорить с диспетчером или друг с другом. Для работников сельского хозяйства разработан специальный радиотелефон. Аппарат весом всего 6 килограммов устанавливается на тракторе или комбайне. С помощью такого телефона механизатор может оперативно связаться с бригадиром, агрономом, даже с центральной усадьбой, если только она находится на расстоянии не больше 20—25 километров.

...Это напоминает небольшой транзисторный радиоприемник: белая пластмасса, клавиши для переключения диапазонов, ручки настройки. Только приглядевшись, замечаешь телефонную трубку.

Снимаем трубку, нажимаем несколько клавиш, слышится знакомый длинный гудок, еще несколько нажатий, и мы разговариваем с редакцией: «Алло, ваши корреспонденты говорят из кабины мчащегося автомобиля!» Это, конечно, шутка, но преувеличение, право же, невелико: мы опробовали ультракоротковолновый радиотелефон, предназначенный для автомобилей. С его помощью можно включаться в городскую телефонную сеть, соединиться с другим автомобилем и даже поговорить по междугородной с приятелем, живущим в Ленинграде или во Владивостоке.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ГЛАЗА И УШИ

Вспышка. Треск. Твердый и легкий, как пемза, камешек разлетелся в прах. «Это абсолютно безболезненно,— уверяют нас научные сотрудники.— Попробуйте сами!»

На ладони, погруженной в ванночку с водой, камешек почти не ощутим, но если таким забит мочевой пузырь... Тонкий, как нить, проводник приближается к ладони. Вспышка — и камешек словно испарился. Рука ощутила лишь легкое щекотание. Нечто подобное происходит с больным, в операции теперь нет необходимости.

Так работает прибор «Урат» — один из целого семейства оригинальных аппаратов, в разработке которых советская радиоэлектроника имеет приоритет перед зарубежными странами. Среди таких аппаратов — новый ультразвуковой диагност. Он просвечивает, вернее сказать, прозвучивает, вну-

тренние органы и позволяет судить о многих интимных процессах, происходящих в организме, например, о том, каково кровенаполнение селезенки, как срослись кости после перелома и т. д.

Среди новинок — стетофонограф, электронное ухо, с помощью которого врач прослушивает сердце и легкие больного куда более тщательно, чем при помощи традиционной слуховой трубочки — стетоскопа. Вся гамма звуков, которые издают легкие, вплоть до неуловимых человеком шумов, пропускается через специальные фильтры и распределяется на шесть каналов. Многие опасные болезни имеют свои специфические голоса, новый аппарат позволяет заранее услышать их, пока они еще очень слабые, едва различимые. Во время испытаний опытный образец стетофонографа помог установить рак легкого на полторы недели раньше, чем это было сделано с помощью обычных методов.

В печати уже сообщалось о радиопилюлях — крохотных радиостанциях,— которые путешествуют по желудочно-кишечному тракту человека и сообщают врачам много важных сведений о состоянии его здоровья. Недавно созданы аппараты «Локация» и «Комплекс». Для работы «Комплекса» используется новая комбинированная сверхминиатюрная радиокапсула. Она ведет сразу две передачи: позволяет определять кислотность и давление. У аппарата «Локация» есть специальное следящее устройство, оно указывает, где находится капсула в любой момент ее движения.

Радиопилюли — это глаза врача. Они позволяют ему без оперативного вмешательства заглянуть внутрь организма. Мы имели возможность убедиться, какие изменения претерпел привычный врачебный глаз — рентген — традиционный способ исследования. Создан и проходит испытания аппарат «Эрга-м». Мы видели снимки, сделанные при помощи этого аппарата: обычный лист писчей бумаги, и на нем четкие тени костей, более расплывчатые — сердца,— одним словом, все то, что мы привыкли видеть на рентгеновской фотопленке, проявленной, закрепленной, промытой и высушенной. «Эрга-м», минуя все эти операции, выдает свои бумажные «снимки» через две минуты.

В заключение нас познакомили с одной из самых новых разработок — с ультразвуковым эхолокатором для слепых. Это своеобразная электронная палочка, своими звуковыми сигналами она предупреждает о препятствии. Чем оно ближе, тем выше сигнал. Эхолокатор способен отличать движущиеся предметы от неподвижных, по окраске звука слепой сможет определить, кто перед ним — человек или, скажем, дерево.

ВСЕГО ТРИ СЛОВА

Когда все эти замечательные аппараты, приборы, телевизоры и радиоприемники перестанут быть опытными образцами, сделаются привычными, общедоступными?

— Просто сказать: «Скоро!» — еще не значит вас убедить, не правда ли? — сказал Георгий Петрович Казанский.— А между тем многие радиоприемники, радиолы и телевизоры, которые вы упоминаете, уже освоены и в ближайшее время поступят в производство. Естественно, мы торопимся: за пятилетие предстоит продать 30 миллионов радиоприемников и радиол и 27 миллионов телевизоров.

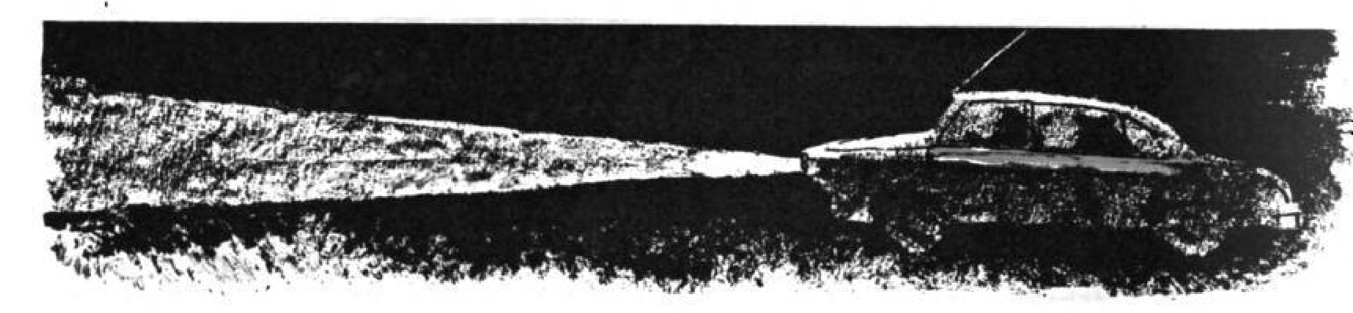
Три не очень привычных слова выражают суть современной радиоэлектроники: микроминиатюризация, транзисторизация и унификация.

Микроминиатюризация означает уменьшение размеров аппаратуры; широкое применение транзисторов — надежность и экономичность; унификация — быстрое увеличение количества, улучшение качества и в конечном итоге — сокращение сроков внедрения новой техники. Вот на чем основана наша уверенность.

Быстрое проникновение радиоэлектроники буквально во все поры жизни — в промышленность, науку, быт — яркая примета нашего стремительного времени.

Ким БАКШИ,
Геннадий КОПОСОВ

Невероятная версия



С. ДЕРКОВСКИЙ,
подполковник милиции

Записки работника МУРа

Прошло еще не менее часа, прежде чем мы увидели интересующую нас пару. Спутник Ильинской шагал нетвердо.

С первого взгляда я понял, насколько прав был Карпенко: сейчас Ильинская была совсем не похожа на ту женщину, которую мы привыкли видеть. Это была, можно сказать, сама жизнерадостность.

Ильинская и ее спутник направились к площади Маяковского. За ними следом на некотором расстоянии шел Барышников.

Карпенко, едва они отошли шагов на тридцать, выскочил из машины и исчез за дверью ресторана. Мы не поняли, для чего это ему было нужно, а спросить не успели.

Вдруг к нам подбежал Барышников.

— В такси садятся,— быстро сказал он.— Что будем делать, Сергей Иванович?

— Пожалуй, больше нечего нам делать. Какой там номер у такси?

— Пятьдесят три-шестнадцать.

— Давай, Коля, поднажми вплотную: проверим еще раз номерок — и домой.

Номер такси действительно был «53-16». Наша машина пересекла Миусскую площадь и повернула на Петровку.

А в это время Карпенко удивлял своим поведением официантов ресторана. Вбежав в зал, он взглядом спросил у Тамары, где сидели те гости. Потом подошел к столу, взял пепельницу и на глазах у изумленной официантки, убиравшей стол, все ее содержимое опрокинул в карман своего новенького костюма.

— Больной, что ли? — крикнула официантка вслед ему.

— Конечно, больной,— сказала с улыбкой Тамара, проходя мимо.

Приехав в МУР, мы пошли на доклад к полковнику. Выслушав, Георгий Федорович одобрил наши действия.

Возвращаясь к себе в кабинет, я еще в коридоре услышал, как трезвонит мой телефон. Звонил Карпенко.

— Это я. В НТО сижу, окурки сортирую. Ох, какие красивые окурки — с красными концами от губной помады... Но другие еще красивее, «Памир», догадываетесь? И в пустом доме был он же.

— Отлично, Слава. Попроси товарищей побыстрей их исследовать и давай сюда.

Барышников поехал в таксомоторный парк, чтобы разыскать водителя машины «53-16». Карпенко, Спирин и я сели обсуждать план дальнейшей работы. Развернув схему, Спирин провел стрелку от потерпевшей к новому условному знаку «Неизвестный Володя».

Утром на следующий день мы беседовали с водителем такси. Шаг за шагом добрались до интересующих нас пассажиров. Место и время посадки и их приметы, описанные водителем, полностью совпали, а это значит, что он действительно твердо вспомнил то, чего мы с таким интересом ждали.

Итак, пассажирка вышла на Тишинской площади, а пассажира пришлось везти на Хорошевское шоссе.

— Вы сможете показать дом, у которого его высадили? — спросил Горин.

— Конечно. По-моему, это 1-я Хорошевская улица, у пятиэтажного нового дома.

...Через час мы получили первый сигнал от оперативной группы с 1-й Хорошевской улицы.

— Сергей Иванович, тут придется покопаться: водитель не видел, в какой дом вошел наш «Володя», но указал наиболее вероятный. Мы начали с него,— докладывал Карпенко.

Только к вечеру на другой день мы принялись изучать списки, в которых значились Владимиры в возрасте от 25 до 35 лет. Их оказалось немало.

Ознакомившись со списком, пришли к выводу, что на поголовную проверку всех Владимиров мы затратим массу дорогого времени. Решено было использовать местное отделение милиции, общественность домов и другие средства, которые были в нашем распоряжении.

* * *

Отбыв срок за грабеж, Владимир Коновалов возвращался в Москву. Он знал адрес нового дома, где жили мать и сестра,— старый их дом в Черкизове снесли,— но телеграммы решил не давать, поэтому на перроне его никто не ждал.

Москва встретила Коновалова проливным дождем. Изрядно промокший, он нашел на Комсомольской площади такси, нырнул на заднее сиденье и сказал водителю, куда ехать.

На звонок никто не откликался. Через минуту он позвонил еще. Неужели никого нет дома? Хотел уже было позвонить соседям, но тут открылась дверь, и Владимир обнял седую маленькую старушку.

Долго сидели, смотрели друг на друга. Потом пришла с работы сестра Вера. Новые слезы и расспросы. А потом пришел Николай, муж Веры, и, конечно, выпили по случаю возвращения. Весь вечер Владимир держал на коленях своего племяннника, сына сестры. Спать легли далеко за полночь...

Так начал Коновалов свою новую жизнь. Вскоре устроился на работу. Завод ему понравился. Приняли его немного настороженно, но когда увидели, с какой жадностью он набрасывается на любую работу, полюбили. Никто не напоминал ему о прошлом. Только однажды в день аванса к нему подошел слесарь с соседнего участка. Владимир и имени его не знал. Был парень гораздо моложе Коновалова, но держался высокомерно. Владимир почувствовал, что разговор будет неприятный.

— Привет, Володя! Меня Димкой зовут. Тут поговаривают, что ты червончик тянул от звонка до звонка. Правда ли?

— А ты, Дима, спроси у тех, кто поговаривает. Они тебе все подробности выложат.

— Ну ладно, чего зря болтать. Вижу, парень ты свой. Тут недалеко новенькое кафе открыли — может, зайдем, раздавим беленькую?

— Нет, дорогой, спасибо. Друзей я себе теперь сам выбираю.

В бригаде, кроме бригадира и одного из слесарей, все были холостяки, гораздо моложе Владимира. Двое даже и в армии еще не служили.

На работе он держался со всеми ровно, вместе с ребятами ходил в столовую, иногда «забивал» в домино.

Но за проходной завода Владимир оказывался один. И можно понять, как он был благодарен ребятам, когда его однажды, заболевшего. навестили всей бригадой да еще и Валю Блохину, табельщицу, с собой взяли.

Собственно, с тех пор и началась его дружба с Валей. Владимир вскоре узнал, что она была замужем, но прожила с мужем лишь два года и разошлась. Говорили, что родители виноваты.

Встречаясь с Валей, Владимир никогда не касался ее прошлого. Она ни о чем не спрашивала его. Пришло время, и Коновалов стал подумывать о женитьбе. Да и мать все чаще намекала на это. Валя, правда, заходить к Владимиру категорически отказывалась, но он чувствовал, что она согласится стать его женой...

Все складывалось хорошо, но тут произошло одно странное событие. Как-то, вернувшись после работы домой, он обратил внимание на непонятно лукавый взгляд матери.

— Что-то ты, сынок, от матери скрываешь, почему никогда не говорил об этой? Только что ушла.— И подала записку.

«Володя, завтра я тебя жду в 19.00 у метро «Краснопресненская». Инна»,— прочитал он. Никогда никаких знакомых Инн у него не было.

— Ерунда какая-то... Кто это?

— Очень симпатичная женщина.

— Молодая, пожилая?

— Да твоих лет. Говорит, давно тебя знает...

Загадку нужно было разгадать, и в назначенное время Владимир был у станции метро «Краснопресненская».

Буквально через минуту кто-то положил ему на плечо теплую руку. Владимир обернулся — перед ним стояла миловидная женщина лет тридцати пяти, очень хорошо одетая.

— Здравствуй, Володя,— сказала она.— Ты меня не знаешь, меня зовут Инна. А я тебя знаю. Тебе только двенадцать было, когда мы жили по соседству в Черкизове. Я ведь хорошо

Продолжение. См. «Огонек» №№ 23 - 24.

Генрих БОРОВИК,
собственный
корреспондент АПН

Дорога №51

К сожалению, я не в Миссисипи. Я не иду вместе с людьми, которые решили продолжать поход Джеймса Мередита, по дороге под номером 51. Я пишу эти строки не в Бэйтсвилле, не в Окленде, не в Сардисе, не в Эрнандо. Дважды за последние пять дней я обращался в государственный департамент США с просьбой разрешить мне поездку в Миссисипи и дважды получал отказ. Вот почему сейчас, когда я передаю по телефону эти слова, перед моими глазами не маленькая площадь перед гостиницей в каком-либо южном городке, а здоровенный краснокирпичный нью-йоркский домина, который всеми своими окнами уставился в мое окно, и несколько сантиметров Гудзона.

Но, когда я смотрю на поверхность реки, в которой отражается синее от бензина и дыма солнце Нью-Йорка, я все-таки вижу не Гудзон. Я вижу хлопковые плантации Миссисипи, раскаленное добела жестокое южное солнце, ощущаю всем своим телом жару 93° по Фаренгейту и слышу мерное шуршание шагов по горячему асфальту дороги № 51. То самое медленное, настойчивое и безостановочное шуршание шагов, о котором Мартин Лютер Кинг сказал, что это самое сильное оружие против несправедливости...

Шаги. Шаги. Шаги... Идут люди. Идут люди. Идут люди...

Идут дорогой, которую избрал Мередит для своего похода. Идут, чтобы продолжать то, что начал он.

Здесь, в Нью-Йорке, по фотографиям, телевизионным пленкам, по газетным репортажам, по рассказам свидетелей я пытаюсь нарисовать для себя картину того, что произошло и происходит там, на Юге. Я вижу кровь на жарком асфальте. Она впиталась в гудрон. Ее вытерли, как ластиком, резиновые шины проходящих машин. Она почернела, и сейчас не разберешь, кровь ли это или просто масляные пятна, но я вижу, я знаю: это кровь...

Если посмотреть отсюда вперед на 100 футов и немного вправо, можно увидеть место, где сидел тот, с ружьем. Он сидел совершенно спокойно и даже курил трубку. Когда подошла группа людей, среди которых был Мередит, человек с трубкой в зубах поднял ружье и несколько раз крикнул: «Эй, Мередит! Мне нужен Мередит!»

Затем он спокойно прицелился и трижды выстрелил.

Видимо, он был твердо уверен, что ему не помешают выстрелить. И ему не помешали, хотя Мередита «охраняли» несколько полицейских и агентов ФБР. И когда расиста арестовали, он тоже был спокоен.

— Он не сопротивлялся,— рассказывает фоторепортер агентства Ассошиэйтед Пресс, который был свидетелем этой сцены,— а спокойно переговаривался с полицейскими. Я был в 100 футах впереди Мередита, когда услышал первый выстрел. Я бросился назад и пробежал всего 40 футов. Мередит лежал на земле... Он кричал от боли... Несколько раз он крикнул: «Кто-нибудь поможет мне?» Я начал снимать. Первый снимок я сделал камерой Никон — объектив 105 мм, выдержка — 1/250 секунды...

Оставим корреспондента Ассошиэйтед Пресс с его профессиональной выдержкой и взглянем на того, с трубкой, спокойно разговаривающего с полицейскими офицерами после того, как только что трижды стрелял в человека, которого прежде никогда не видел, который не сделал ему, мистеру Аубри Джеймсу Норвеллу, ничего плохого.

Кто он — убежденный расист? Руководитель банды куклуксклановцев, преступник-рецидивист?

Да ничего подобного!

Спокойный, уравновешенный обыватель. Родился в 1925 году в Форест-сити. В пятилетнем возрасте вместе с родителями переместился в городок Мемфис, откуда Мередит начал свой поход за свободу негров. Окончил начальную школу, потом среднюю. Без особых успехов, без особых провалов. В 1944 году самого обыкновенного ученика призвали в армию. Он прослужил год, не совершив ни подвигов, ни проступков. Женился 18 лет назад. Детей нет. Сменил несколько профессий. Последняя — продажа скобяных товаров. По отзывам соседей, молчаливый, спокойный человек, если говорил, то говорил об армии. Видимо, она была самым большим событием в его жизни. Он никогда не участвовал в антинегритянском движении, свидетельствуют перед журналистами его соседи, и, насколько они знают, не имел ярко выраженного отношения к расовым проблемам. Стрелять в негра?! Можно было подумать о ком угодно, но только не о нем.

Я так подробно рассказал об этом обыкновенном «человеке», чтобы найти ту ниточку, за которую можно было бы уцепиться, чтобы вытащить на свет причину выстрела. Но зацепиться не за что. Все поразительно обыкновенно и гладко в его жизни, будничной и заурядной.

И тогда возникают два предположения. Первое. Именно эта обыкновенность привычного быта белого обывателя в атмосфере Миссисипи (да, да, Миссисипи — это не штат. Миссисипи — это атмосфера, процветающая в США) и привела к спокойно произведенному, с сознанием собственной правоты и ненаказуемости выстрелу по человеку, которого Норвелл никогда раньше не видел.

Второе предположение. Этот тихий и спокойный человек не мог выстрелить по своей воле. Его заставили. Ему посулили безнаказанность и большие деньги, посулили люди немаловажные, влиятельные, пользующиеся авторитетом и властью. Вот откуда полное спокойствие после выстрела — трубка во рту, невозмутимый разговор с полицейским.

Я не могу проверить ни первое, ни второе предположение. Я лишен возможности поговорить с ним. Он не отвечает на вопросы корреспондентов, а следствие не началось. Когда начнется, неизвестно. Суд над бандитом назначен лишь на второй понедельник... ноября месяца.

Вернемся на дорогу. Прошел день после выстрела. Джеймс Мередит — в госпитале в Мемфисе, откуда его еще не выгнали, но выгонят завтра. Дорога № 51, около того места, где на асфальте еще видны следы крови. Трое полицейских в светло-голубой форме стоят на проезжей части. Их красные лица потны. Они стоят, тяжело расставив ноги, положив руки на широкие пояса, на которых висят массивные кольты с очень удобными для стрельбы резиновыми рукоятками.

К ним приближаются двадцать человек. Эти двадцать во главе с лауреатом Нобелевской премии Мартином Лютером Кингом решили продолжать поход Джеймса Мередита с того места, где он был прерван выстрелом. Этот поход должен помочь неграм Миссисипи преодолеть вековой страх перед расистами, помочь решиться принимать участие в выборах этого года в конгресс.

Прежде чем добраться до этого места из Мемфиса, Мартин Лютер Кинг и его друзья пересекли границу штата Миссисипи, и огромный плакат приветствовал их: «Добро пожаловать в Миссисипи — штат магнолий». Под этими словами, выведенными черной краской, были изображены прекрасные розово-палевые магнолии и белоснежные яхты.

Люди приближаются к полицейским. Небо наполовину в тучах — собирается дождь,— наполовину светло-голубое, как выцветшая полицейская форма. Полицейские, вооруженные пистолетами и дубинками, не сходят с места и загораживают путь.

— Ну-ка с дороги! Слышите?! — орет офицер Фред Огг. И лицо его краснеет еще больше не только от жары, но и от злости.

— Мы продолжаем поход Джеймса Мередита,— отвечает краснорожему полицейскому Мартин Лютер Кинг, человек, которого знает весь мир.

— К черту! Прочь с дороги! — угрожающе произносит Огг.

— Вы не имеете права командовать нами!—спокойно урезонивает его Кинг.

помню и твою мать и сестру. Наверное, мамаша вчера не узнала меня? Смотри, какой ты стал мужчина! — Она взяла Владимира под руку, и они зашагали по направлению к площади Восстания.

— Мы действительно жили раньше в Черкизове. Переехали уже без меня, в пятьдесят втором, осенью,— подтвердил Владимир.

— Да, да, именно в пятьдесят втором. Я помню тот год отлично. Тогда я впервые из Москвы уехала. Хотя мы с мужем к тому времени жили уже на новом месте, я из писем знала, что наши дома в Черкизове снесены. Тебя я не видела, наверное, с сорок восьмого. На днях случайно встретила нашу бывшую соседку, разговорились, начали вспоминать общих знакомых, от нее узнала ваш адрес, и очень захотелось тебя увидеть. Ну что же ты остановился? — Она легонько подтолкнула Владимира под локоть.— Тебе, очевидно, все это кажется несколько странным? Но, понимаешь, мне приятна эта встреча. Знаешь, когда встретишь когонибудь из давних знакомых, кажется, сама молодеешь. Ты никогда не испытывал такого чувства?

— Нет. Мне не хочется встречаться ни с кем из знакомых по Черкизову. Не хочется вспоминать прошлое.

— Понимаю. Соседка твоя кое-что мне рассказала. Но все же родной дом, улица, друзья... Ведь, наверное, кто-то из друзей остался там? Ну что же ты молчишь? — настаивала Инна.

— А что я могу вам сказать?..

— Володя, во-первых, давай договоримся, что ты не будешь больше называть меня на «вы», а во-вторых, сейчас берем такси и куда-нибудь подскочим посидим. Ужасно хочется провести с тобой вечерок. Я сейчас совершенно одна. Мама далеко, муж в командировке...

Вечер они провели в «Балчуге».

С тех пор Владимир заметно переменился, стал замкнутым, задумчивым. Валя Блохина как-то отошла на второй план. Однажды после работы она догнала его за проходной, спросила о здоровье, напомнила, что на завтра взяла билеты в театр.

— Обязательно сходим, Валюша, я вполне здоров и, наверное, завтра тоже буду здоровым,— стараясь казаться веселым, пошутил Владимир, но тут же простился с нею.

А у своего дома увидел Инну, сидевшую на скамейке в тени деревьев.

— Я давно тебя жду.— Она была рада, что видит его.— Знаешь, поедем в парк Горького. Посидим в «Поплавке», а?

— Боюсь, моей зарплаты не хватит рассчитаться. В тот раз заплатили в ресторане тридцать рублей,— как-то криво улыбнулся Владимир.

— Об этом меньше всего беспокойся. У меня деньги есть. Мы же друзья, мужское самолюбие здесь ни при чем...

К стыду своему, он и на этот раз согласился.

В ресторане у них произошел откровенный разговор. Начал его сам Владимир:

— Мне непонятно, Инна, для чего ты все это устраиваешь?

Она ответила:

— Неужели еще не понял? Мне скучно, понимаешь? И никого не надо, кроме тебя. Ты как раз тот человек, с которым можно разговаривать просто. Ну, представь себе, что ты свободен, у тебя есть деньги и тебя приглашают одновременно в две компании — к академикам и к твоим слесарям. Куда бы ты пошел?

— Сравнила! Конечно, к своим ребятам. Но ты же не слесарь?

Она рассмеялась и сказала:

— В общем, не бойся. Станет тебе скучно — уйду. Важно одно: нравится тебе со мной или нет? Может, у тебя свои планы?

— Был план. Мне ведь скоро тридцать, а я все холостой. Девушка у меня есть на заводе. Хорошая девушка.

— А почему бы и не жениться? Думаю, не обязательно докладывать жене, если раз или два в неделю будешь видеть меня. Так что женись, Володя, подарок за мной.

...Однако жениться Владимиру не пришлось. С Валей он встречался все реже. Она делала попытки наладить отношения, но Владимир отмалчивался.

С Инной встречался как-то неопределенно. То она вдруг надолго исчезала, то появлялась каждый день. Бывали случаи, что Владимир отказывался от свидания, но тогда она ждала его возле завода. Так продолжалось до глубокой осени. В начале зимы Инна снова исчезла, а месяца через два Владимир увидел ее у проходной.

Мать все больше ворчала, просила его порвать с этой женщиной, устроить жизнь, «как у всех людей». И с наступлением весны Владимир стал избегать встреч с Инной. Он задерживался на работе на час-полтора. Но и это не помогло: «случайные встречи» в разных местах все-таки происходили.

Как-то, провожая Владимира до площади Маяковского, Инна попросила его не торопиться и, когда прохожих рядом не оказалось, заговорила тихо:

— Володя, ты должен мне помочь в одном деле. Точнее, надо выполнить одно задание. Оно тебе посильно, я это знаю.

— Что я должен сделать? — насторожился Владимир.

— Придет время — скажу.

* * *

Двухдневный поиск опергруппы Карпенко на 1-й Хорошевской улице увенчался успехом: «Неизвестный Владимир» оказался Владимиром Коноваловым.

Задача состояла в том, чтобы быстро решить вопрос о его отношении к ограблению Ильинских.

Сам факт их близкой связи еще ничего конкретного нам не подсказывал. Нашим упущением было то, что мы не изучили в нужной

— К чертям собачьим! — уже не пытается сдерживать себя владелец бледно-голубой формы и красного лица.

Полицейские бросаются на тех, кто стоит рядом с ними, и принимаются толкать их в грудь, расшвыривать, стараются столкнуть с дороги.

...Люди стоят на обочине дороги. Их уже не двадцать и не пятьдесят, их сто пятьдесят. Над ними жгучее, белое, как хлопок, солнце Миссисипи.

У их ног лежит человек. Круглая соломенная шляпа откатилась на несколько футов, и коричневое лицо сливается с красным песком. Его звали Армстед Фиппс. Несколько часов назад он приехал на попутной машине из маленького городка под названием Вест Маркс и присоединился к участникам марша. Ему было а пятьдесят. Он был безработным, и его младшему сыну — пять лет. Фиппса отговаривали соседи: «Куда тебе, ты больной, у тебя повышенное давление. А сейчас такая жара».

Женщина, которая подвела его к машине, рассказывала, что по дороге он несколько раз повторил: «Я никогда не видел Мартина Лютера Кинга. Никогда его не видел. А мне очень нужно его увидеть. Очень нужно. Он хороший человек».

Он пристроился в самом конце колонны, а Кинг был в ее главе. Вот почему Фиппс так и не увидел Мартина Лютера Кинга...

Люди стоят молча, опустив головы. Кто-то поднял соломенную шляпу и положил рядом с телом.

— Этот человек — наш брат. Фиппс родился в Миссисипи, — тихо говорит Мартин Лютер Кинг над телом негра. — Это значит, что, может быть, всю свою жизнь он недоедал, тяжко трудился, а получал за свою работу гораздо меньше, чем следовало. Это значит, что он не имел нужной медицинской помощи, что его не осматривали врачи... Мы должны помнить, что он родился в Миссисипи.

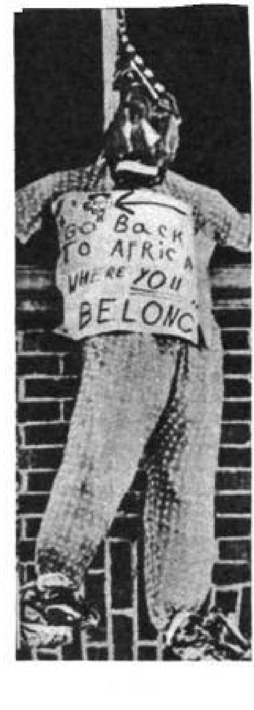
Тело человека, который родился в Миссисипи и умер в Миссисипи, положили в полицейскую машину и увезли.

В кармане застиранной голубой рубашки, в которую был одет Фиппс, нашли квитанцию об оплате им налога за регистрацию для голосования. Негр Фиппс поборол в себе страх.

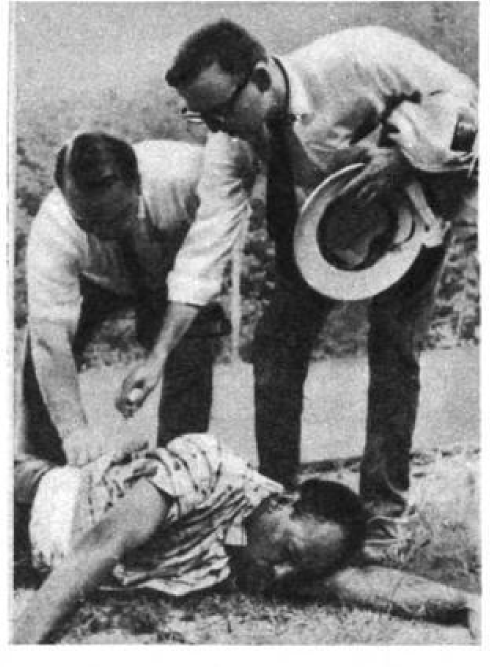
Поход продолжается.

Около Сардиса к Мартину Лютеру Кингу подошел некий белый человек и сказал, что хочет вступить с ним в диспут о правах негров на Юге.

Кинг ответил, что готов провести диспут, если человек пообедает с ним в ближайшем ресторане. Диспут не состоялся. Расист



1962 год. У входа в университет в Миссисипи, куда поступил Джеймс Мередит, расисты вывесили чучело негра с надписью: «Убирайся в Африку!»



Полиция поспела лишь тогда, когда в Мередита уже трижды выстрелили.

Мередит в госпитале в Мемфисе. Его голова обрита, видны следы ранений.

С того места, где в Мередита стреляли, начался новый поход за свободу. Второй слева в первом ряду — Мартин Лютер Кинг.

Фото ЮПИ.

отказался сидеть за одним столом с лауреатом Нобелевской премии Мартином Лютером Кингом.

Поход продолжался...

В маленьком лесу неподалеку от Бейтсвилла была обнаружена группа подростков с винтовками 22-го калибра. Они не успели выстрелить.

Поход продолжался.

В течение всего дня 8 июня группа не могла передать в свою редакцию сообщения о походе. Все платные телефоны вдоль дороги № 51 не работали. Провода оказались перерезанными. Поход продолжался...

Идут люди вдоль дороги № 51 в штате Миссисипи и поют. Идут с севера на юг. Идут, чтобы воодушевить своих братьев негров, которым нелегко избавиться от векового страха. Идут, чтобы показать расистам, что негры — это давно уже не «дяди Томы», которые сидят в своих хижинах.

С каждым днем людей, идущих вдоль дороги № 51, становится все больше и больше. И их песни все слышней и слышней в Миссисипи. Да и не только в Миссисипи.

Нью-Йорк.
По телефону.

мере образ жизни потерпевших, не вникли в их отношения друг с другом и с близкими им людьми. Но уж коль появилось такое неожиданное обстоятельство, нам надо было все как следует проверить.

Если бы Лия Михайловна была с товарищем по работе или знакомым мужчиной, о котором ничего не знает муж, — это одно, но если знакомый — наводчик или участник ограбления, — это совсем другое. Откровенно говоря, во второе мало верилось. Да и как могла потерпевшая пригласить в ресторан, угощать, катать по городу на такси грабителя? Странно, очень странно, но проверить нужно.

Во второй половине дня Горин отправился на завод, где работал Коновалов. Вернувшись, он рассказал, что Коновалова товарищи по бригаде уважают за трудолюбие.

— Вот его фото. В бюро пропусков попросил, — закончил Горин.

— А кто его друзья на заводе? — спросил Спирин.

— Особо близких друзей нет, но в том же цехе работает Морозов Дмитрий Герасимович. Говорят, в последнее время Коновалов с этим Димой частенько встречается.

— А что собой представляет Дима? — поинтересовался Спирин.

— Игорь Дмитриевич, он рыжий.

Это уже было нечто важное.

— Где живет?

— На Дмитровском шоссе. Вот его адрес и фотокарточка.

— Может быть, вызовем Ильинского, предъявим ему фото Морозова? — предложил Спирин.

— Подождем результатов от Карпенко, — сказал я.

Наконец позвонил Слава.

— Коновалов дома. Мне из телефонной будки виден подъезд. Он не выходил.

— Продолжайте наблюдение, минут через десять позвоните нам.

Мы поспешили к начальнику отдела. Выслушав доклад, Георгий Федорович согласился с нами, что Коновалова надо немедленно задержать и доставить в МУР.

В девять часов вечера в моем кабинете собрались Спирин, Панкратов, Барышников, следователь Максимов. С минуты на минуту ждали Карпенко и Горина, которые должны были привезти Коновалова...

В кабинет ввели молодого человека среднего роста, широкоплечего, с густыми, сросшимися бровями, одетого в тот же светлый костюм, который мы видели на нем два дня назад.

— Владимир Коновалов?

— Так точно, сын собственных родителей, — спокойно ответил он.

— Ну, садитесь, раз вы сын собственных родителей, — добродушно улыбнулся Спирин. — Расскажите, как поживаете.

— А что вас интересует? О себе мне говорить нечего. Вам, наверное, все и так известно. Не случайно сразу на Петровку привезли.

— Да, вы правы, Коновалов, — сказал Спирин. — Не случайно. Мы о вас много знаем. Но все-таки расскажите нам, как живете.

— Ну, с чего начать, чем кончить? — с напускной развязностью произнес Коновалов. — Отбыл срок, приехал, прописался, устроился работать. Вот на днях жениться хотел... А теперь не придется.

— Почему же не придется? — весело спросил Спирин. — Кажется, у вас невест хватает: на заводе Валя, в ресторане кутите с Лией.

— Какая еще Лия? — удивился Коновалов. — Я никакой Лии не знаю.

— А о ресторанах что скажете? Начиная, например, с «Баку»?

Коновалов сразу побледнел, закусил губу.

— В «Баку» был конец... И была со мной Инна. Вернее, я с ней... А начало было вскоре после моего приезда в Москву.

— Скажите, Коновалов: среди этих женщин есть кто-либо из ваших знакомых? — спросил я, раскладывая перед ним три фотокарточки, в том числе и фото Ильинской.

— Да, есть. Вот она, Инна, — сразу узнал Коновалов Ильинскую. — С ней я был и в «Баку» да и в других многих местах.

— Значит, вы говорите, ее Инной зовут? — спросил Карпенко и, взяв папку с документами, быстро перелистал ее, нашел заключение экспертизы по окуркам сигарет «Памир», найденным на месте происшествия и взятым в ресторане, положил его на стол.

— Я же сказал, что Инна. Больше я про нее ничего не знаю. Ни отчества, ни фамилии. Помоему, она географ или геолог.

— А дома у нее бывали? — спросил Карпенко.

— Адрес знаю. Вернее, дом знаю, но какой номер, было как-то ни к чему. В квартиру захаживал... Это недалеко от Белорусского, на втором этаже. Эх! Надо же мне было связываться! — Коновалов опустил голову, закрыл лицо ладонями.

— К чему теперь вздыхать?.. Расскажите лучше, что вы делали ночью на втором этаже пустого дома напротив дома вашей Инны?

— Вам и это известно? — Коновалов обвел всех угрюмым взглядом.

— С кем вы там были? — спросил Спирин.

— С Димкой из нашего цеха и еще с одним его приятелем — Виктором или Виталием, точно не знаю.

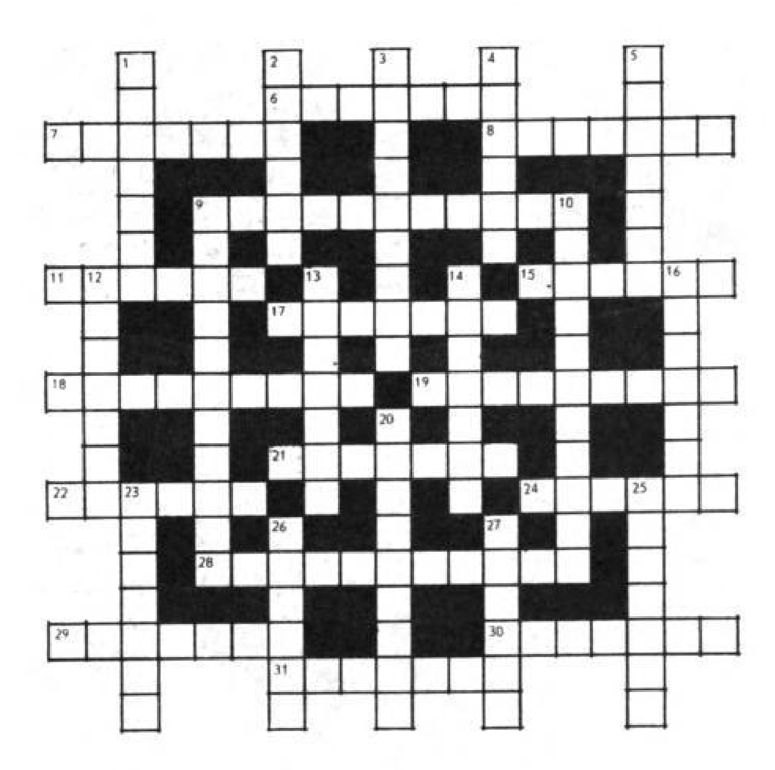
— Давайте, Коновалов, по порядку. — Спирин включил магнитофон. — Расскажите, где, когда, через кого познакомились с Инной, с Димкой и Виктором. Только должен предупредить, что вашу знакомую Инну зовут Лия Михайловна, а фамилия ее — Ильинская. Поняли? Так ее и называйте.

— Понял. Значит, Лия... Ильинская. Хорошо. Пусть будет Лия, пусть будет Ильинская. Но я же привык ее Инной звать, буду путать.

— Это неважно, — успокоил его Карпенко, — вы поближе к микрофону садитесь и расскажите все по порядку, при каких обстоятельствах познакомились со всеми этими лицами.

Окончание следует.

КРОССВОРД



По горизонтали:

6. Река в Канаде. 7. Буквоотливная наборная машина. 8. Лесная птица. 9. Порт в Чили. 11. Сельскохозяйственный инвентарь. 15. Приток Енисея. 17. Музыкальная пьеса. 18. Гора на Урале. 19. Оптический прибор. 21. Русский художник XIX века. 22. Оттиск с гравюры. 24. Драма Гете. 28. Исчисление себестоимости продукции, товаров. 29. Вид локомотива. 30. Узкий, неглубокий овраг. 31. Государство в Африке.

По вертикали:

1. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 2. Запаянный сосуд для хранения лекарств. 3. Стихотворный размер. 4. Кормовая трава. 5. Рыба семейства карповых. 9. Древний русский город. 10. Наука о птицах. 12. Ответная реакция организма. 13. Произведение живописи. 14. Огородное растение. 16. Персонаж трилогии К. А. Федина. 20. Работник транспорта. 23. Климатический курорт в Ставропольском крае. 25. Памятник. 26. Ионизированный газ. 27. Дикая кошка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

6. Швейцария. 8. Фальконе. 9. Премьера. 12. Минута. 13. «Ионыч». 15. Унисон. 18. Карасор. 19. Куранты. 20. Мадейра. 21. Черника. 23. Бартанг. 25. Диспут. 26. Гаага. 29. Морена. 32. Эйнштейн. 33. Шпиндель. 34. «Риголетто».

По вертикали:

1. Европа. 2. «Айвенго». 3. Карпаты. 4. Дизель. 5. Молекула. 7. Трембита. 10. Филателия. 11. Континент. 14. Новелла. 16. «Ермак». 17. Акаба. 22. Нептуний. 24. Терапевт. 27. Ахундов. 28. Гаршнеп. 30. Оленин. 31. Квинта.

На первой странице обложки: Леночка.

На последней странице обложки: Играют команды «Спартак» и «Пахтакор».

Фото А. Бочинина.

Когда Журмагуль Нурсултанова решила стать балериной, родители — рабочие совхоза «Пригородный» — отпустили ее в Алма-Атинское хореографическое училище без особой радости. «Балерина — несерьезная профессия, нетрудовая»,— сетовали они.

Журмагуль проучилась полгода: потом ее отчислили.

— Балет — это труд. Очень тяжелый труд,— сказали ей педагоги.— Ты к нему сейчас не готова. Не обижайся на нас, не огорчайся. Чтобы не делать людей несчастными в будущем, мы должны быть жестокими сейчас.

Журмагуль села в автобус, который шел в совхоз, и проплакала всю дорогу. Ей очень хотелось стать балериной, и через три года она вновь пришла в первый класс: труд ее не пугает...

«Лебединое озеро» мы смотрели из-за кулис Казахского театра оперы и балета имени Абая. Зрелище для новичка ошарашивающее. Легкость, грация, стремительность на сцене и большая усталость здесь. Зал еще рукоплещет, а балерины сидят на скамейках, вытянув ноги, тяжело дышат и полотенцами утирают пот с лица. Хорошо, что зрители не видят их сейчас. Через несколько минут они опять на сцене — опять легкие, грациозные, стремительные...

Мы слышали, как одна девушка во время танца шептала подругам: «Девочки, я сейчас упаду. Упаду... Упаду». Танец она закончила с блеском, но за кулисами ей стало плохо. Мы спросили после спектакля, часто ли случается такое. Нет, не часто, но бывает. Это происходит, как правило, с теми, кто мало или плохо работал в училище. Для настоящей балерины большая физическая нагрузка должна стать нормой. Такое не приходит вдруг, нужны годы ежедневной тренировки.

— Балет — это любовь к труду с детства,— сказал нам главный балетмейстер театра, заслуженный деятель искусств Казахстана Даурен Абиров.— Поэтому хореографическое училище прежде всего школа труда.

Даурен Абиров пришел мальчишкой в училище в 1934 году, он был первоклассником, когда других классов еще не было: училище только что открылось. В Алма-Ате он получил среднее «балетное» образование, а высшее — в Москве, в Государственном институте театрального искусства, на балетмейстерском отделении, у народного артиста Р. В. Захарова.

Фируза Ултанбаева, Лора Аширова и Инна Гуляева окончили Алма-Атинское училище недавно. У Фирузы театральный стаж — два года, у Лоры и Инны — год. Наше интервью с ними в перерыве между репетициями.

— Если бы можно было танцевать только пять лет, я бы не променяла их на пятьдесят без театра,— говорит Инна.

— А труд тяжел только для тех, кто его не любит,— добавляет Лора.

Мы видели этот труд. Репетиция утренняя и репетиция вечерняя. Бесконечные упражнения у станка. Потом у зеркала. Постановка нового танца. Повторение старого. Тяжелые, чугунные штанги — это, правда, для ребят. Пируэт. Пробежка. Прыжок. Темп. Темп. Темп... Хочется остановиться и хотя бы перевести дух. Нет. Еще раз. Пируэт. Пробежка. Прыжок. Плохо. Еще раз...

Мы попытались приоткрыть завесу над таинством балетного вдохновения с помощью Булата Аюханова. Он балетмейстер и солист балета. Его путь в искусство начался в Алма-Атинском хореографическом училище, потом два года усовершенствования в Ленинграде, в Вагановском, затем ГИТИС, балетмейстерское отделение, уроки Ростислава Владимировича Захарова. Он полностью согласен со своими юными коллегами: труд и вдохновение — нерасторжимы...

«Лебединое...»

Л. ШЕРСТЕННИКОВ,

О. КУПРИН

Зрителей много...

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Инна Гуляева. Одна секунда семичасового рабочего дня.

КАЗАХСКИЕ ТЕРПСИХОРЫ

Лора Аширова.

Булат Аюханов: «Темп, ребята! Темп!»

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10608. Подписано к печати 15/VI 1966 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1148. Заказ № 1631.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.